

Часть IV.

Анархические

КОЛЛЕКТИВЫ В

городах

- 16. Общий обзор
- 17. Каталонский Совет экономики и декрет о коллективизации
- 18. Проблема военной промышленности
- 19. Коллективизация транспорта, связи и коммунального хозяйства
- 20. Коллективизация текстильной промышленности
- 21. Прочие городские коллективы
- 22. Инициативы анархистов в образовании, здравоохранении и социальном обеспечении
- 23. Экономический пленум НКТ

16. Общий обзор

В дни, последовавшие за подавлением военного мятежа, рабочие большинства регионов республиканской Испании – Каталонии, Леванта, Новой Кастилии (Центра), Андалусии, Сантандера и Астурии – начали захватывать контроль над промышленными и торговыми предприятиями, на которых они работали. Единственным лоялистским регионом, где таких захватов не происходило, была Страна Басков. Баскские националисты, которые преобладали в региональном правительстве, не позволяли проводить подобные конфискации. Сын одного баскского промышленника, который в период правления Франко сам стал владельцем завода, рассказывал мне, что их семейная металлургическая компания во время войны оставалась под управлением человека, получившего доверенность от его отца, в то время как сами они находились во Франции¹.

СТИХИЙНОСТЬ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Первое, что следует сказать о захватах предприятий их рабочими, – они совершались спонтанно, без какого-либо призыва или указания НКТ или любой другой высшей власти. Виктор Альба, который в то время был журналистом и лидером молодёжного движения Рабочей партии марксистского единства в Каталонии, подтверждает это.

Согласно Виктору Альбе, основной причиной создания того, что вскоре стали называть «коллективами», было оставление предприятий их законными владельцами: «Нужно подчеркнуть исключительность этого явления, которое было неожиданным и повторение которого было маловероятным... этого массового оставления предприятий владельцами фирм, имевших определённое значение, поскольку это помогает нам понять ситуацию, без которой коллективизация не произошла бы»².

Энрике Марко Надаль, который во время Гражданской войны был лидером железнодорожных рабочих НКТ Валенсии, писал мне:

“ «Коллективы начинались со взятия (инкаутации) рабочими производств, брошенных теми собственниками, которые больше сочувствовали мятежникам, чем Республике, и поэтому бежали из неё, или теми, кто, не испытывая неприязни к Республике, были недобросовестны в отношениях со своими рабочими и также бежали, чтобы не стать жертвами репрессий»³.

Однако Виктор Альба, говоря, в частности, об исчезновении собственников в Барселоне, возражает:

«Собственники, лишённые руководства со стороны своих организаций, позволили себе поддаться страху и не разобрались в ситуации. Если бы они сделали это, большинство вернулось бы в свои фирмы, когда прекратилась стрельба на улицах, и хотя им пришлось бы пойти на многие уступки, им, возможно, удалось бы сохранить принцип частной собственности на предприятиях. Но они даже не попытались. Они ушли прежде, чем их попросили уйти. И ещё неизвестно, попросили ли бы их это сделать».

Альба утверждает, что если бы собственники вернулись, то они за короткий срок получили бы мощную поддержку. Многочисленный средний класс сплотился бы вокруг них, как только правительство было бы в определённой степени восстановлено. Однако, когда собственники бежали, никто уже не мог поддержать их⁴.

Марко Надаль и Виктор Альба согласны в том, что спустя недолгое время значительное число владельцев менее крупных фирм действительно вернулось назад, но процесс коллективизации уже шёл полным ходом. Марко Надаль, продолжая свой рассказ о появлении коллективов в Валенсийском регионе, отмечал:

“ «Другие [коллективные предприятия] возникали благодаря соглашениям между рабочими и собственниками... и рабочие, проявляя тактичность, в этих случаях оставляли собственнику те функции, какие он хотел, или делали его техническим советником при фабричном комитете, вместо того чтобы ставить его у станка...»⁵

Виктор Альба даёт сходный комментарий в отношении Каталонии: «Со временем часть владельцев, возможно до 30%, в фирмах среднего размера, но отнюдь не в крупных, вернулась, и их бывшие фирмы брали их на работу техниками, бухгалтерами и даже директорами, и в этом качестве они получали зарплату. Между этими нанятыми бывшими собственниками и их новыми товарищами по работе не было никаких значительных конфликтов»⁶.

В ряде случаев сами рабочие вызывали назад бывших владельцев, чтобы те управляли своими бывшими предприятиями под общим надзором рабочих комитетов. Так случилось на одном из главных литейных заводов в районе Барселоны, который был переоборудован для производства авиабомб⁷.

Виктор Альба также предположил, что существовала альтернатива конфискации фабрик, мастерских и торговых заведений рабочими. Этой альтернативой было вмешательство Хенералидада в работу предприятий в Каталонии и других правительств, включая республиканское, – в других частях лоялистской зоны⁸. Однако сразу после 19 июля ни одно правительство лоялистской Испании не имело достаточного авторитета и власти, чтобы предпринять подобный шаг, и даже если какое-либо из них рассматривало такое решение, прибегать к нему не стали. (Единственным исключением была национализация всех каталонских банков Хенералидадом через несколько дней после начала войны.)

Учитывая то, что промышленные и прочие предприятия были брошены владельцами, а правительства были неспособны немедленно предоставить замену предпринимателям, рабочие стали действовать по собственному усмотрению. Виктор Альба утверждает, что рабочих, по крайней мере отчасти, мотивировало беспокойство о том, как они получают свою зарплату в следующую субботу⁹. 19 июля приходилось на воскресенье, и через пару дней это стало проблемой, которая требовала решения.

Виктор Альба описал то, что происходило:

“ «Всё находилось в подвешенном состоянии. Обстановка выяснилась ко вторнику 21-го. В большинстве крупных фирм не было ни собственника, ни управляющего, иногда не было даже инженеров. Если бы предприятия перестали функционировать, что было бы тогда?

Двери были открыты, не благодаря собственнику или управляющему, пришедшему с ключами в руке, а благодаря какому-нибудь ночному сторожу... Люди были там. Они бродили повсюду, дезориентированные. Каждый был сам по себе. Некоторые фабрики начали работать, но чаще всего рабочие собирались небольшими группами и обсуждали то, что они услышали от тех, кто участвовал в уличных боях. Где-то в первой половине дня, после нескольких телефонных звонков или визитов в профсоюз, рабочие устраивали собрание на рабочем месте.

Инициативу иногда брал на себя профсоюзный делегат, в других случаях – рядовые члены. На этих собраниях, после пересказа известной информации (что собственника или управляющего нет дома и его местонахождение неизвестно), решали избрать комитет, который составит планы на текущий момент и вынесет их на следующее общее собрание... В этот же день прошли и другие собрания на многих предприятиях. На других они были проведены в начале следующего дня, среды 22-го... На всех этих собраниях – в Барселоне, на некоторых производствах Валенсии, в фабричных городах Каталонии... принималось решение, что рабочие должны взять на себя ответственность за предприятие, что управлять им будет выборный комитет и что будет поддерживаться контакт с профсоюзом»¹⁰.

Идеологический контекст движения по созданию коллективов

Очевидно, что национальные и региональные руководящие органы НКТ не играли никакой или почти никакой роли в принятии рабочими решений о конфискации предприятий. Действительно, по большей части даже с местным союзом в лучшем случае лишь консультировались, но он не направлял процесс, хотя были примеры, в Бадалоне и других провинциальных городах, когда синдикаты действительно брали на себя руководство.

Англоязычное издание Рабочей партии марксистского единства «Испанская революция» (The Spanish Revolution) критиковало недостаток централизованного руководства процессом коллективизации со стороны НКТ в это время: «НКТ, или анархистские профсоюзы, объединяющие наиболее радикальных рабочих, не смогли предоставить необходимого руководителя [так в тексте], чтобы решить проблемы революции. Столкнувшись с конкретными задачами, их утопизм показал свою несостоятельность. Отягощённые старыми концепциями и одновременно пытаюсь решать реальные повседневные проблемы, они фактически оставляют принятие всех решений на усмотрение определённых товарищей и местных комитетов. Это привело к беспорядочности и выдвиганию разрозненных инициатив, которые должны быть организованы»¹¹.

Однако то, что анархо-синдикалистское руководство не направляло процесс коллективизации, не означает, что анархическая идеология Национальной конфедерация труда не имела никакого значения в этом процессе. Как говорил Виктор Альба, бегство работодателей «создало исключительную возможность осуществить давние стремления профсоюзов. Необходимо подчеркнуть... это. Без желания – иногда неосознанного – стать хозяевами, без живых коллективистских традиций в сельской местности, без стремления анархо-синдикалистов преобразовать общество посредством синдикатов и превратить последние в администраторов экономики – без всего этого рабочие, решая свои проблемы, выбрали бы одну из других возможных альтернатив, каждая из которых была более простой и менее обременительной, чем создание комитетов предприятий»¹².

Интересно отметить, что по крайней мере некоторые из национальных лидеров анархистов не одобряли коллективизацию. К ним, в частности, относился Орасио Прието, который на момент начала войны был секретарём Национального комитета НКТ и находился в Стране Басков, где не было подобных захватов предприятий рабочими. После возвращения в Каталонию он испытал шок от того, что там происходило¹³.

Краткосрочное и долгосрочное значение коллективизации

Даже критики анархистов отдавали должное той роли, которую они сыграли в возобновлении работы экономики после подавления мятежа в тех частях Испании, где удержалась Республика. Например, Родольфо Льопис, социалистический лидер и главный помощник Франсиско Ларго Кабальеро во время его премьерства, отмечал, что после 19 июля государство фактически исчезло и, благодаря наличию сильного профсоюзного движения, профсоюзы смогли принять на себя управление производством, создать коллективы и наладить работу экономики. Он говорил, что анархисты внесли в это дело большой вклад. Однако у него оставались сомнения относительно того, было ли коллективов достаточно, чтобы вести войну¹⁴.

Луис Портела, во время войны бывший лидером Рабочей партии марксистского единства в Валенсии, также говорил, что коллективизация спасла экономику Республики в начале

войны¹⁵.

Исследователи Гражданской войны из анархического лагеря соглашались с важностью коллективов для продолжения функционирования экономики республиканской Испании, однако они не разделяли сдержанности Родольфо Льописа по поводу их дальнейшей роли. Так, Гастон Леваль утверждал: «Индустриальная коллективизация, синдикализация промышленности и коммунальных служб, аграрная социализация, которые позволили нам сопротивляться почти три года и без которых Франко восторжествовал бы в течение нескольких недель, были делом рук либертариев, которые создавали и организовывали, не обращая внимания на министров и министерства»¹⁶.

Отношение анархистов к средним слоям

Некоторые наблюдатели, которые в основном положительно оценивали революцию, осуществлённую на начальных стадиях Гражданской войны анархистами и их левосоциалистическими и поумистскими союзниками, и которые впоследствии много о ней писали, полагали, что революционеры допустили роковую ошибку в своём отношении к среднему классу. Можно привести мнения двух таких авторов.

Бернетт Боллотен был корреспондентом «United Press» в лоялистской Испании в 1936–38 гг., посвятил значительную часть своей жизни собиранию материалов о войне и революции и написал две книги по этой теме, затрагивающие, в частности, борьбу между анархистами и сталинистами во время конфликта. Он говорит:

“ «К ужасу тысяч ремесленников, мелких фабрикантов и торговцев, их контракты и их оборудование экспроприировались профсоюзами анархо-синдикалистской НКТ и часто – несколько менее радикальными профсоюзами социалистического ВСТ... Одним словом, профсоюзы посягали на интересы среднего класса почти во всех областях. Лавочники, парикмахеры и пекари, сапожники и столяры, модистки и портные, кирпичники и строительные подрядчики – вот лишь некоторые из профессий, неумолимо захваченных коллективизационным движением в бесчисленных городах и сёлах.

Неудивительно, что во время первой волны этих революционных потрясений мелкие предприниматели и дельцы считали себя разорёнными, поскольку, даже когда анархо-синдикалисты проявляли уважение к собственности маленького человека, некоторые среди них поясняли, что это лишь временная снисходительность, пока продолжается война»¹⁷.

Виктор Альба во время войны был журналистом Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) и имел возможность лично наблюдать процессе коллективизации. Он написал две

объёмных рукописи, рассматривающих этот процесс с сочувственной точки зрения. Однако он соглашается с Боллотеном и разъясняет последствия такого отношения анархистов к среднему классу.

Альба пишет, что это было фундаментальной ошибкой анархистов – «не привлечь на свою сторону средний класс. Без поддержки среднего класса кампания коммунистов против коллективизации не нашла бы отклика, им не удалось бы убедить Негрина (поскольку он не видел бы в этом выгоды для себя) отправить золото в Москву, и у них не было бы кадров и средств, чтобы навязывать советскую политику».

Альба доказывает, что у анархистов была возможность проводить

“ «политику привлечения среднего класса. Им следовало поступить так – это было вполне возможно без ущерба для интересов рабочих и даже с выгодой для них. Они могли бы включить в свои ряды добрую часть среднего класса, чтобы установить постоянные отношения между частными предприятиями – мелкой и средней категории – и коллективизированной экономикой, используя услуги профессионалов.

В итоге они этого не сделали, возможно потому, что они отождествляли средний класс с худшими элементами в политике, и потому, что именно находившийся у власти средний класс – по многим причинам – преследовал рабочее движение в период Республики»¹⁸.

Анархисты, конечно, не оставляли попыток получить поддержку низшего среднего класса. Джон Лэнгдон-Дэвис, британский журналист, процитировал в связи с этим обращение НКТ к мелкой буржуазии, изданное в начале августа 1936 г.:

“ «Необъясним тот страх, который испытывает по отношению к нам мелкая и умеренная буржуазия, – то, что капиталисты, миллионеры, плутократы, помещики боятся нас, логично, поскольку они воплощают собой несправедливость и представляют привилегированные классы. Но скромные буржуа, мелкие дельцы и мелкие промышленники, ясно должны видеть, что мы им не враги... В Каталонии мелкая буржуазия составляет значительную долю общества. Мы не хотим недооценивать её социальную функцию. Мы верим, что в созидании нового общества, которое рождается на наших глазах, эта группа будет важнейшей деталью мощного механизма, который ковали рабочие начиная с того момента, как 19 июля капитализм ушёл в небытие...»¹⁹

Однако на практике анархисты слишком часто не уделяли внимания интересам и мнениям среднего класса, и это оказало негативное воздействие, особенно с политической точки зрения, на проведение преобразований, в которых они были заинтересованы.

Инновации в коллективах

Коллективами были произведены значительные технологические и организационные улучшения в производстве. Самым поразительным примером первых было быстрое создание военной промышленности, обеспечивавшей оружием и снаряжением милицию и новую республиканскую армию.

Организационные изменения, главным образом, принимали форму преобразования кустарных производств в фабричные, особенно в Каталонии. В течение нескольких месяцев в Каталонии возникло около 36 таких «больших» коллективов, сформированных путём объединения небольших мастерских в крупные предприятия, которые можно было организовать более эффективно. Среди них были организации деревообрабатывающей, молочной, овощной и мебельной промышленности. Эта политика временами вызывала сопротивление со стороны некоторых коллективов меньшего размера, созданных сразу после начала войны. Рабочие в коллективах, которые были преуспевающими в финансовом плане, иногда не хотели сливаться с теми, которые испытывали затруднения²⁰.

Эта тенденция к консолидации и рационализации производства под рабочим контролем не ограничивалась одной Каталонией. В Валенсии профсоюзный пленум НКТ в декабре 1936 г. постановил: «Особенность большинства [частных] производителей, определённая недостатком технико-коммерческой подготовки, помешала им осуществить последний эксперимент – группировку крупных предприятий для достижения лучшей технологии и более рациональной эксплуатации. Поэтому... социализация, предложенная нами, должна исправить дефекты системы и организаций в пределах каждой отрасли...»²¹

Внутренняя структура коллективов

Хотя от одного коллектива к другому наблюдались некоторые различия, вскоре сложилась более или менее общая схема их внутренней организации. Виктор Альба описывал её на примере Каталонии:

“ «Собрание всех рабочих и служащих предприятия выбирало контрольный комитет или комитет предприятия, от пяти до десяти человек. Теоретически обе центральные профсоюзные организации были представлены в комитете пропорционально численности своих членов на предприятии. Но на большинстве предприятий до мая 1937 г. не было членов ВСТ, или их было так мало, что они не создавали отделение своего профсоюза. Положение изменилось после майских событий 1937 г., когда, благодаря победе на улицах противников НКТ, ВСТ достиг успеха в формировании на многих предприятиях неких подобий профсоюзного отделения, состоявших из более робких или менее политизированных рабочих, которые до войны были индифферентными или прихвостнями работодателей».

В этом отношении ситуация в Левантийском регионе существенно отличалась. ВСТ к началу войны был здесь намного сильнее, чем в Каталонии, и большая его часть находилась под контролем социалистов фракции Ларго Кабальеро. Как мы увидим в следующих главах, ВСТ в этом регионе часто с энтузиазмом сотрудничал с НКТ в создании коллективов.

Возвращаемся к организационной структуре коллективов в изложении Виктора Альбы:

“ «В комитетах должны были быть представлены все подразделения предприятий: администрация, склад, различные производственные сектора, цеха и т.д. Синдикаты настаивали на этом, не только потому, что видели в этом способ заинтересовать в профсоюзной жизни элементы, ранее ею не охваченные – в первую очередь служащих, – но и потому, что среди этих элементов были люди, благодаря своим знаниям незаменимые в комитете предприятия, такие как бухгалтеры и техники. В результате большинство во многих комитетах составляли новоиспечённые или не слишком ревностные сэнэтисты, однако согласующей силой и “душой” комитета были старые профсоюзные активисты.

В комитетах вообще было мало людей моложе 30 лет; молодёжь скоро оказалась на фронте. Вместе с ней со многих предприятий ушли воображение, воодушевление и самоотверженность молодости».

Комитет выбирал директора предприятия. Этот человек, однако, работал под пристальным надзором комитета предприятия и должен был передавать все важнейшие решения на его рассмотрение.

Выбор директора часто был трудным делом, потому что те, кто занимали руководящие посты раньше, не всегда пользовались доверием рабочих. Однако там, где отношения между рабочими и администрацией были хорошими, на эту должность мог быть избран прежний управляющий и даже, в ряде случаев, бывший собственник. Также часто избирались служащие, бухгалтеры и другие сотрудники, имевшие необходимые знания и опыт²².

Альба завершает своё описание внутренней организации коллективов замечанием:

“ «Управление на большинстве предприятий было не очень сложным, благодаря их небольшому размеру. Рабочие, получившие определённый опыт руководства в своих профсоюзах, вполне логично заключали, что они смогут управлять и предприятием, на котором они работают»²³.

Сиприано Дамиано, журналист НКТ времён Гражданской войны, хорошо знакомый с коллективами Барселоны, отмечал, что все важные решения принимались общими собраниями рабочих, которые проводились регулярно и при широкой явке. Дамиано говорил, что если бы управляющий сделал то, на что не был уполномочен собранием, его, скорее всего, сместили бы на следующем собрании. Он добавлял, что синдикаты по-

прежнему существовали и управляющие советовались с ними²⁴.

Коллективы и проблемы военного времени

Анархические городские коллективы сталкивались со множеством проблем, порождённых теми исключительными обстоятельствами, которые существовали после 19 июля 1936 г. Были и другие трудности, возникшие в процессе самой коллективизации.

Одной из главных проблем, которые стояли перед коллективизированной промышленностью лоялистской Испании, было то, что к началу Гражданской войны страна ещё не оправилась от Великой депрессии. Одним из наиболее очевидных её последствий, с которыми приходилось иметь дело рабочим коллективам, была безработица. Гастон Леваль подсчитал, что в одной только Каталонии было по меньшей мере 200 тысяч безработных рабочих²⁵. Как мы увидим в последующих главах, коллективам удалось вернуть значительное число из них к работе, вновь открыв остановившиеся предприятия или цеха. Но во многих других случаях, следуя эгалитарным принципам, коллективы считали себя обязанными выдавать обычную зарплату своим товарищам, даже если те не работали.

Гастон Леваль привёл в качестве примера рабочих-строителей Барселоны. В результате Гражданской войны в этой отрасли была низкая занятость. Но правительство Каталонии решило, что строителям будут выдавать зарплату, даже если они не работают. Когда строительный профсоюз НКТ решил, что это следует прекратить, и попытался найти своим членам другое занятие, сталинистский Всеобщий союз трудящихся создал собственный профсоюз строителей и пообещал, что его члены продолжат получать свою зарплату, не будучи обязанными работать. Таким образом, попытка профсоюза НКТ решить эту проблему провалилась, по крайней мере в этот раз²⁶.

Жозеп Мария Брикаль отмечает, что в Каталонии «проблема борьбы с безработицей утратила важность к концу 1937 г., вследствие декретов о мобилизации». В сентябре и октябре 1937 г. каталонское правительство – куда больше не входили анархисты и где было заметным влияние сталинистов – издало декреты, гласившие, что рабочие промышленности и торговли, до сих пор получавшие установленное пособие по безработице от Бюро регулирования выплаты зарплат, подлежат «гражданской мобилизации по распоряжению президента Хенералидада». Они должны были быть направлены «на те работы, для которых они были квалифицированы, в особенности на возведение укреплений и прочие военные цели». Те, кто уклонялся от мобилизации, лишались пособия²⁷.

Другая трудность, поставленная ситуацией, в которой оказались новообразованные коллективы, то есть Гражданской войной, заключалась в необходимости переоборудовать многие предприятия лоялистской Испании для военного производства. Диего Абад де Сантильян комментировал: «Необходимость решать задачи... войны, которая с каждым днём приобретала всё большее значение и которую обслуживала бóльшая часть производства, полностью поглощала энергию большинства сознательных и квалифицированных

представителей пролетариата»²⁸.

Связанной проблемой была нехватка сырья, которая вскоре возникла в республиканской Испании. Она возникла из-за относительной бедности республиканской зоны ресурсами и усиливающейся блокады лоялистской Испании, не только испанским флотом, который удалось захватить силам Франко, но и флотами фашистской Италии и нацистской Германии.

Лидер анархистов Диего Абад де Сантильян описывал эту проблему: «Мы с первого же дня столкнулись с тревожной нехваткой сырья в регионе, который не был богат им. У нас, например, совсем не было угля для промышленности и транспорта. Нормальное потребление для Каталонии составляло пять или шесть тысяч тонн в день, а те немногие шахты низкосортного угля, которые у нас эксплуатировались, даже с интенсификацией добычи давали только триста тонн»²⁹.

Ещё одной проблемой, с которой столкнулись коллективизированные производства, была узость рынков. В начале Гражданской войны в руках Республики остались наиболее индустриализованные части Испании. До 19 июля 1936 г. рынок сбыта промышленности включал в себя всю нацию. Однако после того, как силы мятежников захватили контроль примерно над половиной страны, промышленность Каталонии и Леванта оказалась отрезана от рынка, где сбывалась значительная часть продукции её предприятий. Снижение занятости и финансовые проблемы – вот лишь два из осложнений, к которым привела эта ситуация для коллективов.

И ещё одной проблемой, выросшей из войны, было физическое уничтожение части экономики республиканской Испании. Воздушные силы Франко, состоявшие главным образом из итальянских и немецких машин и лётчиков, совершали массированные налёты на Барселону, Валенсию и другие лоялистские города. Некоторые из этих налётов наносили значительный ущерб промышленным предприятиям, а также железнодорожным узлам и жилым районам.

Уже в январе 1937 г. член Национального комитета НКТ Мариано Кардона Росель отмечал масштабы этих разрушений: «В различных зонах страны находятся сотни фабрик, мастерских, магазинов и т.д., которые полностью или частично разрушены после вражеской бомбардировки. И на этих фабриках и прочих рабочие получают свою зарплату, не работая. Примите во внимание тот факт, что затронуты сотни и тысячи рабочих»³⁰.

Общая экономическая ситуация республиканской Испании ухудшалась по мере продолжения Гражданской войны. Раскол страны на две части привёл к нехватке всего на свете, не только сырья и рынков сбыта, но также и продовольствия. Результатами этого стали увеличение инфляции, обесценивание республиканских денег (что ещё больше усиливало инфляцию, поскольку дело касалось импортированных товаров) и рост чёрного рынка. Рональд Фрейзер отмечает, что цены в Каталонии выросли на 47% в первые полгода войны и ещё на 49% в следующие полгода³¹. Эти проблемы приходилось решать коллективам и непосредственно НКТ.

Проблемы, связанные с коллективизацией

Кроме этих проблем, являвшихся результатом войны и общей экономической ситуации в стране, бесчисленные трудности возникли в самом процессе коллективизации. Сюда входили неподготовленность НКТ, с точки зрения её организации, к внезапному возникновению тысяч коллективов, созданных её рядовыми членами; рост того, что мы условно назовём «фабричным патриотизмом»; проблемы дисциплины труда; нехватка подготовленных кадров; недостаточность источников финансирования коллективов; проблема отношений коллективизированной части экономики с частным и государственным сектором. Ещё один серьёзный вопрос был связан со статусом предприятий, принадлежавших иностранному капиталу. Наконец, коллективы сталкивались с постоянной и нарастающей оппозицией противников анархистов, в первую очередь сталинистов, за которыми следовали некоторые элементы из Социалистической партии и ВСТ, а также партии и организации среднего класса.

Несоответствие организационной структуры НКТ

Как мы видели, внезапное появление коллективов, сформированных рядовыми сэнэтистами, которые взяли в свои руки большинство крупных заводов и значительную часть торговли и других видов экономической деятельности, оказалось полной неожиданностью для национального и регионального руководства Национальной конфедерации труда. Что ещё более важно, существовавшая на тот момент организационная структура НКТ совершенно не подходила для этой ситуации.

Большинство организаций НКТ создавались на местной, региональной или национальной основе. Самой мелкой единицей была группа рабочих на фабрике, в торговой фирме или ремесленной мастерской. Рабочие одной отрасли или вида деятельности объединялись в местный союз, или синдикат. Эти синдикаты формировали местную федерацию.

В некоторых случаях местные федерации объединялись в комаркальную федерацию, в других – следующей ступенью иерархии была провинциальная федерация. Провинциальные и комаркальные федерации соединялись в региональные конфедерации, которые, вместе взятые, образовывали Национальную конфедерацию труда.

Недостающим звеном этой структуры, которое позволило бы справиться с внезапным возникновением коллективов, была серия национальных отраслевых федераций. Создание подобных организаций больше полутора десятилетий было предметом долгих и порой горячих дискуссий в рядах анархистов.

Первая попытка образовать национальные федерации потерпела неудачу на конгрессе НКТ в начале 1920-х. И хотя конгресс 1931 года одобрил эту идею, к началу Гражданской войны мало что было сделано для проведения этого решения на практике.

Если бы существовала система национальных отраслевых федераций, объединяющих на национальном уровне все местные союзы определённой промышленной или иной отрасли, можно было бы в сравнительно короткий срок образовать местные, региональные и национальные организации коллективов, созданных членами этих федераций. Однако, ввиду отсутствия национальных отраслевых союзов, каждый коллектив был вынужден действовать по собственному усмотрению, за исключением тех случаев, когда местные союзы осуществляли координацию коллективов. Насколько мне известно, не было ни одного случая, когда городские коллективы объединялись на региональной основе, за возможным исключением Астурии.

Руководство НКТ вскоре остро почувствовало эту организационную слабость своего движения. К примеру, в январе 1937 г. М. Кардона Росель, выступая в Барселоне, заявил: «Коллективизация – это вынужденный шаг, начало социализации; и теперь пролетариат в больших и малых городах занят большой и сложной задачей по созданию в законченном виде своих отраслевых федераций, на региональной и национальной основе. Отраслевые федерации, безусловно, являются необходимым шагом, обязательной мерой для достижения социализации... Сейчас крайне необходимо создать отраслевые федерации... Этого требует Революция, а все нужды Революции являются неотложными»³².

В марте 1937 г. Региональный конгресс НКТ Каталонии принял резолюцию о создании отраслевых союзов на региональном уровне. Предусматривалось создание двенадцати таких организаций³³. Мы увидим в последней главе этой части, что Национальный экономический пленум НКТ, прошедший в Валенсии в январе 1938 г., в итоге принял план объединения коллективов под началом национальных отраслевых союзов. К тому времени, однако, было уже слишком поздно.

Фабричный патриотизм

Одним из результатов отсутствия местной, региональной и национальной координации коллективов стало быстрое развитие фабричного патриотизма. Это явление описывали и анархисты, и неанархисты.

Виктор Альба отмечал в октябре 1937 г.: «Мы можем видеть, что в некоторых группах рабочих коллективизировать фабрику или отрасль – означает лишь присвоить её себе, не принимая во внимание ни нужды войны и общую организацию производства, ни то, нуждаются ли другие отрасли в сырье, которым они обладают. Были синдикаты, которые поверили в то, что коллективизация сводится к присвоению предприятия, находящегося в частной собственности... Конфискация или социализация производства всегда должна проводиться не в пользу синдиката или одной группы рабочих, но в пользу всего пролетариата»³⁴.

Французский анархист Гастон Леваль отмечал тот же феномен. Он писал: «Много раз, в Барселоне и Валенсии, рабочие того или иного предприятия принимали во владение фабрику, рабочие помещения, машины, материалы и, пользуясь тем, что при поддержке правительства продолжала существовать денежная и товарная экономика капиталистической системы, организовывали производство к собственной выгоде, получая прибыль от продажи своей продукции... Такая практика приносила не подлинную социализацию, а некий вид рабочего неокапитализма...»³⁵

М. Кардона Росель отмечал два других аспекта этой проблемы, которые он назвал «профессиональным пониманием» и «местническим подходом». Он говорил, что некоторые рабочие были склонны смотреть на всё с точки зрения того, что было хорошо для их собственной отрасли, игнорируя экономику в целом. Также была тенденция, когда рабочие одной части страны думали преимущественно, если не исключительно о том, что было хорошо для их региона, а не об общем благосостоянии республиканской Испании или об интересах всего рабочего класса³⁶.

Орасио Прието, бывший национальный секретарь НКТ, ещё более резко критиковал то, что мы обозначили как «фабричный патриотизм». В январе 1938 г. он говорил: «Коллективизм, которым мы живём в Испании, – это не анархический коллективизм, это создание нового капитализма, более неорганичного, чем прежняя капиталистическая система, которую мы разрушили... Богатые коллективы отказываются признавать какую бы то ни было ответственность, обязанности или солидарность по отношению к бедным коллективам... Никто не понимает сложности экономики, зависимости одной отрасли от другой»³⁷.

Ясно, что проблема фабричного патриотизма усугублялась отсутствием внутри НКТ механизма для координации действий разрозненных коллективов. Кроме того, в одних секторах экономики указанная проблема проявлялась больше, чем в других. В ряде случаев местным профсоюзам удавалось если не устранить, то по крайней мере ограничить это явление, как, по-видимому, произошло в текстильной промышленности Бадалоны.

Проблема дисциплины труда

Перед рабочими, избранными в руководство коллективов, неизбежно вставала проблема дисциплины труда. После того, как с предприятий исчезли собственники и старые управляющие, а также их методы поддержания дисциплины, у некоторых рабочих-членов коллективов возникал соблазн делать то, что они пожелают, не думая о последствиях этого для благосостояния своих товарищей по работе и коллектива в целом. С другой стороны, принимая во внимание традиционный аргумент анархистов, что солидарности вполне достаточно, чтобы гарантировать, что в послереволюционном обществе не будет никаких проблем с дисциплиной труда, некоторые рабочие, отвечавшие за координацию и управление в коллективах, испытывали понятное нежелание вводить какие-либо правила и инструкции – и наказания – для своих товарищей.

Виктор Альба отмечал, что, по крайней мере в первые несколько недель, изначальный энтузиазм рабочих в отношении коллективизации и их убеждённость в том, что они строят

новое общество, сводили проблему дисциплины труда к минимуму. Однако, когда этот период миновал, встал вопрос: «Как поддерживать дисциплину без снижения энтузиазма, чтобы рабочие не стали в итоге говорить, что они только сменили хозяев?..» Альба объясняет происходившее:

“ «Использовались разные методы, согласно подходу каждого комитета и в соответствии с сознательностью комитета в данном вопросе. Были и те, кого это не волновало, и те, кто фактически действовали как новые собственники; таких было меньшинство, и рабочие иногда отзывали их, если видели что пары накрыли их с головой или что они пожертвовали всем ради эффективности.

Наиболее распространённым решением было созывать частые собрания, чтобы рассказать рабочим о ситуации, выслушать их предложения и обсудить с ними проблемы и их возможные решения. Самые активные и молодые работники каждого предприятия ушли на фронт. После этого остались старые активисты... и неактивное большинство. Влияние старых активистов, понятное дело, было решающим».

Альба заметил, что было сложно предугадать, сохранят ли такие собрания свою эффективность, если война закончится победой Республики и больше не будет чрезвычайных условий, подкрепляющих призыв к добровольной дисциплине труда³⁸.

Рональд Фрейзер приводит интересный случай, о котором ему рассказал Луис Сантакана, лидер текстильного коллектива «Эспанья Индустриаль» в Каталонии. Один рабочий был пойман на краже гаечного ключа, и Сантакана провёл с ним воспитательную беседу, говоря, что теперь он ворует не у хозяина, а у своих же товарищей. Однако через пару недель тот же самый человек украл другой ключ, и, как говорил Сантакана: «Коллектив... не стал бы его выгонять, потому что у него были дети и ему нужна была его недельная зарплата. Вместо этого мы решили перевести его на новое место, в отдел очистки. Но об этом требовалось дать публичное уведомление».

Сантакана сказал рабочему:

“ «Ты напишешь на доске своё полное имя, а под ним – что ты украл два гаечных ключа и это причина твоего перевода на участок, где у тебя больше не будет возможности воровать». Хотя рабочий протестовал против такого, как он считал, унижения, он был вынужден сделать так, как требовал Сантакана. После этого, по словам Сантаканы: «Больше не было случаев нарушения дисциплины; угроза доски была достаточной»³⁹.

В заключительной главе мы увидим, что на Национальном экономическом пленуме НКТ в январе 1938 г. проблеме дисциплины труда было уделено большое внимание, и пленум вынес по этой проблеме более суровые решения, чем можно было ожидать от анархической организации.

Нехватка квалифицированного персонала

Одно из препятствий, в некоторых отраслях более серьёзное, чем в других, представляло собой отсутствие достаточного числа управленческих и технических кадров. Причина этого заключалась не только в том, что исчезли бывшие работодатели, но и в том, что во многих случаях технические кадры высшего звена на заводах, захваченных рабочими, не хотели участвовать в коллективах.

Гастон Леваль писал: «По нашему впечатлению – принимая во внимание характер работы в металлургии, где технологические проблемы гораздо более важны и гораздо чаще возникают, чем в других отраслях (деревообработке, например), – здесь ощущалась нехватка инженеров и специалистов, способных нести ответственность за производственный организм. Компетентных специалистов недоставало в военной промышленности, в машиностроении. Пролетарский энтузиазм не мог восполнить незнание математики»⁴⁰. Жозеп М. Брикаль также отмечает: «“Рабочая солидарность” публиковала непрерывные мольбы о техниках, из-за недостатка в них, который начала испытывать каталонская промышленность»⁴¹.

В некоторых случаях проблему решали, оставляя бывшего владельца управляющим коллектива. Это особенно часто происходило в относительно небольших фирмах. Рональд Фрейзер процитировал Жоана Феррера, секретаря союза работников торговли НКТ в Барселоне, который посетил множество рабочих собраний, убеждая их взять на себя заботу о предприятиях: «Очень часто владелец также обращался к собранию и едва не доводил всех до слёз рассказом о тех жертвах, на которые ему пришлось пойти, чтобы построить фирму, – только для того, чтобы теперь видеть её находящейся под угрозой коллективизации. В таких случаях я всегда предлагал собранию сделать его управляющим директором, так как рабочий совет в любом случае должен был кого-то назначить. Моя идея заключалась в том, что бывший владелец был наиболее подходящим человеком, потому что он, с его капиталистическим эгоизмом, будет следить за предприятием и удостоверится, что всё работает так хорошо, как только можно; он, вне всякого сомнения, будет надеяться, что однажды вернёт свою собственность. Моё предложение почти всегда принималось»⁴².

Этот вопрос также привлёк определённое внимание на Национальном экономическом пленуме НКТ. Были приняты различные предложения по созданию школ технической подготовки.

Политика в отношении заработной платы

Одной из проблем, с которыми пришлось столкнуться коллективам, был порядок оплаты труда их членов. Анархические профсоюзы были априорно настроены на то, что заработная плата должна зависеть от размера семьи работника и выплачиваться всем на равных основаниях. Однако, как мы увидим в последующих главах, широко была распространена тенденция оставлять без значительных изменений те различия в зарплатах, которые существовали до 19 июля 1936 г. Коллективы посчитали это необходимым, чтобы склонить к сотрудничеству техников и служащих.

В Каталонии Хенералидад, возможно чтобы завоевать симпатии анархистов, бесспорно господствовавших в регионе, в конце июля 1936 г. издал декреты, устанавливавшие 40-часовую рабочую неделю и на 15% повышавшие зарплату всем, чей доход был ниже 6 000 песет в год⁴³. Однако далеко не все анархисты одобряли подобные меры. Хуан Пейро в газете «Свобода» (Libertat), издававшейся в Матарó, в номере от 9 августа 1936 г. заявил, что сокращение рабочего времени «не могло бы быть более несвоевременным»⁴⁴. Со своей стороны, барселонская федерация НКТ «рекомендовала увеличить производство и не домогаться нового повышения зарплаты или сокращения рабочего дня, поскольку нужно было думать не о том, как достичь частичных улучшений, а как взяться за решение основной проблемы через социализацию собственности». Жозеп Мария Брикаль отмечает, что многие профсоюзы аннулировали эти декреты – в первую очередь тот, что касался сокращения рабочего времени⁴⁵.

После устранения анархистов из каталонского правительства, в октябре 1937 г., была создана Комиссия по регулированию зарплат, подчинённая главе Департамента экономики Хуану Коморере. Она должна была определять минимальный и максимальный уровень заработной платы, а также устанавливать систему дифференциации ставок⁴⁶. Тем не менее не совсем ясно, до какой степени каталонское правительство могло влиять на оплату труда в рабочих коллективах.

Отсутствие источников финансирования

Одна из наиболее серьёзных проблем, стоявших перед коллективами, вытекала непосредственно из идеологии анархистов. Это было отсутствие сети финансовых учреждений, обслуживавших их.

Испанские анархисты перед Гражданской войной, безусловно, воспринимали банки и кредитное дело как капиталистический институт, неприемлемый для либертарной экономики. Поэтому они мало внимания уделяли организации банковских служащих и не имели никаких планов относительно банков и их роли в послереволюционной экономике. В начале войны единственный профсоюз банковских работников входил в ВСТ, и Бернетт Боллотен охарактеризовал его как «вотчину левого социалиста Амаро дель Росаля, сторонника коммунистов»⁴⁷. Хотя НКТ впоследствии организовала собственный профсоюз банковских работников, было уже поздно.

Такое отношение анархистов сохранялось некоторое время и после начала Гражданской войны. Так, М. Кардона Росель, выступая в январе 1937 г., утверждал:

“ «В какой степени осознана социализация и отвергнут капиталистический порядок, в такой же степени институты, которые являются фундаментально капиталистическими, подвергнутся замене или полному преобразованию, и на смену им должны прийти иные организмы»48.

В Каталонии, где анархисты, через свои профсоюзы и Совет милиции, контролировали бóльшую часть экономики в первый период войны, банковская система осталась в руках правительства. Меньше чем через неделю после начала войны Хенералидад издал декрет о регулировании работы всех банков. Контроль над ними был поручен правительственному Генеральному комиссариату банков и Федерации банковских работников ВСТ49. Рональд Фрейзер комментирует эту проблему:

“ «В своём революционном броске на завоевание средств производства... каталонские либертарики упустили один весьма “материальный” компонент власти – финансы. Хенералидад не утратил контроля над банковскими и финансовыми институтами Каталонии, которые оставались под надзором профсоюза банковских служащих ВСТ. Хенералидад сразу же назначил, по согласованию с профсоюзом, своих представителей в каждом банке, чтобы контролировать операции и предотвратить утечку капитала. Профсоюз с буквальной точностью выполнял все инструкции, изданные советником по финансам Хенералидада и центральным правительством...»

Перефразируя мнение Жоана Грихальбо, видного члена профсоюза банковских работников ВСТ во время войны, Фрейзер отмечает:

“ «“Упущение” каталонских либертарики, возможно, было не таким значительным, как это часто предполагалось. Довоенной Каталонии никогда не удавалось “обналичить” свой индустриальный вес и направлять политику испанского государства; буржуазии для этого не хватало одного атрибута – банков и финансового капитала. Теперь, почти по той же самой причине, каталонская революция не могла “обналичить” свой особый вес; она не контролировала финансовые ресурсы страны – это делал Мадрид. Тем не менее это “упущение” открывает нам некую двойственность либертарной революции; золото банков для капитализма является тем же, чем является организованное принуждение, полиция, суд и армия, для государства – высшей властью. Республика на время потеряла возможность использовать второе, но удержала первое. Либертарная революция не получила ни того, ни другого»50.

Практически с самого начала некоторые из коллективов столкнулись с финансовыми проблемами. Немалое число предприятий, захваченных рабочими, уже находилось в

состоянии банкротства, или близком к нему, из-за депрессии. Другие вскоре начали испытывать трудности с финансами, по разным причинам, и нуждались в получении кредита из банка или другого источника. Если бы существовали общая координация коллективов и некий финансовый институт в структуре НКТ, эти проблемы не представляли бы никакой угрозы ни для отдельных коллективов, ни для коллективной системы в целом. Однако их отсутствие ставило под угрозу весь эксперимент с коллективизацией.

Те, кто был настроен против коллективов, использовали отсутствие у НКТ учреждений для их финансирования, чтобы подорвать или разрушить контролируемые рабочими предприятия. Среди этих врагов коллективов первое место занимал Хуан Негрин, который, и в качестве министра финансов в правительстве Франсиско Ларго Кабальеро, и качестве преемника Ларго Кабальеро на посту премьер-министра, прилагал все усилия, чтобы помешать им успешно функционировать и, если возможно, уничтожить их.

Виктор Альба говорит относительно работы Негрина против коллективов:

“ «Нет сомнений в том, что Министерство финансов... могло бы установить монополию внешней торговли, не вопреки коллективам, а в согласии с ними, приобретая таким образом иностранную валюту для страны, поощряя рабочих к увеличению производства и вызывая у них чувство, что они работают на себя и на страну, а не на собственников. Оно могло попытаться сделать то, что сделал Хенералидад своим декретом о коллективизации 1936 г., то есть скоординировать коллективы, отвести синдикатам определённую роль в этой координации и в то же время оставить за государством некоторые руководящие функции. Оно могло обеспечить коллективам кредит... Но Негрин вовсе не был в этом заинтересован... он был заинтересован в разрушении всего, чего достигли рабочие...»⁵¹

Этот финансовый саботаж Негрина усилился после того, как республиканское правительство перебралось в Барселону в октябре 1937 г. Он заставил не слишком сопротивлявшееся правительство Каталонии, которое к тому времени в значительной степени контролировалось сталинистами, передать республиканскому правительству те фонды от прибыли каталонских коллективов, которые были размещены в Кассе промышленного и торгового кредита, созданной каталонским декретом о коллективизации. Согласно декрету, эти фонды должны были использоваться для инвестиций в коллективы⁵².

Эта проблема также рассматривалась Национальным экономическим пленумом НКТ в январе 1938 г. На нём была одобрена идея о создании под эгидой НКТ Иберийского синдикального банка (Banco Sindical Ibérico) для финансирования коллективов. Но это решение, опять же, было запоздалым.

Отношения с частным сектором

Хотя рабочие взяли под свой контроль существенную долю городской экономики республиканской Испании, важная её часть оставалась в руках частных фирм. Виктор Альба приводит оценки, согласно которым даже в Каталонии, где больше всего были распространены городские коллективы, почти половина рабочих продолжала трудиться на частных предприятиях⁵³.

Рабочие, которые захватили многие промышленные и другие экономические организации, должны были продолжать деловые отношения с существующими частными фирмами. Во многих случаях частные фирмы являлись либо покупателями продукции коллективов, либо поставщиками материалов и товаров для них.

Контакты с частным сектором имели определённую важность и в другом разрезе. По мере роста экономических трудностей в Республике расширялся чёрный рынок, и коллективы иногда выступали на нём как продавцы либо как покупатели.

Национальный экономический пленум НКТ не оставил без внимания и проблему чёрного рынка. Он постановил организовать в больших и малых городах Республики распределительные центры, чтобы сдерживать инфляцию и бороться со спекуляцией. Но оставалось слишком мало времени для того, чтобы эти решения возымели действие.

Проблема иностранных предприятий

Захват рабочими фирм, принадлежавших испанцам, не создавал особых проблем в международных отношениях Республики. Однако в случае с коллективами, которые были созданы после 19 июля на предприятиях, принадлежавших иностранным фирмам или инвесторам, дело обстояло иначе.

Конфискация таких компаний рабочими влекла за собой по крайней мере две проблемы для Республики. С одной стороны, подобные действия приводили к тому, что иностранные фирмы, испанские филиалы которых были захвачены их рабочими, мобилизовывали свои силы против республиканского дела в Гражданской войне.

Более непосредственную угрозу республиканской экономике создавала вероятность того, что любая продукция конфискованных иностранных фирм, отправляемая для продажи за границу, могла стать предметом судебных исков. «Материнская компания» в Великобритании, Франции или любой другой стране могла утверждать, что продукция коллектива фактически принадлежит ей. Подобные случаи рассматриваются в последующих главах.

Лидеры НКТ не собирались игнорировать проблему конфискации иностранных фирм. Действительно, уже 28 июля 1936 г. «Рабочая солидарность» опубликовала список британских фирм в Барселоне, призывая их рабочих не совершать конфискаций⁵⁴. Несколько месяцев спустя М. Кардона Росель, в своей речи, произнесённой в январе 1937 г., предложил, чтобы в случае, если рабочие всё же захватили иностранную фирму, бывшим собственникам была выплачена компенсация за их инвестиции в Испании⁵⁵.

Однако НКТ не придерживалась какого-то общего принципа в отношении этой проблемы. Как правило, рабочие НКТ не провозглашали полную конфискацию предприятий, принадлежавших иностранцам, а вместо этого избирали комитет, чтобы «контролировать» операции фирмы. Тем не менее, как будет отмечено в следующих главах, в которых случаях иностранные предприятия были полностью захвачены рабочими, даже если первоначально это не входило в их намерения.

Оппоненты коллективизации

Наконец, существовали препятствия, поставленные на пути коллективов теми элементами в Республике, которые полностью отвергали идею рабочего контроля на предприятиях. Мы уже отметили усилия Хуана Негрина, как министра финансов и премьер-министра, направленные на подрыв и уничтожение коллективов. Однако Хуан Негрин был лишь одним звеном в оппозиции, сложившейся против рабочих предприятий НКТ.

Сталинисты из Коммунистической партии Испании (КПИ) и Объединённой социалистической партии Каталонии (ОСПК) были категорически против коллективизации анархистами значительной части экономики. Они ясно давали понять это, не только своими делами, но часто и словами. Возможно, типичный образец нападок на городские коллективы содержался в докладе Долорес Ибаррури на пленуме Коммунистической партии в мае 1938 г. Признав вначале, что «случившееся в промышленности было необходимостью для рабочих в условиях, когда собственники бросили все предприятия», Ибаррури продолжала:

“ «Испанский пролетариат проявил удивительный дух инициативы и организации, беря в свои руки фабрики и заставляя их продолжать работу... Опыт показал, что коллективы, плохо ориентируемые, разжигающие партикуляризм, делают более трудным для самих рабочих осознание общих интересов их собственного класса. На основе существующих коллективов невозможно построить прочный экономический порядок или новую форму государства. Под непосредственным руководством государства, при демократическом режиме, текущая ситуация должна быть исправлена и изменена множеством способов: национализацией одной части производства, централизацией и координацией другой, а также, если это необходимо, возвратом части его в частные руки...»⁵⁶

Каталонская сталинистская партия – ОСПК с самого её основания в конце июля 1936 г. проявляла непреклонную оппозицию по отношению к захватам фабрик и других рабочих мест. Один из первых документов ОСПК, опубликованный 6 сентября 1936 г., провозглашал: «Мы требуем, чтобы экономика была свободна от влияния или давления столь многих новоявленных комитетов, проявлений того псевдореволюционного наплыва, который душил великую жизненную силу Каталонии...»⁵⁷

Хуан Коморера, глава ОСПК, также ясно выразил эту оппозицию рабочему контролю экономики. В своём приветствии первой национальной конференции ОСПК, состоявшейся через несколько недель после формирования правительства Негрина, он говорил:

“ «Наша партия полагает, что в новой ситуации войны и революции синдикаты имеют и выполняют следующие основные обязанности: 1. Улучшение положения рабочего класса и помощь рабочим в организации своей жизни на лучших началах. Предоставление рабочим всех материальных благ, не противоречащих интересам войны; борьба со спекуляцией и сокрытием предметов первой необходимости; воспитание новой культуры рабочих. 2. Сотрудничество с правительством в деле лучшей организации и рационализации производства...

Мы верим, что синдикаты имеют огромное значение в нашей общей борьбе, но мы считаем ошибкой утверждение, что синдикаты должны направлять экономическую и политическую жизнь страны...»⁵⁸

Со сталинистами, в ВСТ и общей политике, было связано правое крыло Социалистической партии (ИСПП), хотя левые социалисты и ухэтисты, особенно в Леванте и Астурии, сотрудничали с анархистами. По понятным причинам, различные национальные и региональные республиканские партии, основу электората которых составлял средний класс, включая владельцев мелких промышленных предприятий, ремесленных мастерских и семейных ферм, также в общем выступали против анархических коллективов, как городских, так и сельских.

Единственной партией, присоединившейся к НКТ и поддержавшей создание коллективов, была Рабочая партия марксистского единства – диссидентская марксистско-ленинская партия, которая имела наибольшее число своих сторонников в Каталонии. Члены этой партии не считали коллективизацию лучшим способом построить социализм, но рассматривали коллективы как первый шаг в данном направлении и, в таком качестве, поддерживали их⁵⁹.

Гастон Леваль отмечал важность антиколлективистской политики Хуана Комореры, главы сталинистов в Каталонии, после того как тот вошёл в правительство региона и стал ответственным за экономику:

“ «Как сильно бы он этого ни желал, невозможно было искоренить во всех отраслях, на всех фабриках организационное влияние и превосходство наших синдикатов. Попытаться сделать это – означало бы парализовать производство... В итоге он пустил в ход две процедуры, которые были взаимосвязаны. С одной стороны, он оставлял фабрики без сырья или устраивал так, чтобы они получали его с опозданием, после чего обрушивался на них с критикой, в особенности на те, что действовали в военной промышленности. С другой – он задерживал платежи за полученные товары, что отражалось на материальной жизни рабочих,

которые, поскольку зарплата выдавалась под контролем профсоюза, обращали своё недовольство против активистов и делегатов НКТ и в итоге против НКТ как таковой»⁶⁰.

С самого начала Гражданской войны сталинисты противостояли рабочим коллективам. В тех частях Испании, где они контролировали Всеобщий союз трудящихся, они мобилизовали его против коллективов. Это особенно было заметно в Каталонии, где они полностью контролировали конкурента НКТ. Как вспоминал много лет спустя лидер НКТ Фелипе Алáис, ВСТ «объявил в своём манифесте, что он предлагает организовать брошенные производства как кооперативы и установить “рабочий контроль” в остальной части крупной промышленности, а мелкая промышленность и торговля должны быть защищены от конфискации»⁶¹.

Являлись ли коллективы экономически успешными?

Не приходится сомневаться в том, что после конфискации рабочими большей части промышленности, коммунальных служб и многих торговых предприятий экономика республиканской Испании начала функционировать нормально, насколько позволяли условия военного времени, уже через несколько дней после подавления мятежа. Также очевидно, что рабочие коллективы довольно быстро создали военную промышленность там, где её раньше не было, и эта промышленность смогла дать существенную долю вооружения, транспорта и военного оборудования, которые использовались вооружёнными силами лоялистов во время войны. В то же время многие потребительские товары, такие как ткани, оставались в наличии благодаря фабрикам, управляемым коллективами. Во всех этих смыслах коллективы были экономически успешны.

Виктор Альба доказывал: «...Испанская коллективизация в таком виде, недолговечная и обусловленная войной, представляет собой урок, в том смысле, что она доказала, что рабочие могут управлять средствами производства так же, как частные собственники, или лучше них»⁶².

В другом месте Альба говорит: «Коллективы 1936 года не просто избежали неудачи – они добились успеха. При данных обстоятельствах они наглядно продемонстрировали принцип, гласивший, что рабочие могут управлять предприятиями и без своих хозяев, с равной или большей эффективностью». Он отмечает, что этот результат был достигнут «не только благодаря их желанию стать владельцами предприятий, но и благодаря традиции образования, профсоюзному обучению, боевому духу, которые принесло рабочее движение. Рабочие 1936 года не только хотели стать хозяевами, но и были подготовлены к этому».

Однако Виктор Альба не собирался заходить дальше, строя догадки. Неизвестно, говорит он, пожелали ли бы рабочие остаться владельцами предприятий, если бы Гражданская война была выиграна Республикой, и не вспыхнули ли бы внутри коллективов конфликты, которые подавлялись войной в период 1936–39 гг.⁶³.

Другой наблюдатель коллективов, Рамон Триас Фаргас, который к началу 1960-х гг. стал профессором экономики в юридической школе Барселонского университета, также вынес в целом благоприятное впечатление о функционировании коллективов. По его заключению, многие из них преуспели, и он знал немало собственников, которые, вернувшись после победы Франко в войне, нашли свои фирмы в хорошем состоянии. Некоторые из этих заводов имели в наличии сырьё, на их складах хранились товары, и были произведены улучшения в оборудовании.

К сходным выводам пришёл сэнэтист Жеронимо Гарсия, который в первый год Гражданской войны был заместителем главы отдела военного транспорта Департамента обороны Каталонии и имел возможность наблюдать как военно-транспортную систему, контролируемую НКТ, так и гражданский коллектив, организованный профсоюзом транспортных рабочих НКТ. Он утверждал, что, по крайней мере в каталонском транспортном секторе, коллективизация была успешной и опыт показал, что профсоюзы могут управлять экономическими организациями, и управлять эффективно⁶⁴.

Однако не все из тех, кто поддерживал коллективы во время их существования, впоследствии считали их успешными. Хосе Марин Сальто, бывший член Национального комитета НКТ, с которым мы беседовали в 1951 г., полагал, что коллективы были полностью провальными или почти провальными. Отчасти это объяснялось тем, что слишком много технически образованных людей покинуло предприятия. Он считал, что их преемники могли справиться с работой в чисто административных вопросах, но не в технических, где рабочим не хватало знаний. Однако он отмечал, что были некоторые заводы, представлявшие собой исключения, на которых имелись способные управленцы и которые находились в хорошем состоянии после окончания войны⁶⁵.

Собственники и менеджеры, с которыми я разговаривал спустя годы после Гражданской войны, имели разные мнения насчёт коллективов. Один из них, работавший инженером на заводе, переоборудованном под военное производство, на основании увиденного им заключал, что предприятие при рабочем контроле было «катастрофой»⁶⁶.

Другой человек, который отвечал за коллективные переговоры в одной из барселонских текстильных фирм перед Гражданской войной, бежал вскоре после начала войны, а к 1960 г. был менеджером в той же самой фирме, высказывался не столь однозначно. Он говорил, что положение на коллективизированных предприятиях к концу войны сильно различалось от случая к случаю. Он отмечал, что в некоторых коллективах фабричным комитетом руководили люди, лояльные к бывшим владельцам, проявлявшие заботу о собственности и оставившие после себя значительный запас товаров. На других предприятиях, включая его собственное, не осталось ничего. Однако, как он отмечал, в большинстве случаев техника сохранилась в хорошем состоянии, даже на тех заводах, где склады были пусты, – главное исключение представляли собой заводы, пострадавшие от бомбардировок⁶⁷.

Директор другой барселонской текстильной фирмы утверждал, что фабрики, возвращённые первоначальным владельцам, по большей части выглядели неважно. После трёх лет войны почти не осталось сырья и не хватало квалифицированных рабочих. Он признавал, что было несколько примеров, когда рабочие проделали хорошую работу, управляя производствами,

и те были возвращены владельцам в довольно неплохом состоянии. Однако, добавлял он, за военный период выдвинулось очень мало хороших администраторов⁶⁸.

Человек, который недолгое время был представителем техников в контрольном комитете барселонской фабрики, производившей турбины, но ушёл оттуда, потому что, как он говорил, увидел, что рабочий контроль ведёт к катастрофе, и позднее был служащим в организации работодателей в профсоюзной системе франкистского режима, – этот человек утверждал, что люди в комитетах были выбраны не за свою компетентность, а за личную популярность. Он добавлял: у рабочих была идея, что любой может управлять фабрикой, хотя на самом деле это не так⁶⁹.

Наконец, даже официальные франкистские источники признавали, что по крайней мере некоторые из коллективов функционировали эффективно. Фалангистское издание «Синдикализм» в 1965 г. опубликовало статью, где говорилось: «Со своей стороны, я собрал непосредственные свидетельства тех лиц (инженеров, администраторов и рабочих), которые участвовали в управлении коллективизированными фирмами, такими как Трамвайная компания Мадрида; “Менхемор”, производившая и распределявшая электроэнергию; всё ещё существующая “Материаль и Конструксьонес”, выпускавшая локомотивы, вагоны и т.п. в Валенсии. Эти три фирмы, согласно версиям, изложенным достойными людьми, хорошо управлялись, на них поддерживалась дисциплина труда, их интересы были защищены, и даже были сделаны улучшения, которые позднее принесли выгоду старым владельцам, когда те в полной мере восстановили свои права»⁷⁰.

Заключение

Во время Гражданской войны в республиканской Испании проводился уникальный эксперимент по установлению рабочего контроля на значительном большинстве крупных предприятий, а также на многих средних и мелких. Этими предприятиями управляли комитеты, избранные рабочими и в большинстве случаев подотчётные регулярно проводившимся общим собраниям.

Этими коллективами, возникшими в результате спонтанных действий занятых на них рабочих, было сделано многое. Они организовали военный сектор экономики, который предоставлял значительную часть оружия и снаряжения, использовавшегося республиканской армией во время конфликта. Они обеспечивали поставки большинства промышленных товаров, необходимых гражданскому населению, во время войны.

Рабочие коллективы столкнулись с бесчисленными трудностями, некоторые из которых были связаны с последствиями Великой депрессии, а другие – с Гражданской войной. Кроме того, некоторые проблемы возникали вследствие самого факта, что рабочие брали под свой контроль предприятия, ранее принадлежавшие частным владельцам.

Вопрос о том, насколько эффективно управляли своими предприятиями коллективы, остаётся открытым. В этом отношении между ними существовали большие различия. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что война была проиграна Республикой

отнюдь не из-за создания революционных рабочих коллективов в городах. Разумеется, во многих случаях коллективы вносили заметный вклад в военную и политическую борьбу. Они давали рабочим стимул трудиться ради победы республиканского дела. Есть причины считать, что нападения сталинистов и прочих врагов анархистов на коллективы подрывали мораль рабочих и тем самым – дело Республики, и после Майских дней в Каталонии анархистам пришлось вести настоящую битву в защиту коллективов и других элементов, составлявших их силу в республиканской Испании.

17. Каталонский Совет экономики и декрет о коллективизации

В течение периода, когда влияние анархистов было в правительстве Каталонии преобладающим, это правительство стало единственным в лоялистской Испании, которое не только признало экспроприацию рабочими заводов, коммунальных служб и других предприятий, но и стремилось распространить этот процесс на весь регион. Средствами достижения этого служили Совет экономики и декрет о коллективизации, принятый 24 октября 1936 г.

Стихийная коллективизация в Каталонии после 19 июля

Сесар Лоренсо описал, как, сразу после подавления выступления военных 19-20 июля, проходил процесс захвата предприятий рабочими:

“ «В течение трёх недель, последовавших за 19 июля, началось, и затем необыкновенно развилось, широкое движение по принятию шахт... карьеров, мастерских, фабрик, железных дорог и вообще средств транспорта... коммунальных служб... во владение самих рабочих... Общие собрания рабочих, рабочие советы, контрольные комитеты, комитеты предприятий, технико-административные комиссии, местные промышленные комитеты, секционные комитеты, координационные комитеты, центральные управляющие комитеты, профсоюзы и отраслевые федерации стали новыми органами, которые принимали на себя руководство направлениями деятельности... Это происходило не только в Барселоне, но и, например, в Оспиталет-де-Льобрегате, Таррасе, Бланесе, Гранольерсе...»¹

Лоренсо подчёркивал спонтанность этого движения:

“ «Нужно подчеркнуть, что всё это не было навязано какой-либо организацией, а стало плодом стихийного действия масс, движимых

революционным энтузиазмом. Фактически капитализм был свергнут и внедрена социалистическая экономика, основанная на рабочем самоуправлении». Он подытоживает: «Эта социальная революция, возможно самая радикальная за всё время... произошла независимо от НКТ... хотя позднее НКТ страстно защищала её от всех тех, кто хотел её подавить»².

Лоренсо также отметил, что некоторые из лидеров НКТ были потрясены случившимся. Его отец Орасио Прието, в то время национальный секретарь НКТ, которого начало войны застигло в Бильбао, позднее писал, что, когда он получил новости о произошедшем в Каталонии, он «был ошеломлён... Хотя по этому можно было судить о том, какая сила была у [нашего] движения в Каталонии, я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: это невозможно! – вы зашли слишком далеко, и нам дорого придётся заплатить за это...»³

Хосе Пейратс подтверждает стихийность рабочего движения по установлению контроля над экономикой: «Очевидно, что конструктивный революционный импульс исходил от народа, от синдикатов НКТ и рядовых борцов. Полоса реквизиций, конфискаций и коллективизаций была свершившимся фактом, с которым пришлось столкнуться комитетам...»⁴

Восстановление работы каталонской экономики

По понятным причинам, нормальная экономическая деятельность в Каталонии прекратилась 19–20 июля. В Барселоне и многих других городах не только произошли масштабные вооружённые столкновения, но и была объявлена всеобщая стачка в знак протеста против попытки военного переворота.

Как только мятеж был подавлен, профсоюзы постановили, чтобы их члены вернулись к работе⁵. Но экономика региона столкнулась с серьёзным кризисом, грозившим катастрофическими последствиями. Механизм, снабжавший население продовольствием и потребительскими товарами, разладился.

Буклет, изданный НКТ в 1937 г. и несколько раз переиздававшийся в эмиграции, описывал то, что происходило после 19 июля:

“ «Профсоюзы в первую очередь приступили к решению наиболее неотложной проблемы – обеспечить население продовольствием. Народные столовые были открыты во всех городских районах, в профсоюзных центрах. Комитеты по снабжению, созданные для этой цели, получали продовольствие с оптовых складов города, а также из сельской местности. Оплата производилась чеками, которые были гарантированы профсоюзами. Все члены профсоюзов, женщины и дети милиционеров и население в целом получали еду бесплатно... Безденежная антифашистская экономика сохранялась на протяжении примерно двух недель. Когда работа была

возобновлена и экономическая жизнь восстановилась, произошёл возврат к денежной экономике»6.

Однако новая революционная власть, Центральный комитет милиции Каталонии, стремилась упорядочить это дело. С этой целью был создан Комитет снабжения (Comité de Abastos), включавший представителей всех партий и профсоюзных групп, сформировавших Комитет милиции. Хосе Доменек из НКТ был секретарём и фактическим руководителем Комитета снабжения. Позднее, когда НКТ вошла в каталонское региональное правительство, Доменек стал советником по снабжению Хенералидада.

Много лет спустя Хосе Доменек вспоминал, что он был совершенно неподготовлен к этой должности. У него не было ни малейшего представления о том, как снабжается большой город, откуда он берёт яйца, кур и всё прочее. Однако, как он говорил, он очень быстро всему научился. Он консультировался с торговцами и другими людьми, имевшими опыт в этих делах, и вскоре понял, как работают обычные каналы снабжения.

Один из первых приказов, изданных Комитетом снабжения, гласил:

- “ 1. Розничные продовольственные магазины обязаны восполнить свои запасы, существовавшие до фашистского выступления. Им следует обращаться на Виа-Лаэтана, 16, чтобы на их запросах поставили печать Комитета снабжения. Магазины должны снабжаться.
2. Ответственные товарищи антифашистских организаций не должны заниматься снабжением населения, которое должно быть организовано обычным порядком, заботясь лишь о том, как накормить милицию.
3. Необходимо, чтобы организаторы всех коллективных столовых для милиции или групп, действующих под контролем антифашистских организаций, проинформировали Комитет снабжения... о количестве порций, которые они выдают и могут выдавать.
4. Продовольственные склады, мукомольные заводы и хранилища угля должны быть открыты и работать. Комитет снабжения в понедельник [27 июля] конфискует те из них, которые не подчинятся данному приказу⁷. Некоторое количество продовольствия для Каталонии было получено из-за границы. Доменек делегировал одного из членов комитета в Нидерланды, чтобы закупить яйца и цыплят, которые обычно поступали оттуда. Другой член комитета, коммунист, был отправлен в Советский Союз с грузом апельсинов, лимонов, лука и прочих товаров, и в Одессе он обменял их на продовольствие, в котором нуждалась Каталония.

Внутри Каталонии возникали и частные проблемы снабжения. Каждый новый аграрный коллектив, каждый муниципалитет создавал свой собственный комитет по снабжению, и после 19 июля эти органы пытались, в основном через бартер, получить товары, в которых они нуждались. Некоторые даже отправляли грузовики с товарами во Францию.

Результатом этого была полная неразбериха.

В итоге Доменек провёл совещание глав всех советов снабжения населённых пунктов Каталонии. Объяснив необходимость централизации обмена и снабжения, он потребовал, чтобы с мест обращались за всеми требуемыми товарами в общекаталонский Комитет снабжения и чтобы туда же передавали всё, что было у них для продажи или обмена. Так как большинство глав местных комитетов снабжения были сэнэтистами, а республиканское меньшинство одобрило централизованную систему снабжения в принципе, Доменеку вскоре удалось наладить работу этой системы⁸.

Валерио Мас, представитель НКТ в Комитете снабжения, сказал мне, что в течение месяца система снабжения в Каталонском регионе была поставлена на прочную основу. Оставались некоторые организации, действовавшие помимо комитета, но большинство нужд региона удовлетворялось через неё⁹.

Доменек организовывал несколько больших центральных складов в Барселоне. Один должен был обеспечивать гражданское население, и торговцы, кооператоры и прочие приезжали туда, чтобы получить необходимые продукты – за деньги. Второй предназначался для вооружённых сил, и Доменек старался, чтобы на нём имелся ещё более широкий ассортимент товаров, чем тот, что был доступен гражданским. За них также платили. Третий центральный склад был отведён для социальных учреждений, таких как больницы и приюты, которые получали всё необходимое бесплатно. Все три склада хранили не только продовольствие, но и одежду и прочие потребительские товары.

Когда был создан Комитет снабжения, Хенералидад предоставил денежную сумму, которая была нужна для его работы. Впоследствии Доменеку удалось сделать этот орган самофинансируемым, за счёт небольшой наценки за пользование его услугами.

Одним из мероприятий Комитета снабжения, которым Доменек гордился больше всего, был эксперимент по межрегиональному бартеру, в соответствии с принципами анархизма. Он распространил уведомление, что Каталония имеет определённые товары в избытке и готова обменять их на другие товары из других регионов. За то время, пока он возглавлял комитет, последний наменял товаров на 300 миллионов песет¹⁰.

Одна из проблем в розничной торговле этого периода была решена при непосредственном участии НКТ. Речь идёт о внезапном увеличении числа уличных торговцев вскоре после 19 июля. Многие из них были безработными. Источник НКТ отмечал: «Они распространились как эпидемия. Столица была наводнена товарами, продававшимися на тротуарах и даже посреди улицы. Весь город приобрёл новый вид...» Многие владельцы магазинов, столкнувшись с конкуренцией, нанимали своих собственных уличных торговцев.

НКТ, в состав которой входил союз уличных торговцев, вначале пыталась ограничить их число, не допуская в дело новых членов; результатом стало то, что ВСТ организовал для них свой союз. В конце концов барселонская муниципальная федерация НКТ приняла решение, «имевшее силу декрета», об ограничении числа торговцев и отведении им особых мест для продажи¹¹.

Одной из целей системы снабжения, организованной Доменеком, было ограничение роста цен. Источник НКТ, который я уже цитировал, отмечал: «Оптовая торговля перешла в руки профсоюзов. Розничники получали товары от синдиката. Для торговцев были установлены фиксированные розничные цены... Во главе “монополии” стоял Департамент снабжения... Единые цены были установлены в коллективизированных коммунах, в профсоюзах рыбаков и других пищевых отраслях в договоре с распределительными органами. Целью, к которой стремилась эта экономическая политика, было предотвратить рост цен на продовольствие. Следовало покончить со спекуляцией и рвачеством»¹².

Согласно Жозепу Марии Брикалю: «Можно сказать, что начиная с создания департамента и до середины декабря 1936 г. политика в области снабжения заключалась в установлении административной монополии на внутреннюю торговлю, определении максимальных цен на продовольствие, передаче распределения в ведение синдикатов или их представителей и замене частных предпринимателей рабочими комитетами». Он также отметил, что 13 октября Хенералидад декретировал введение карточной системы в Барселоне, хотя фактически она начала действовать лишь после того, как пост советника по снабжению перешёл от анархистов к ОСПК¹³.

Иногда профсоюзы НКТ напрямую вмешивались в этот процесс. Так, вскоре после начала войны в Барселоне возник дефицит яиц, и цена на них резко выросла. Секция яичного снабжения Синдиката продовольственных рабочих НКТ провела общее собрание своих членов, на которое были вызваны все оптовые и крупные розничные торговцы. На этом собрании «был выработан детальный план рабочего контроля... и при данных обстоятельствах собственникам не оставалось ничего иного, кроме как принять его».

После этого профсоюз провёл «масштабную закупочную кампанию, поддержанную финансовыми ресурсами торговцев. Результаты появились немедленно. Цены снизились...»¹⁴

В течение всей Гражданской войны серьёзной проблемой в Каталонии, как и во всей Республике, оставалась инфляция. Согласно Центральной службе статистики Хенералидада, индекс цен на продовольствие, одежду и жильё в Барселоне вырос со 100 в июле 1936 г. до 453,3 в октябре 1938 г.¹⁵.

Жозеп Мария Брикаль отметил три фактора, связанных с этой инфляционной спиралью. Одним из них было вытеснение товаров всё более низкокачественными заменителями, из-за нужд войны и общего ухудшения экономической ситуации. Вторым было увеличившееся использование бартера вместо покупки и продажи товаров за наличные. Брикаль пишет об этом: «Накопление определённых продуктов некоторыми функционерами службы снабжения, а также крестьянами, которые скрывали часть своего урожая, не сообщая о ней, давало начало бартеру, который в значительной степени заменил собой механизм цен и продаж».

Третьим фактором, согласно Брикалю, был рост чёрного рынка. Естественно, официальная статистика цен не принимала в расчёт товары, продававшиеся на нём¹⁶.

Контроль НКТ над каталонской системой снабжения продолжался лишь до середины декабря 1936 г. Тогда, в связи с кризисом в каталонском кабинете, региональный комитет НКТ на заседании, на котором Доменек не смог присутствовать, решил обменять его пост на должности советников по обороне и общественным службам. Хотя Доменек пришёл в ярость и доказывал, что для НКТ контролировать путь к желудкам людей – это даже важнее, чем контролировать вооружённые силы региона, он был вынужден подчиниться этому решению. Его пост был передан Хуану Коморере, главному лидеру сталинистской Объединённой социалистической партии Каталонии.

Совет экономики

Менее чем через месяц после подавления военного мятежа в Каталонии Центральный комитет милиции создал орган для общей реорганизации региональной экономики. Диего Абад де Сантильян объяснял:

«По мере того как Комитет милиции, которые вначале обязан был во всём разбираться и всё решать, всё больше и больше превращался в военное ведомство военного времени, чтобы выполнять функции, которые могли помешать его основной работе, мы создали Комитет экономики Каталонии, чьи решения не могли быть отменены советником Департамента экономики. Комитет работал под председательством советника, возглавлявшего данное ведомство Хенералидада, и состоял из представителей всех партий и организаций. От него во время войны и революции исходило всё законодательство экономического характера в автономном регионе...»¹⁷

Этот Совет экономики (Consejo de Economía) официально был образован декретом Хенералидада, датированным 13 августа 1936 г. После преамбулы, подчёркивавшей неотложную потребность в подобном учреждении, декрет провозглашал, что Совет распространит свою «компетенцию по всей Каталонии и будет представлять собой управляющий орган каталонской экономической жизни». Он был уполномочен «после получения консультаций, которые он считает необходимыми», принимать соответствующие меры «для установления нормального экономического состояния на всей территории Каталонии».

Декрет поручал Совету подготовить план социалистического преобразования страны, который должен был включать одиннадцать пунктов:

1. Регулирование производства в соответствии с нуждами потребления.
2. Монополия внешней торговли.
3. Коллективизация крупной земельной собственности и обязательное объединение индивидуальных крестьян в союзы.

4. Снижение стоимости городской собственности посредством налогов и уменьшения арендных плат. Коллективизация крупных промышленных предприятий, коммунальных служб и общественного транспорта.
5. Конфискация и коллективизация брошенных предприятий.
6. Расширение кооперации в области распределения продуктов.
7. Рабочий контроль над банковскими операциями, ведущий к национализации банков.
8. Профсоюзный контроль на частных предприятиях.
9. Срочное трудоустройство безработных.
10. Отмена косвенных налогов и введение единого налога.

Жозеп Мария Брикаль отмечает:

“ «Правительство, приступившее к исполнению обязанностей 26 сентября, использовало эту программу как отправную точку революционного законодательства»¹⁸.

В заявлении НКТ-ФАИ, извещавшем о формировании Совета экономики, говорилось:

“ «Чтобы добиться торжества революции, необходимо энергично и безотлагательно создать ряд основополагающих учреждений. Важнейшим среди них, вне всякого сомнения, является то, что контролирует экономический фактор. Без него, в эти трудные моменты, жизнь города была бы невозможной»¹⁹.

Оговорив, что председателем нового органа будет советник по экономике и общественным службам Хенералидада, декрет перечислял других членов Совета. Три из них были от «Левых республиканцев Каталонии», один – от «Каталонского республиканского действия», три – от НКТ, два – от ФАИ, три – от ВСТ и по одному – от Союза рабасайрес, ПОУМ и ОСПК²⁰. Среди тех, кто в течение того или иного периода играл важную роль в Совете экономики, были Марин Баррера из «Левых республиканцев Каталонии», Рамон Пейпок из «Каталонского республиканского действия», Хуан П. Фábрегас и Андрес Капдевила из НКТ, Диего Абад де Сантьян из ФАИ, Андрес Нин из ПОУМ и Эстанислау Руис Понсетти из ОСПК.

Не все анархисты были довольны созданием Совета экономики. Итальянец Камилло Бернери, который тогда работал с НКТ-ФАИ в Барселоне, писал 5 ноября 1936 г.:

“ «Совет экономики в основе своей ничем не отличается от “Экономического комитета”, учреждённого французским правительством. Мне не кажется,

Одно время входивший в НКТ Альберт Перес Барó, который возглавлял главный субкомитет Совета экономики бóльшую часть Гражданской войны, критиковал то, каким образом анархисты участвовали в работе Совета и Департамента экономики Хенералидада:

“ «В течение девяти месяцев после 26 сентября именно НКТ контролировала Департамент экономики, и этот пост занимали Хуан П. Фабрегас, Абад де Сантьян, Х. Х. Доменек, Андрес Капдевила и Валерио Мас... Очевидно, что представители НКТ были добросовестными... но постоянная смена людей, конечно, была непродуктивной»22.

Вскоре после того, как в сентябре 1936 г. анархисты вошли в правительство Каталонии и сэнэтист Хуан П. Фабрегас стал советником по экономике, Региональная конфедерация труда Каталонии НКТ избрала Андреса Капдевилу, ранее входившего в совет текстильной фабрики «Фабра и Коутс», на должность председателя Совета экономики. (Он выступал от имени Фабрегаса, который по закону должен был либо председательствовать в Совете сам, либо назначить своего представителя.) Капдевила оставил воспоминания о первых заседаниях Совета, на которых он присутствовал и которые позволяют судить о круге решавшихся им вопросов.

О своём первом появлении в качестве делегата-председателя Капдевила, выразив сомнения относительно своей пригодности к этой работе, пишет:

“ «Восстановив своё душевное равновесие в семь вечера, я пришёл в зал заседаний Экономического совета, сопровождаемый советником по экономике, который официально представил меня... Протокол предыдущего заседания был зачитан и одобрен; несколько промышленных групп, представленных членами, отвечавшими за строительство и пищевую промышленность, были утверждены без обсуждения. Остальная часть заседания была посвящена серьёзному обсуждению вопросов, представленных докладчиком по сельскому хозяйству в связи с аграрной проблемой в Каталонии. Когда заседание закончилось в девять тридцать вечера, у меня осталось благоприятное впечатление, и, дав волю своим надеждам, я поверил, что все политические партии и ВСТ, представленные в Совете... готовы верно и честно работать ради организации коллективной экономики, рождённой в пылу революции.

У нас прошло несколько заседаний, на которых не обсуждалось никаких важных проектов и не происходило никаких изменений в хороших отношениях между партиями и организациями, образовывавшими Совет. Однако я с нетерпением ждал, когда начнётся обсуждение Декрета о коллективизации, подготовку которого заканчивала комиссия, чтобы представить его президенту, а затем передать для обсуждения и утверждения в Совет экономики»23.

Тем временем, в ожидании декрета, Андресу Капдевиле приходилось решать некоторые неотложные проблемы. Одной из них была внешняя торговля Каталонии. Капдевила нашёл, что ситуация во внешней торговле, которой занимались Совет экономики, Совет снабжения и непосредственно НКТ, была беспорядочной. Многим удавалось использовать это к собственной выгоде, и иностранная валюта, полученная за счёт экспорта, не была централизована в одном фонде, чтобы её можно было использовать в интересах экономики в целом. Капдевиле удалось сосредоточить большую часть каталонской внешней торговли в руках Департамента экономики, и с центральным правительством в Валенсии было заключено соглашение, согласно которому признавалась автономия Каталонии во внешней торговле, но вся иностранная валюта, полученная от каталонского экспорта, должна была передаваться ведомству республиканского правительства, занимавшемуся внешней торговлей²⁴.

Разработка декрета о коллективизации

Безусловно, важнейшими мероприятиями Совета экономики Каталонии в первый период Гражданской войны были утверждение декрета о коллективизации от 24 октября 1936 г., его применение и внесение изменений в него. Это была не первая попытка правительства Хенералидада вмешаться в процесс коллективизации предприятий их рабочими. Хотя Жозеп Мария Брикаль отмечает, что «первоначально позиция правительства Хенералидада сводилась к принятию фактов, ожиданию и наблюдению»²⁵, это отношение вскоре изменилось. Советник по экономике Хосе Таррадельяс в течение августа издал множество декретов. Они, с одной стороны, по большей части легализовывали конфискации, произведённые рабочими, а с другой – пытались отвести представителям Хенералидада ключевую роль на коллективизированных предприятиях. Согласно этим декретам, в контрольные комитеты коллективов должны были входить «делегаты-интервенторы», представляющие правительство.

По словам Брикаля, эти интервенторы должны были, помимо прочего, «контролировать пополнение и расход фондов и документацию, утверждать ежедневный отчёт о доходах и затратах, контролировать техническую консультацию, обеспечивать взаимодействие между официальными органами и рабочим контрольным комитетом... еженедельно информировать советника по экономике о развитии предприятия...»²⁶

Полномочия правительственных интервенторов поначалу если и соблюдались, то почти наверняка в виде исключения. Однако в конце сентября, после реорганизации каталонского правительства и вхождения в него НКТ, стали прилагаться серьёзные усилия по легализации работы коллективов на постоянной основе. Результатом этих усилий стал декрет о коллективизации, по поводу происхождения которого существуют значительные разногласия.

Франк Минц утверждает:

■

«Декрет был работой сэнэтиста, Хуана П. Фабрегаса, “знаменитого своей неизвестностью, даже среди старых активистов, до 19 июля”». Минц добавляет: «Его [декрет] представляли как победу рабочих, хотя всё было в точности наоборот»²⁷. Гастон Леваль делает почти такое утверждение относительно Фабрегаса²⁸.

Хотя на декрете о коллективизации, конечно, стояла подпись Хуана П. Фабрегаса как советника по экономике Хенералидада Каталонии, его участие в разработке декрета было в лучшем случае второстепенным. Детали документа были согласованы в Совете экономики представителями различных политических тенденций.

Согласно Хосе Пейратсу, в ходе обсуждения декрета о коллективизации в Совете экономики обозначились три основных позиции. Сталинисты из ОСПК выступали за прямую национализацию большинства промышленных предприятий региона и их организацию и координацию в централизованной общенациональной плановой структуре. Представители НКТ-ФАИ, с другой стороны, высказывались за коллективизацию отдельных предприятий рабочими и их координацию через федеративную систему, организованную по отраслям и географическим регионам. В-третьих, представители республиканских партий среднего класса стремились в возможно большей степени защитить права мелких и средних предпринимателей на владение и управление своими предприятиями²⁹. Пейратс далее отмечает, что декрет прошёл «мучительный процесс проработки, в котором представителям рабочих организаций, марксистских партий и мелкой буржуазии пришлось противостоять друг другу, с бóльшим или меньшим ожесточением, в недрах каталонского правительства»³⁰.

Андрес Капдевила, который председательствовал в ходе этого процесса, рассказал, как была составлена окончательная редакция декрета о коллективизации:

“ «Наконец, 22 октября 1936 года, в семь вечера... я вынес на обсуждение Совета исторический Декрет о коллективизации, который так будоражил испанское и иностранное общественное мнение. Обсуждение преамбулы и статей декрета было трудным, представители политических партий и ВСТ отчаянно боролись, чтобы свести число коллективизированных предприятий к минимуму. Представители НКТ и ФАИ энергично защищали самые радикальные положения из возможных, направленные на обязательную коллективизацию предприятий.

В три утра, после жарких дискуссий и взаимных уступок, был окончательно одобрен долго обсуждавшийся Декрет о коллективизации, который передали советнику по экономике, чтобы он мог в тот же день представить его на утверждение правительства Хенералидада... В знак исторического значения этого заседания все политические и профсоюзные секторы,

составлявшие Совет, торжественно обещали уважать и быть верными духу и букве Декрета о коллективизации, который был одобрен правительством Каталонии и обнародован в “Официальном бюллетене Хенералидада” от 24 октября 1936 г.»³¹.

Альберт Перес Баро также подчёркивал, что декрет о коллективизации в его окончательном виде представлял собой компромисс, достигнутый между всеми политическими и профсоюзными элементами, представленными в Совете экономики. Это был «общий знаменатель различных программ действия разных партий и профсоюзных организаций, которые стихийно установили общий фронт после 19 июля», и декрет являлся «коллективной работой Совета экономики»³².

Даже после того, как декрет о коллективизации был наконец принят и начал приводиться в исполнение каталонским правительством, важные фигуры среди анархистов продолжали оставаться в оппозиции к нему. Так, Диего Абад де Сантильян, который на недолгое время сменил Хуана П. Фабрегаса на посту советника по экономике, писал Альберт Перес Баро в 1971 г.:

“Я, однако, должен ясно дать понять, что я был противником декрета, поскольку считал его преждевременным. Ты знаешь, что меня тогда днём и ночью поглощала милиция и её проблемы и я не следил за тем, что происходило в других сферах деятельности... Когда я пришёл в Департамент экономики, это было не для того, чтобы выполнить декрет, а чтобы игнорировать его и не брать во внимание, или позволить нашему великому народу работать согласно своему вдохновению и здравому смыслу; было бы достаточно времени, чтобы однажды превратить необходимые правила в закон»³³. Однако Абад де Сантильян оставался на посту советника недостаточно долго, чтобы внести какие-либо существенные изменения в применении декрета.

Содержание декрета о коллективизации

39-статейный Декрет о коллективизации и рабочем контроле (Decreto de Colectivización y Control Obrero) состоял из нескольких частей. Вначале шла пространная и «революционная» преамбула, далее – раздел, определявший, какие составляющие каталонской экономики подлежат обязательной коллективизации и как должны быть организованы вовлечённые в это предприятия. Другой раздел декрета разъяснял роль «рабочих контрольных комитетов» на тех предприятиях, которые оставались в частном владении, далее шёл порядок координации коллективизированных и частных предприятий на региональном и отраслевом уровне, и заключительный раздел был посвящён различным аспектам применения декрета.

Преамбула декрета, после замечания о том, что подавление военного мятежа 19 июля «вызвало глубокие экономико-социальные преобразования» в Каталонии, провозглашала: «Накопление богатства в руках всё меньшего количества людей сопровождалось нарастанием нищеты в рабочем классе, и первые, чтобы сохранить свои привилегии, не колеблясь развязали жестокую войну, в которой победа народа будет равнозначна смерти капитализма».

Преамбула продолжала:

“ «Необходимо организовать производство, ориентировать его так, чтобы единственным получателем выгоды был коллектив, работник, которому при новом социальном порядке будет отведена руководящая функция. Понятие дохода, который не связан с работой, будет устранено».

После этого документ формулировал основной принцип, на котором должна была базироваться перестройка каталонской экономики:

“ «Замена частной собственности коллективной будет достигнута Советом Хенералидада посредством коллективизации собственности крупного предпринимательства, иначе говоря, капитала, в то время как допускается сохранение частной собственности на потребительские товары и мелкую промышленность».

Наконец, преамбула предусматривала учреждение особого банка для финансирования коллективизированного сектора экономики. В ней говорилось, что «Совету экономики поручено рассмотреть основные нормы для учреждения Кассы промышленного и коммерческого кредита (Caja de Crédito Industrial y Comercial), которая предоставит финансовую помощь коллективным предприятиям и позволит придать нашей промышленности бóльшую концентрацию, что обеспечит более высокий доход и сделает возможным увеличение объёмов нашей внешней торговли».

Первая статья декрета определяла, что будут существовать «коллективизированные предприятия, управление которыми будет возложено на работников, составляющих их персонал, представленных советом предприятия (consejo de empresa)», и «частные предприятия, на которых управление находится в руках собственника или управляющего, при содействии и ревизионном надзоре со стороны рабочего контрольного комитета (comité obrero de control)».

Статья вторая определяла, что все предприятия, которые на 30 июня 1936 г. имели 100 и более сотрудников, подлежат обязательной коллективизации, равно как и все предприятия с меньшим числом работников, владельцы которых были квалифицированы народными судами как мятежники. Прочие фирмы, имевшие меньше 100 сотрудников, также могли быть коллективизированы по взаимному согласию большинства работников и работодателя, а в случае фирм, где было от 50 до 100 работников, коллективизация проводилась, если за неё проголосовало три четверти персонала.

Статьи 10–20 декрета были посвящены советам предприятий. Они должны были избираться общими собраниями работников коллективизированных предприятий и должны были иметь не меньше пяти и не больше пятнадцати членов. В советы должны были входить представители производственных секторов, администрации, служб техники и сбыта, а также двух региональных профсоюзных организаций (НКТ и ВСТ), пропорционально числу их членов на предприятии.

Советы предприятий наделялись всеми управленческими полномочиями, хотя они должны были придерживаться общей политики генерального отраслевого совета (*consejo general de industria*), созданного в их отрасли экономики. Совет предприятия назначал директора, которому частично или полностью передоверял свои полномочия. Однако на предприятиях, которые имели более 500 работников, или капитал свыше миллиона песет, или относились к военной промышленности, директор должен был утверждаться Советом экономики Каталонии.

На каждом из коллективизированных предприятий также вводилась должность интервентора Хенералидада, который входил в состав совета предприятия и назначался Советом экономики «по согласованию с работниками».

Советы предприятий обязаны были вести протоколы своих заседаний и информировать соответствующий генеральный отраслевой совет о любых принятых ими решениях.

Наконец, члены советов предприятий, которые обычно избирались на два года и могли быть переизбраны, могли быть отстранены общим собранием работников или решением генерального отраслевого совета «в случае явной некомпетентности или сопротивления распоряжениям» генерального отраслевого совета. Если рабочие были против отстранения директора генеральным отраслевым советом, они могли обратиться в Совет экономики Каталонии, решение которого было окончательным.

Статьи 21–23 декрета были посвящены контрольным комитетам на частных предприятиях. Подобные комитеты требовалось создать во всех частных фирмах. Число их членов определялось работниками, но они должны были включать в себя представителей всех категорий работников предприятия, а также главных профсоюзных организаций пропорционально количеству их участников на предприятии. Комитеты рабочего контроля осуществляли надзор во всех вопросах трудовых отношений и следили за выполнением трудового законодательства на предприятиях. Им также полагалось осуществлять «административный контроль, а именно следить за всеми доходами и расходами, как наличными, так и через банки, чтобы удостовериться, что они соответствуют деловым нуждам...» Работодатель был обязан предоставлять контрольному комитету копию годового отчёта фирмы. Комитет также должен был «контролировать производство, что значит тесно сотрудничать с собственником в деле усовершенствования производственного процесса». Кроме того, предполагалось, что контрольный комитет «будет стремиться поддерживать возможно лучшие отношения с техниками, чтобы обеспечить безостановочную работу».

Статьи 24–28 были посвящены генеральным отраслевым советам, которые предполагалось ввести, а статьи 29–31 описывали процесс распределения секторов каталонской экономики

между различными советами. Каждый член Совета экономики должен был председательствовать в одном или нескольких генеральных отраслевых советах.

Каждый генеральный совет должен был состоять из трёх категорий людей. Во-первых, в нём должны были быть четыре представителя от различных советов предприятий, «избранных таким способом, который будет определён как наиболее подходящий». Во-вторых, было восемь представителей главных профсоюзных организаций, «пропорционально отделениям каждой из них... как определено общим соглашением». Наконец, четыре члена каждого генсовета являлись «техниками, назначенными Советом экономики».

Генеральные советы в соответствии с декретом наделялись широкими полномочиями. Согласно статье 25, они «будут составлять планы работы соответствующей отрасли в целом, ориентируя советы предприятий в их функциях, и будут отвечать за: регулирование полной продукции отрасли; объединение затрат, насколько это возможно, с целью предотвращения конкуренции; изучение общих потребностей отрасли; изучение потребностей потребителей её продуктов; исследование возможностей полуостровного и иностранных рынков...» Советы также могли «предлагать закрытие фабрик или их расширение, в соответствии с нуждами отрасли и потребителей, а также слияние определённых фабрик; предлагать изменение определённых методов работы, кредита и обращения продуктов; предлагать изменения тарифов и коммерческих договоров». Они были уполномочены создавать исследовательские учреждения, вести статистику производства и потребления и «рассматривать и принимать меры, которые они считают необходимыми и полезными для лучшего выполнения задач, порученных им».

Совету экономики Каталонии было предписано в течение 15 дней после выхода декрета выработать классификацию, согласно которой предприятия будут распределены между генеральными советами. Как мы увидим, это предписание не было выполнено.

Заключительные статьи декрета рассматривали в основном возможность выплаты компенсации, в определённых случаях, тем собственникам, чьи предприятия были конфискованы. Однако критерии выплаты оставались неопределёнными³⁴.

Альберт Перес Баро указал, что одно из положений, принятое Советом экономики, отсутствовало в окончательном тексте декрета, одобренном Хенералидадом. Оно касалось проблемы фирм, частично или полностью находившихся в собственности иностранцев, которые могли быть коллективизированы, и возможной компенсации за эти фирмы: «Нам не удалось выяснить местонахождение того проекта декрета, который вышел из Совета экономики, но мы можем, не ошибаясь, сказать по памяти, что неопубликованная часть относилась к признанию ликвидационной стоимости, определяемой из технических соображений, бизнеса, который передавался коллективизированным предприятиям добровольно; к признанию Хенералидадом того, что Касса промышленного кредита, через особые долговые обязательства, погасит [эту стоимость] за счёт части той прибыли, которую коллективизированные предприятия должны будут передавать в её фонд». Он приписывает исключение этой части декрета представителям анархистов и ПОУМ в Хенералидаде³⁵, и это подтверждается Виктором Альбой³⁶.

Применение Декрета о коллективизации и рабочем контроле

В течение двух с лишним лет после его принятия каталонский декрет о коллективизации реализовывался, модифицировался и саботировался различными элементами в региональном правительстве, политическом спектре и профессиональном движении. Говоря в общем, анархисты и их соратники защищали декрет и стремились усилить и расширить его положения, а коммунисты и их республиканские союзники пытались препятствовать его осуществлению.

Реализация декрета была возложена на Комиссию по применению Декрета о коллективизации (Comisión para la Aplicación del Decreto de Colectivización), состоявшую из анархиста, сталиниста и республиканца. Альберт Перес Баро, одно время входивший в НКТ и всё ещё сочувствовавший анархистам, был секретарём этой комиссии большую часть времени её работы.

Перес-Баро так описал эту комиссию и её роль:

“ «Задача этого органа, который был своего рода постоянным комитетом Совета экономики, созывавшегося его председателем дважды в неделю, сводилась к двум функциям: во-первых, представлять своё мнение, иногда устно, иногда письменно, по проблемам, поставленным предприятиями, которые были затронуты декретом, и, во-вторых, предлагать Совету экономики решение или решения тех проблем, которые могли затронуть различные предприятия или сказаться на применении и развитии того, что было предусмотрено декретом». Он отметил, что комиссия рассмотрела 1 400 вопросов, касающихся отдельных предприятий, и около 50 случаев «общего или группового характера...»³⁷

Перес-Баро даёт множество примеров тех вопросов, с которыми приходилось иметь дело комиссии. По этим примерам можно судить об их диапазоне.

На одном из первых её заседаний комиссии был задан вопрос:

“ «Каковы полномочия интервенторов Хенералидада на коллективизированных предприятиях?» – на который был дан ответ: «В настоящий момент, и пока практика не покажет иное, следует понимать так, что интервентор должен быть тем, кто обеспечивает строгое выполнение декрета и дополнительных предписаний к нему, а также распоряжений генерального отраслевого совета, обеспечивая связь между коллективизированным предприятием и официальными органами... и осуществляет право вето на решения, противоречащие этим

распоряжениям, которые могут быть приняты советом предприятия»³⁸.

Другой вопрос, который был поставлен перед комиссией:

“ «Может ли совет предприятия назначить одного из своих членов директором? И наоборот, может ли директор присутствовать на заседаниях совета предприятия? В любом случае, пользуется он на заседаниях решающим голосом или только совещательным?» Ответ на это был: «Директор может быть членом совета предприятия или нет; в первом случае у него будет решающий голос, во втором – только совещательный. Во всех случаях он должен присутствовать на заседаниях совета»³⁹.

В другой раз комиссию спросили: «Может ли контрольный комитет быть организован в государственных учреждениях?» Ответ был:

“ «Функционеры Хенералидада не имеет права организовывать контрольные комитеты. Согласно духу Декрета о коллективизации, его положения применяются к промышленным и торговым предприятиям, что косвенно указывает на то, что государственные учреждения исключаются. Кроме того, функционеры Хенералидада имеют собственные классовые организации, полностью признанные законом и правительственными органами»⁴⁰.

Комиссия, в частности, столкнулась с проблемами иностранных фирм и инвесторов, чьи предприятия были коллективизированы по декрету от 24 октября. Примерно 103 иностранных компании официально подали жалобу на коллективизацию своих активов в Каталонии. Почти половина из них были французскими, остальные были из Великобритании, Аргентины, Соединённых Штатов, Швейцарии, Кубы, Австрии, Бельгии, Дании, Швеции и Нидерландов⁴¹.

Альберт Перес Баро, который постоянно сталкивался с этой проблемой, чувствовал, что исключение компенсации для иностранных фирм (в той или иной форме) из первоначального проекта декрета о коллективизации было серьёзной ошибкой. Как он вспоминает, комиссия была вынуждена обещать иностранным фирмам, что будет издан дополнительный декрет, посвящённый этой проблеме, – чего так и не произошло. Многие иностранные фирмы не удовлетворялись этими обещаниями и при случае подавали иски в суды в других странах, куда экспортировались товары их бывших испанских филиалов, предъявляя свои права на них.

Другой проблемой, с которой часто сталкивалась комиссия, было поведение контрольных комитетов на предприятиях, оставшихся частными. Комиссия придерживалась общего мнения, что контрольный комитет должен ограничиваться наблюдением за тем, чтобы соблюдались законы и не было утечки капитала. Но во многих случаях члены профсоюзов, особенно из НКТ, фактически вели себя так, будто фирма была коллективизирована⁴².

Однако были и другие виды проблем, встававших перед теми, кто пытался воплотить в жизнь декрет о коллективизации и рабочем контроле. В то время как многие, если не большинство предприятий, подлежащих коллективизации, уже были конфискованы своими рабочими, когда вышел декрет, генеральные отраслевые советы и Кассу промышленного и торгового кредита ещё предстояло создать.

Хотя предполагалось, что Совет экономики разграничит секторы каталонской экономики, которые будут организованы под началом генеральных отраслевых советов, в течение двух недель, лишь 26 декабря 1936 г. был принят декрет, перечислявший четырнадцать отраслей экономики, для которых следовало создать эти учреждения⁴³. И лишь 9 июля 1937 г. вышел новый декрет, разъяснявший детали организации генеральных отраслевых советов, причём остаётся неясным, сколько из этих советов было создано на самом деле.

Выполнение положений декрета о коллективизации, предусматривавших образование Кассы промышленного и торгового кредита как банка, обслуживающего коллективизированных предприятия, заняло больше года. Однако декрет Совета экономики от 30 января 1937 г., устанавливавший примерный устав для коллективизированных предприятий, гласил, что 50% их прибыли должны были размещаться в Кассе промышленного и торгового кредита (которой ещё не существовало) и идти на финансирование слабых и вновь создаваемых предприятий⁴⁴.

Согласно Альберту Пересу Баро:

“ «Вся экономическая жизнь коллективной организации, направляющей новую коллективную экономику, фактически зависела от создания и деятельности Кассы промышленного и торгового кредита, но её создание всё откладывалось и откладывалось»⁴⁵.

Только 10 ноября 1937 г. был наконец издан декрет, учреждавший Кассу промышленного и торгового кредита⁴⁶. Она возглавлялась управляющим советом, который состоял из председателя, назначаемого советником по экономике или его представителем; заместителя председателя, назначаемого советником по финансам; двух «технических делегатов», назначаемых каждым из указанных советников; четырёх представителей генеральных отраслевых советов, по выбору Совета экономики, из которых по крайней мере двое должны были быть членами советов коллективных предприятий; двух банковских специалистов, от ВСТ и НКТ; представителя Постоянного комитета промышленности, назначаемого советником по экономике, и представителя Высшего кооперативного совета⁴⁷.

Однако, как комментирует Перес-Баро, к тому времени «начался упадок революционного духа, вдохновившего коллективизацию»⁴⁸. К моменту создания кассы общее руководство каталонской экономикой находилось в руках советника по экономике Хуана Комореры, главы сталинистской ОСПК, который был настроен помешать выполнению первоначальных целей декрета о коллективизации. Вследствие этого, а также того, что удача в войне отвернулась от Республики, кассе так и не удалось осуществить свою роль главного банка

коллективизированного сектора экономики, которая изначально ей отводилась.

Слияние коллективизированных предприятий

Одной из важных особенностей декрета о коллективизации были положения, легализующие слияние коллективов в крупные предприятия, называемые по-каталански агрупаментами. Мы отметим, при обсуждении конкретных коллективов, некоторые примеры организаций этого типа. Жозеп Мария Брикаль пишет: «Если подвести итог, количество утверждённых агрупаментов было довольно велико. Агрупаменты стремились способствовать переоснащению включённых в них производственных участков, и некоторые из них добивались экономии за счёт укрупнения производства, ликвидируя убыточные производственные единицы и сосредотачиваясь на более успешных...»⁴⁹

В первые месяцы после принятия декрета о коллективизации было легализовано значительно число таких укрупнённых предприятий. Так, с 16 по 30 декабря 1936 г. было утверждено 14 слияний, а в январе 1937 г. – 3550.

Эти объединённые предприятия действовали в разных отраслях и разных частях региона. Металлургические агрупаменты были распространены по всей Каталонии. Строительный коллектив Каталонии включал в себя 30 тысяч рабочих; барселонский коллектив отбеливания, набивки и окраски включал в себя 70 филиалов с общим персоналом свыше восьми тысяч рабочих и капиталом 150 миллионов песет⁵¹. Многие объединённые предприятия, созданные рабочими НКТ, не получали признания со стороны каталонского правительства до самого окончания войны в регионе. Эта проблема рассматривалась на нескольких заседаниях Совета экономики в августе 1938 г. После долгих и, по-видимому, ожесточённых прений, было принято предложение члена Совета от НКТ Андреса Капдевилы: позволить этим объединениям продолжать работу и рассмотреть возможность предоставления им временной легализации⁵².

Саботирование декрета о коллективизации Хуаном Коморерой и другими

В результате длительного каталонского правительственного кризиса, последовавшего за Майскими днями 1937 г., Хуан Коморера стал советником по экономике в новом кабинете, где больше не были представлены анархисты. Он использовал этот пост, чтобы не только сорвать выполнение декрета о коллективизации, но и подорвать рабочие коллективы как таковые.

В первые месяцы войны сталинисты не выступали против декрета о коллективизации открыто. Так, англоязычный новостной бюллетень Объединённой социалистической партии Каталонии в феврале 1937 г. писал:

“ «В соответствии с декретом Генералитета Каталонии, контрольный комитет был избран на каждой фабрике или предприятии. Пятеро из числа рабочих избираются демократическим путём и составляют контрольный комитет. Один занимается вопросами работы, другой в технической секции, третий в торговом отделе, четвёртый в экономическом и пятый решает социальные вопросы... Контрольный комитет наделён значительной властью, но без одобрения персонала он не может принимать никаких важных коммерческих или социальных решений»⁵³.

Однако происки оппонентов НКТ-ФАИ, стремившихся помешать выполнению декрета о коллективизации, начались задолго до того, как Коморера стал советником по экономике. Это было особенно очевидно в работе Совета экономики, по крайней мере в вопросе легализации коллективов. Закон о коллективизации и последующие нормативные акты предусматривали, что коллектив должен будет обратиться за легализацией в Совет, который поручит одному из своих членов, ведающему той отраслью экономики, к которой относится данный коллектив, ответить на этот запрос. Однако члены Совета от ОСПК, ВСТ и буржуазных партий очень скоро стали затягивать рассмотрение запросов о легализации, которые находились в сфере их ответственности.

Аналогичным образом, не только создание новых коллективов, но и объединение старых в более крупные экономические образования должно было получить официальное одобрение Совета экономики. И опять же, члены Совета, не относившиеся к НКТ-ФАИ, применяли тактику отсрочек по отношению к подобным слияниям⁵⁴. (Но, несмотря на эту волокиту, в первый год революции было создано около 36 объединённых коллективов⁵⁵.)

Сталинисты и их союзники использовали своё положение в структуре, созданной декретом о коллективизации, чтобы саботировать, а не поддерживать процесс коллективизации. Х. Эсперанса, который был членом от НКТ в Генеральном совете химической промышленности, много лет спустя описывал их действия. Совету отводилось несколько функций. Одной из них было равномерное распределение сырья по предприятиям химической промышленности. Однако, чтобы участвовать в этом распределении, коллектив должен был пройти регистрацию в совете. По словам Эсперансы, четыре представителя ВСТ (члены ОСПК) и представитель «Каталонского действия», занимавший должность председателя, постоянно проводили решения об отказе в регистрации, вопреки решительным, но бесплодным протестам четырёх членов от НКТ.

Другой функцией совета было определить сравнительную численность НКТ и ВСТ среди рабочих химической промышленности Каталонии. Собрав подобную статистику, предполагалось изменить состав самого совета в соответствии с влиянием обеих организаций. Однако большинство из пяти членов совета позаботилось о том, чтобы профсоюзная перепись не была проведена⁵⁶.

Но лишь когда Хуан Коморера, на волне майских событий, стал каталонским советником по экономике, с членом ОСПК Руисом Понсетти в качестве его «серого кардинала», каталонским правительством была развязана широкая кампания по извращению декрета о коллективизации, достигшая кульминации, как раз перед вторжением в Каталонию сил Франко, в попытке полной его отмены. Коморера начал эту кампанию с полного изменения характера и функций Совета экономики.

До прихода Комореры Совет экономики действовал в соответствии с декретом, которым он был учреждён. Согласно Валерио Масу, непосредственному предшественнику Комореры и анархисту, влияние НКТ в Совете экономики до этого времени было преобладающим⁵⁷.

Первоначально, при его создании в августе 1936 г., Совет экономики был наделён исполнительной властью – его решения служили основой для декретов Хенералидада. 14 августа 1937 г. Коморера утвердил порядок работы Совета, который полностью изменял его отношения с каталонским правительством.

Этот документ определял Совет экономики как «высший консультативный орган Правительства Хенералидада в экономических вопросах». Таким образом, он лишился своих властных функций и становился полностью подчинённым правительству, в котором больше не была представлена главная профессиональная организация региона – НКТ.

Но «порядок» Комореры шёл ещё дальше. Он лишал рабочие организации (НКТ, ФАИ, ВСТ, ОСПК) формального большинства, которое принадлежало им ранее в Совете экономики, вводя дополнительно пятерых представителей от правительственных департаментов и по одному – от Союза рабасайрес и Конфедерации кооперативов.

Альберт Перес Баро подчеркнул последствия этой перемены: «Именно с этого момента начался упадок революционного движения». Он продолжает:

“ «Уже неоднократно одобренные решения Совета экономики о группировке предприятий были окончательно забыты; создание, в соответствии с положениями декрета, генеральных отраслевых советов было отложено; весь план был фальсифицирован, а его исполнение затягивалось до бесконечности, насколько это касалось Кассы промышленного и торгового кредита, которая должна была стать настоящим краеугольным камнем здания коллективизма».

Но процесс на этом не остановился. После 14 августа «вновь и вновь, при общем молчаливом согласии, вносились проекты, искажавшие основные нормы, одобренные в октябре 1936 г., что в итоге закончилось проектом Руиса Посетти о преобразовании коллективизированных предприятий в кооперативы... Представителям НКТ приходилось бороться, чтобы сохранить декрет в том виде, в каком он был принят...»⁵⁸

Андрес Капдевила указал другие действия Комореры, направленные на подрыв коллективизации: «Пользуясь тем, что было множество бывших владельцев и техников, которых, за их заигрывания с фашистами, рабочие не допустили на коллективизированные

предприятия, советник по экономике Хуан Коморере, игнорируя полномочия Совета, ссылаясь на сбои в работе предприятий, ежедневно публиковал в “Официальном бюллетене Хенералидада” приказы, назначая собственной властью интервенторов с сомнительным политическим прошлым, при условии, что те вступают в Партию. Эта политика, противоречившая интересам рабочих и морали антифашистского дела, вызывала протест и недовольство среди рабочих коллективизированных предприятий».

Коморера также предложил новые правила, регулирующие создание новых предприятий, «которые должны были управляться в советском стиле – административно-техническим советом, состоявшим из представителей, назначенных советником по экономике, советником по финансам и Кассой промышленного и торгового кредита. Рабочие могли иметь контрольный комитет, без какой-либо роли в техническом и административном руководстве предприятиями». Капдевила отмечает, что членам Совета экономики от НКТ и ФАИ удалось предотвратить принятие этого проекта.

Однако, как он мог видеть:

“ «Стараниями советника по экономике, без ведома Совета, в “Официальном бюллетене Хенералидада” был помещён декрет о создании технических советов предприятий, органов, которые были уполномочены проверять кандидатуры директоров и интервенторов, предложенные рабочими предприятий, на предмет их знаний и способностей».

Он добавляет:

“ «Директора и интервенторы, предложенные рабочими предприятия техническому совету... если они были членами ОСПК-ВСТ, утверждались немедленно. Напротив, если они заявляли о своей принадлежности НКТ, их подвергали столь строгой проверке, что ни один из них не проходил».

В некоторых случаях, как, например, на калиевых рудниках Сурии и в коллективе общественных зрелищ Барселоны, где контролируемая коммунистами ОСПК имела незначительное меньшинство, Коморера издавал приказы о роспуске избранных советов предприятий и замене их административно-техническими советами, назначенными им лично⁵⁹.

Со своей стороны, республиканское правительство при премьер-министре Хуане Негрине внесло также вклад в подрыв каталонских коллективов. Так, Министерство финансов угрожало наложить штрафы на коллективизированные фирмы, если они не будут платить гербовые сборы, взимаемые с корпораций, – в этом случае Комиссия по применению Декрета о коллективизации советовала коллективам уплатить гербовый сбор, одновременно подав формальный протест как в республиканское Министерство финансов, так и в Хенералидад, на основании того, что они не являются корпорациями с точки зрения налогового права.

Министерство финансов также стремилось распространить на валовую прибыль коллективизированных предприятий республиканский налог на сверхприбыль, введённый в связи с войной. Поскольку декрет о коллективизации предусматривал, что 50% валовой прибыли должны были отчисляться в Кассу промышленного и торгового кредита, а республиканский налог составлял 80%, это означало, что отчислять в кассу было практически нечего и, таким образом, она лишалась ресурсов.

Наконец, республиканское правительство интерпретировало ранее изданный декрет, предусматривавший конфискацию в его пользу недвижимости мятежников, таким образом, что он позволял конфисковывать собственность каталонских коллективов, которые полностью или частично были созданы на основе фирм, принадлежавших мятежникам. Многие коллективы серьёзно пострадали в результате этого манёвра⁶⁰.

Однако коммунисты и их союзники не ограничивались в своих нападениях на коллективы юридическими или административными мерами. Согласно Перес-Баро:

“ «[Началась] кампания в прессе, возлагавшая на советы предприятий и контрольные комитеты ответственность за рост расходов на проживание, особенно яростная со стороны газет, контролировавшихся коммунистами...

Вспомним также, что на III конгрессе ВСТ Каталонии в ноябре 1937 г. в Лериде Союз банковских работников Барселоны... и Союз конторских служащих Лериды внесли проект резолюции, объявлявший о провале коллективизации, несмотря на то, что этому опыту был всего один год, и требовавший возврата к единоличному руководству предприятиями. Эти делегаты оспаривали способность и право своих товарищей управлять экономикой, приписывая им все беды, естественные в любой революционной ситуации, и прежде всего во время гражданской войны»⁶¹.

Политика в отношении банков и финансов в Каталонии

Ключевым сектором каталонской экономики, в котором анархисты имели мало влияния, были банковское дело и финансы. Это недостаточное присутствие в значительной степени было отражением идеологической позиции анархистов. В своих довоенных схемах реорганизации испанской экономики они отводили мало места банкам и даже деньгам так таковым. Хотя ближе к концу войны, как мы увидим в дальнейшем, они выдвинули идею о создании профсоюзного банка, чтобы координировать коллективизированный НКТ сектор испанской экономики, к тому времени было слишком поздно приводить этот план в исполнение.

Одним из результатов такого отношения анархистов к вопросу было то, что к началу войны только у ВСТ была федерация банковских работников в Каталонии. Как следствие, ячейки

этой федерации взяли под свой контроль банки региона и продолжали управлять ими на низовом уровне в течение всей Гражданской войны.

Но в масштабах региона контроль над банками и финансами осуществляло правительство Каталонии. Точнее говоря, этот сектор каталонской экономики находился в ведении Хосе Таррадельяса, из партии «Левые республиканцы Каталонии», который большую часть войны был советником по финансам и также одно время являлся премьер-советником Хенералидада. После марта 1938 г. Таррадельяс был в значительной степени отодвинут на задний план республиканским правительством Хуана Негрина, которое к тому времени обосновалось в Барселоне.

Главным препятствием, стоявшим перед Таррадельясом, было отсутствие в Каталонии центрального банка. Однако вскоре после начала войны каталонское правительство «интервенировало» все отделения Банка Испании (центрального банка Республики) в Каталонии, а также взяло под свой контроль органы испанского казначейства в регионе. С этих пор Барселонское отделение Банка Испании стало выполнять некоторые функции центрального банка, по крайней мере в учёте и переучёте ценных бумаг из других каталонских банков. Однако в марте 1938 г. правительство Негрина отменило «интервенции» Хенералидада в Банке Испании и республиканском казначействе.

Принимая в своё ведение каталонские отделения Банка Испании, каталонское правительство одновременно захватило их золотой запас. В течение нескольких месяцев это золото удовлетворяло потребность Каталонии в иностранной валюте, на которую за границей покупались сырьё, оборудование для новых военных предприятий и прочее. Однако, когда эти запасы были исчерпаны, у каталонского правительства возникли большие трудности с получением субвенций в золоте или иностранной валюте на указанные цели от республиканского режима. (Непонятно, было ли Таррадельясу и другим известно о том, что большая часть испанского золота была отправлена в Советский Союз.) Каталонское правительство также создало собственное ведомство внешней торговли.

Хенералидад создал несколько финансовых учреждений, которые по большей части финансировались, по крайней мере на первых порах, из казначейства Хенералидада. К ним относилось Бюро регулирования выплаты заработных плат. В течение войны, по крайней мере в первую её половину, это учреждение выдавало «займы», фактически дотации, коллективам и другим предприятиям, финансовое положение которых не позволяло им выплатить зарплату всем своим работникам. Оно также де-факто представляло услуги страхования по безработице, выплачивая пособия рабочим, которые из-за нехватки сырья или по другим причинам были полностью или частично незанятыми.

Другими важными новыми учреждениями были Государственный фонд дисконта и ипотеки, Фонд депозитов и консигнации и Фонд ремонта и помощи. Первые два позволяли поддерживать ликвидность частных банков и предоставлять средства для инвестиций. Третий был специальным фондом, который помогал восстанавливать здания, пострадавшие от налётов вражеской авиации, и оказывал помощь раненым и оставшимся без крова в результате этих налётов.

Другой финансовой проблемой, с которой столкнулся каталонский режим, была нехватка денежных знаков низшего достоинства – они были представлены в основном монетами, которые с началом войны исчезли из обращения. Каталонское правительство само стало выпускать деньги мелких номиналов, как и многие муниципалитеты региона. Помимо этого, многочисленные негосударственные организации издавали бумажные и другие заменители, использовавшиеся в качестве денег, по крайней мере на местном уровне. Добрую их долю составляли разного вида жетоны и чеки, выпускавшиеся анархическими коллективами, как сельскими, так и городскими. Спустя время каталонское правительство попыталось отозвать значительную часть этих «денег», а после марта 1938 г. республиканское правительство «запретило» их, хотя неясно, насколько соблюдались эти меры на практике.

Эта эмиссия валюты и, что более важно, широкое распространение кредита – благодаря новым финансовым институтам каталонского правительства – были важными факторами, стимулировавшими инфляцию, которая стала характерной особенностью военной Каталонии. Конечно, растущий дефицит сырья, разрушение системы снабжения Хуаном Коморерой в первые месяцы 1937 г. и продолжавшийся сталинистский саботаж рабочих и крестьянских коллективов также были важными факторами, способствовавшими инфляции⁶².

Сопротивление анархистов отмене декрета о коллективизации

Незадолго до падения Каталонии перед силами Франко анархистам пришлось выступить против попытки полной отмены декрета о коллективизации. За несколько месяцев до этого им уже удалось помешать манёвру, который мог положить конец действию этого закона.

Этот более ранний конфликт произошёл в мае 1937 г., когда Совет экономики обсуждал вопрос о внесении зарегистрированных рабочих коллективов в торговый реестр, в который ранее были включены их частные предшественники. Большинство Совета предварительно согласилось с предложением, согласно которому следовало сделать официальный запрос в республиканское правительство о том, имеет ли Каталония право, в соответствии со своим Уставом автономии, принимать закон, подобный декрету о коллективизации, и является ли декрет как таковой конституционным.

Сэнэтист Валерио Мас, который в то время был советником по экономике Хенералидада, отверг идею подобного обращения к республиканскому режиму. В своём письме Совету экономики, датированном 21 мая 1937 г., он говорил:

“Очевидно, что Декрет о коллективизации вышел за рамки тех прав, которые Хенералидад имел согласно Уставу, и, возможно, положений Конституции, но это ни для кого не новость и это было сделано с полным пониманием, по той причине, что это – революционная работа. Может быть, кому-то неизвестно, что в Каталонии произошла революция? Может быть,

предполагается, что центральное правительство попросят обсудить всё сделанное Хенералидадом, что выходит на рамки его Устава?» Он напоминал своим читателям печальный прецедент подобного обращения со стороны «самой что ни на есть каталонской» Каталонской лиги – консервативной группы, добившейся в 1934 г. того, что республиканский Трибунал конституционных гарантий признал неконституционным принятый Хенералидадом закон о защите крестьян-арендаторов».

Мас продолжал:

“ «Так что не будем обманывать себя. У нас есть Декрет о коллективизации. Он вступил в силу, и теперь почти все предприятия выполняют его предписания. Это работа Хенералидада, и мы обязаны продвигать её вперёд, исправлять её недостатки, если это желательно, но всегда оставаясь в своём доме. Мы не можем и не должны обращаться к кому бы то ни было, если мы хотим сохранить достоинство и уважение»⁶³.

В результате настойчивости Валерио Маса идея подать запрос в республиканское правительство по поводу декрета о коллективизации была оставлена⁶⁴.

Однако наиболее откровенная попытка отмены декрета о коллективизации была предпринята неанархистами, входившими в Совет экономики, за считанные недели перед падением Каталонии. Валерио Мас, который был членом Совета экономики большую часть его существования, оставил воспоминания об этом. Они достаточно важны для нас, чтобы остановиться на них подробнее:

“ «В середине октября... представитель “Каталонского действия” вынес на обсуждение Совета проекты трёх декретов, которые попросту сводили на нет Декрет о коллективизации и дополняющие его постановления. Обосновывая внесение трёх упомянутых проектов, представитель “Каталонского действия” заявил: “Очевидным фактом является враждебность демократических наций по отношению к республиканскому делу. Она усиливается тем, что мы слишком далеко зашли в экономическом законодательстве коллективно-социального характера, так что, ввиду крайне неблагоприятного поворота военных операций, реализм побуждает нас сделать шаг назад, отменив Декрет о коллективизации и сохранив то, что мы можем сохранить, не вызывая опасений и сомнений в странах с либеральными режимами...”»

Мас отметил позицию других групп, входивших в Совет:

“ «Представители “Левых республиканцев [Каталонии]” сказали, что они полностью присоединяются к заявлению представителя “Каталонского действия” и что они поддерживают внесённые им проекты декретов.

Представители ОСПК и ВСТ выдвинули некоторые возражения, оглядываясь на галёрку, но в основном выразили своё согласие с выступлением представителя “Каталонского действия” и с необходимостью обсуждения проектов, представленных им».

Реакция представителей НКТ была совершенно иной:

“ «Когда мы одобрили Декрет о коллективизации, мы торжественно пообещали быть верными его духу и букве; мы все признали, что социальные приобретения рабочих не были благотворительными пожертвованиями от государства, но были завоёваны на улицах, в сражениях с преступным фашизмом и его основным приспешником, капиталом, и вот теперь, под предлогом враждебности демократий к этим социальным приобретениям, завоёванным испанскими рабочими, нам предлагают отказаться от всего, забыв о борьбе, о жертвах и о крови, пролитой испанским пролетариатом. Правительства демократических стран, находящиеся под контролем капиталистических монополий, не заботит то, какие решения мы принимаем, они не собираются оказывать нам какую-либо помощь для победы над фалангистским фашизмом и итало-германскими захватчиками».

Делегация НКТ-ФАИ закончила свои возражения следующим образом: «По изложенным нами причинам, представители НКТ и ФАИ протестуют и полностью отклоняют представленные проекты, и если другие делегации будут настаивать на их обсуждении, то мы будем вынуждены удалиться из Совета. Мы выполним свой долг на общественных собраниях, сообщив рабочим о предательстве, жертвами которого их пытаются сделать».

В результате такой позиции НКТ-ФАИ проекты резолюций были отозваны, и был назначен субкомитет для их доработки. На следующий день члены НКТ-ФАИ в Совете экономики встретились в Региональном комитете НКТ и решили, что по данному вопросу не может быть никаких уступок. После этого переговоры в субкомитете Совета продолжались ещё шесть недель, но к соглашению так и не пришли.

Андрес Капдевила сообщает об исходе переговоров:

“ «Последнее заседание субкомитета проходило в самый разгар наступления мятежников на Каталонском фронте. Представитель “Каталонского республиканского действия”, при поддержке других политических групп и ВСТ, энергично настаивал на том, что субкомитету пора определиться с решением...

Представители НКТ в ответ возразили:

“Печально, что партийный интерес и желание уничтожить промышленные коллективы, стоившие рабочим стольких жертв и усилий, так затуманивают ваш мозг, что вы даже не обращаете внимания на тот трагический момент, который мы переживаем. Мятежная армия... стремительно продвигается по землям Каталонии, и вероятно, уже через несколько дней наёмники Франко триумфально вступят в Барселону”.

Неужели для нас ничего не значит та ответственность, которую мы несём перед испанским народом и перед историей, если накануне поражения в войне мы отменяем Декрет о коллективизации? Если так, тогда генерал-предатель и его сообщники могут сказать рабочим коллективизированных предприятий:

“ “Это не мы возвращаем предприятия старым и законным владельцам; это ваши, красные, перед бегством за границу декретировали роспуск коллективов. Мы ничего не сделали кроме того, что привели эти декреты в исполнение”».

Делегаты НКТ-ФАИ добились своего. Капдевила отмечает:

“ «Благодаря решительной и отчётливой позиции представителей НКТ и ФАИ в Совете экономики Каталонии мы смогли избежать позора, которым покрыл бы себя перед всем миром Каталонский регион, если бы он отменил Декрет о коллективизации за несколько дней до вступления войск Франко в Барселону»⁶⁵.

Заключение

Принятие и применение Декрета о коллективизации и рабочем контроле было одним из наиболее интересных анархических экспериментов в ходе испанской Гражданской войны, как с практической, так и с теоретической точки зрения. Это был практически единственный случай, когда правительство юридически признало рабочие конфискации городских предприятий и их организацию в самоуправляемые коллективы. С другой стороны, это ставило теоретические вопросы о том, насколько это соответствовало анархической доктрине.

Очевидно, что декрет о коллективизации был законодательным актом правительства, хотя и такого правительства, в котором были представлены анархисты и в котором их влияние, по-видимому, ещё было преобладающим. Как законодательный акт, принятый правительством, декрет определённо не соответствовал ортодоксальным антигосударственным идеям и философии анархистов.

Однако принятие декрета и его поддержка анархистами не вызывали значительных противоречий и оппозиции среди них, ни в то время, ни впоследствии, равно как и их вхождение в правительства Каталонии и Испанской республики. Критика, которая

высказывалась по этому поводу, была достаточно приглушённой.

Гастон Леваль, у которого был большой опыт наблюдения за испанским анархическим движением и участия в нём, был одним из тех, кто выражал сомнения по поводу декрета о коллективизации, «призванного поставить ситуацию под контроль и связать обязательствами будущее»⁶⁶. Далее, отметив, что после июльских революционных действий рабочих средний класс стремился «вернуть утраченные позиции», Леваль говорит:

“ «Нельзя утверждать, что барселонский декрет о коллективизации (он затрагивал только Каталонию) был сознательным первым шагом в этом направлении. Но с этой инициативой, санкционированной и облечённой в закон, государство наложило свою руку на экономику и присвоило себе право направлять её, раньше или позже, по собственному усмотрению»⁶⁷.

Однако, несмотря на государственное вмешательство в этот процесс, анархисты могли чувствовать облегчение оттого, что, в условиях войны и необходимости работать с другими антифранкистскими силами, им удалось очертить рамки будущей экономики и общества, которые (в случае победы в войне) могли быть организованы более или менее в соответствии с их философией и идеалами. Основой было предприятие, которое управлялось людьми, wybranными рабочими. Предприятия, в свою очередь, «федерировались» генеральными отраслевыми советами, контролировавшимися преимущественно делегатами от рабочих коллективов. На вершине региональной экономической организации стоял Совет экономики, также состоявший (в первый год) в основном из делегатов от рабочих организаций. Даже банковский институт – который, как настаивал Перес-Баро, был сердцем этой структуры, хотя и не слишком хорошо согласовывался с традиционными идеями анархистов – должен был управляться рабочими делегатами (если бы он был создан таким, как первоначально было задумано).

Диего Абад де Сантильян подтверждает эту интерпретацию взгляда каталонских анархистов на Совет экономики и декрет о коллективизации.

“ «Совет экономики придавал законную форму новым экономическим творениям и выстраивал координирующую структуру предприятий по их отраслям. Идеалом было преобразование каждого производства, на региональном и национальном уровне, в крупное предприятие, управляемое рабочими и техниками. Этот процесс шёл слишком медленно. Испанские рабочие не были достаточно подготовлены для того, чтобы осуществлять его без колебаний и уклонов, и нам приходилось энергично сражаться с собственническими чувствами контрольных комитетов, которые считали себя выполнившими свою революционную миссию только потому, что они вступили во владение предприятиями своих бывших хозяев»⁶⁸.

Конечно, Совет экономики и выработанный им Декрет о коллективизации и рабочем контроле иллюстрируют то затруднительное положение, в котором находились испанские анархисты в течение всей Гражданской войны. С одной стороны, вследствие войны и

необходимости сотрудничать с другими политическими и профсоюзными группами, находившимися на «их стороне» в этом конфликте, анархисты были вынуждены серьёзно поступиться чистотой своих идей, как при создании Совета, так и в принятии его главного декрета. С другой стороны, они пытались использовать своё влияние в Совете и в процессе принятия и применения его главного декрета, чтобы, насколько позволяли обстоятельства военного времени, заложить основы будущей организации экономики, общества и политического строя в соответствии со своими философскими и идейными принципами.

18. Проблема военной промышленности

Одним из главных достижений анархистов времён Гражданской войны в Испании было создание и поддержание работы обширной военной промышленности в Каталонии, Валенсии, Мадриде и других частях Республики. Однако, как и многие другие аспекты участия анархистов в Гражданской войне, это упускалось или отрицалось теми, кто писал о ней.

Возможно, типичными являются выводы Дэвида Каттелла, изучавшего историю Коммунистической партии в Гражданской войне:

“ «Анархисты в своём стремлении коллективизировать и делать революцию потерпели неудачу в том, чтобы наладить какое-либо производство оружия и боеприпасов в Каталонии»¹. Каттелл идёт ещё дальше и приписывает коммунистам, а не анархистам, все заслуги по созданию военной промышленности в Каталонском регионе: «Давление коммунистов, особенно со стороны “дружественных советников”, как называли русских техников, было всего лишь стимулом, необходимым для перевода промышленности на военные рельсы. Увеличение военного производства сложно выразить в точных цифрах, но экономика, которая в 1936 г. производила ничтожное количества оружия, обеспечивала стабильный приток боеприпасов»².

То, что фактически происходило в Каталонии и других частях Республики, заметно отличалось от того, что предполагает Дэвид Каттелл.

Ситуация в начале войны

На начало Гражданской войны основным центром тяжёлой промышленности в Испании был Баскский регион, окружавший Бильбао. В другой важнейшей промышленной области, Каталонии, преобладавшей отраслью производства была текстильная, предприятия металлургии и химической промышленности, которые должны были стать ядром республиканского военного производства, имели вторичное значение. Кроме того, разрозненные металлургические заводы и мастерские были в Леванте, в Астурии, в Мадриде и вокруг него. Наконец, испанская армия имела свои собственные, довольно скромные оружейные производства, и в первые месяцы войны одно из них, находившееся в Толедо, оставалось в руках лоялистов.

Как только началась война, одной из самых срочных задач для лоялистов стало развёртывание промышленности, которая могла предоставить республиканским вооружённым силам необходимые материалы. Оружие и боеприпасы, взятые у разгромленных подразделений мятежников, скоро закончились, и хотя вначале ещё было возможно приобретать военное снаряжение во Франции, это становилось всё более трудным. Значительные военные поставки из Советского Союза начали прибывать лишь в октябре 1936 г., и они, как мы видели, распределялись исходя из узкопартийных интересов. Значительная часть республиканских вооружённых сил должна была обеспечиваться за счёт собственных ресурсов республиканской зоны.

Толедо вскоре был потерян. Metallургические заводы Страны Басков могли быть переоборудованы и дать значительную часть того, что требовалось, но, поскольку этот регион был отрезан от остальной лоялистской Испании, восточным и центральным частям Республики было сложно получать оттуда оружие и боеприпасы. Баскское оружие главным образом шло на Северный фронт, а через год после войны начала даже этот источник был потерян, когда силы Франко заняли баскские земли.

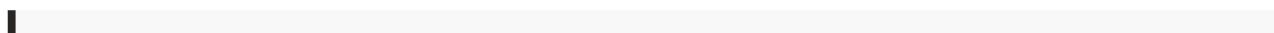
Таким образом, задача по производству отечественного оружия и боеприпасов для республиканских сил ложилась на Каталонию и, во вторую очередь, на Левант и Мадрид. Хотя за выполнение этой задачи немедленно взялись рабочие, захватившие промышленные предприятия Каталонии в конце июля 1936 г., на пути у них стояли не только экономические факторы, такие как нехватка сырья и оборудования, но и политические конфликты.

Эта политическая борьба сосредотачивалась вокруг по меньшей мере двух проблем. Одной из них были попытки коммунистов и других вырвать из рук анархистов контроль над большей частью военной промышленности. Второй – тот факт, что в первый год войны, и даже некоторое время после, государственный контроль, насколько он был возможен в каталонской военной промышленности, осуществляло каталонское, а не республиканское правительство; это вызывало негодование республиканских властей в Мадриде (позднее в Валенсии, ещё позднее в Барселоне), которые два года или больше пытались перехватить этот контроль у каталонского Хенералидада.

Первоначальная организация каталонского военного производства

Спустя много лет после Гражданской войны сталинистская историография утверждала: «Не уделяя никакого внимания первоочередным нуждам антифашистской войны, анархисты не сделали ничего существенного, чтобы создать военную промышленность; неизмеримые возможности, которые существовали, не были использованы»³. Однако истинная ситуация была совершенно иной.

Когда на улицах Барселоны ещё продолжались перестрелки с мятежниками, уже началась работа по переоборудованию промышленных предприятий под военное производство. Несколько месяцев спустя «Рабочая солидарность» описывала этот процесс:

«21 июля Синдикат металлургии, по согласованию с Гарсией Оливером, выбрал [Эухенио] Вальехо для организации фабрик военных материалов. Начиная с 19 июля различные фабрики Барселоны стихийно приступили к строительству танков, имея больше доброй воли, чем техники. Вальехо объехал все районы города, чтобы набрать товарищей, пригодных для этой задачи. В течение шести дней несколько танков уже были предоставлены Комитету милиции. Не хватало оборудования всех видов и особенно чертежей, поскольку военные материалы никогда не производились в Каталонии...

В начале войны нам не хватало техников и чертежей. Гарсия Оливер прислал Вальехо двух техников, которые работали на фабриках Овьедо. В то же время мы получили ценную помощь от полковника артиллерии Хименеса [де] ла Верасы, бывшего директора оружейного завода в Овьедо... Мы захватили некоторые чертежи, а также специализированные машины, которые были спрятаны на одной фабрике в Барселоне. Первым делом мы централизовали деятельность "Испано-Суисы", как важнейшей в Каталонии и имевшей лучшие материалы и персонал. Она и семь-восемь других заводов в первую очередь занимались решением наиболее срочных производственных проблем»⁴.

В Барселоне было много небольших металлургических мастерских, на которых трудилось около 10-15 рабочих. Союз рабочих по металлу НКТ объединил многие из них в пятьдесят крупных фабрик, по 500-2 000 рабочих каждая. Некоторые лидеры металлистов не одобряли этого, опасаясь, что это лишит рабочих прямого контроля над их заводами, однако запросы войны делали такой шаг необходимым⁵.

Каталонский президент Луис Компанис объяснял различную специализацию мастерских, существовавших до тех пор: к ним относились «фабрики канцелярских приспособлений, фабрики электроматериалов и металлических деталей для средств связи, которые были приспособлены для производства форм для отливки пуль»⁶. Всего, согласно Жозепу Марии Брикалю, насчитывалось «около восьмисот фабрик и мастерских, имевших определённое значение», в металлургической отрасли, а также действовали химические заводы, выпускавшие «удобрения, минеральные кислоты, красители, синтетический аммиак, хлор, соду, взрывчатку для горных работ и т.п.». Но, добавляет он, «эта промышленность не была готова столкнуться с такой ситуацией»⁷.

На начальном этапе развития каталонской военной индустрии, по словам главы Федерации рабочих по металлу Каталонии, стимулировалось производство и поощрялись рационализация и инновации. Он приводил пример: производство одной из деталей маузера состояло из семи операций, но их число было снижено до пяти благодаря изменениям, предложенным рабочими. Он добавлял, что вообще коллективизация промышленности сильно подстегнула инициативу рабочих и многие рабочие знали свою работу и производство достаточно хорошо, чтобы внести вклад в его улучшение⁸.

Организационная структура каталонской военной промышленности

«Каса Ривьера», вероятно, представляет собой хороший пример того, как проходила организация военного производства рабочими в Барселоне. Это было предприятие, состоявшее из трёх фабрик и центральной конторы. Предприятием владели шесть братьев, пять из которых бежали во Францию и затем на территорию Франко, а младший, которому было только девятнадцать, был схвачен и предан рабочему «суду», но был освобождён по настоянию одного из членов контрольного комитета.

С подавлением мятежа в Барселоне предприятие временно перешло в ведение контрольного комитета, избранного Синдикатом рабочих по металлу Барселоны. Все сотрудники должны были присоединиться либо к НКТ, либо к ВСТ; большинство рабочих уже состояли в НКТ, а служащие в значительном большинстве решили вступить в ВСТ.

Через несколько недель после 19 июля прошло первое общее собрание сотрудников предприятия, рабочих и служащих. На нём был избран комитет предприятия, чтобы осуществлять управление на постоянной основе. Этот комитет избрал своим председателем человека, который до революции был секретарём заведующего кадрами. Другой служащий был избран секретарём комитета предприятия, и оба они занимали свои должности в течение всей войны.

Каждая из четырёх частей предприятия проводила свои общие собрания не менее одного раза в неделю. На них обсуждались различные вопросы, от самых важных до самых мелких.

Вначале предприятие работало на средства, размещённые на его банковском счёте. Хенералидад почти сразу же издал предписание, чтобы банки принимали чеки, подписанные членами контрольного комитета. Немного позже Хенералидад выделил на это производство кредиты на выгодных условиях, чтобы обеспечить его нормальное функционирование.

Через несколько месяцев Синдикат рабочих по металлу Барселоны захотел установить прямой контроль над этим предприятием. Однако на общем собрании работников предприятия, проходившем достаточно шумно, это предложение было отклонено.

Возможно, в одном отношении предприятие «Каса Ривьера» было не совсем типичным. Во время войны его финансовое состояние оставалось благополучным, возможно благодаря способностям председателя комитета предприятия. Оно расплатилось по всем долгам, сделанным до 19 июля, и приобрело новое оборудование, так что к моменту взятия Барселоны его техническая оснащённость была не хуже, чем перед войной⁹.

Другим коллективизированным металлургическим заводом в Барселоне была фабрика «Торрес Пуэбло Нуэво». На ней работало около 800 человек, из которых 40% на начало войны состояли в НКТ, и за время войны их доля увеличилась до 80%; остальные входили в

ВСТ.

Фабрика была коллективизирована, как только началась Гражданская война. Был избран контрольный совет, которому подчинялась производственная комиссия, руководившая текущими операциями предприятия. Также действовала синдикальная комиссия, которая выполняла обычные профсоюзные функции, рассматривая жалобы рабочих. Большинство техников, инженеров и бывших начальников остались на работе. Рабочие лидеры объяснили им, что служащие такие же сотрудники, как и рабочие, и что теперь, когда хозяин ушёл (и в нём нет надобности), сотрудники должны взять на себя управление заводом. Судя по всему, между техниками и рабочими, избранными в контрольный совет, не происходило никаких значительных конфликтов.

Коллектив, по крайней мере вначале, продолжал платить своим членам, ушедшим в армию, полную зарплату, которую получали их жёны и другие иждивенцы. Также было введено полное медицинское страхование для всех работников; больных отправляли в госпиталь НКТ.

На фабрике «Торрес Пуэбло Нуэво» сохранилась система оплаты труда, существовавшая до войны. Зарплаты в течение нескольких месяцев повысились примерно на 30%. Лидеры НКТ предпочли бы определять зарплату исходя из размера семьи работника, но они понимали, что не могут этого сделать, поскольку не-сэнэтисты, работавшие на заводе, были против такой системы¹⁰.

Некоторые небольшие металлургические заводы в Барселоне не были конфискованы своими рабочими. Один из них принадлежал еврею из Чехии, который всю войну оставался на своём месте. На заводе работали 29 человек, 20 из которых состояли в НКТ, а остальные – в ВСТ. Ячейку НКТ возглавляла молодая женщина.

Во время войны на заводе, путём коллективных переговоров, поддерживались более или менее нормальные отношения. Однажды, когда собственник проявил особенное упорство в вопросе повышения зарплаты, молодая лидер НКТ объявила стачку, которая продолжалась три дня и была успешной.

Однако в других случаях профсоюз НКТ приходил на помощь работодателю. У последнего были большие трудности с получением необходимой стали. Заводской лидер НКТ связалась с Синдикатом рабочих по металлу НКТ Барселоны и получила через него сталь, в которой нуждался завод, но при условии, что они перейдут с изготовления застёжек-молний на производство военных материалов¹¹.

В противоположность тому, что происходило в то время в барселонской текстильной промышленности, металлургический синдикат НКТ Барселоны почти сразу же взял на себя координацию заводов и мастерских, конфискованных его членами. Согласно Гастону Левалю:

“ «...Профсоюзу удалось установить строгий административный контроль над работой фирм, комитеты которых приняли административную дисциплину,

дисциплину, которая укрепляла дух и практику используемых методов. Каталонское правительство требовало установления этой дисциплины, которая могла быть привнесена лишь благодаря традиционным организациям рабочих».

Леваль попросил профсоюз подготовить план «синдикализации» барселонской металлургии. Эта просьба была выполнена, однако политические сложности не позволили провести на практике полную реорганизацию отрасли под началом Синдиката рабочих по металлу¹².

Конечно, не все коллективы в области военной промышленности работали успешно и в техническом, и в финансовом смысле. Это, по-видимому, не относилось к «Ла Макиниста», которая до войны была крупнейшим локомотивостроительным заводом Испании.

Тридцать пять лет спустя Жоан Роч, каталонский националист, который был заместителем управляющего коллективизированным заводом, писал:

“ «Рабочий комитет и позднее производственный совет так и не смогли наладить эффективное управление производством; первоначальные члены, с первым председателем-рабочим – великим оратором в стиле НКТ, – не имели технической квалификации, чтобы управлять фабрикой, не говоря о том, чтобы перевести её на военное производство. Слишком многое оставляли на удачу, слишком многое зависело от индивидуальной воли нескольких человек, а не от соединённых усилий всей рабочей силы. Большинство техников не сочувствовали коллективизации... Говоря в целом, я не думаю, что производство когда-нибудь достигало 50% своего потенциала...

Более того, фабрика никогда не получала заказов на те виды военной продукции, для производства которых она больше всего подходила, – тяжёлые танки, например. Не устанавливали никакого нового оборудования; имевшиеся на фабрике штамповочный пресс, фрезерные и токарные станки не были приспособлены для изготовления снарядов, гранат и противолодочных глубинных бомб...»

«Ла Макиниста» не добилась и финансового успеха. Как отметил Роч, после возвращения завода его прежнему владельцу было подсчитано, что убытки составили 9 миллионов песет, почти половину акционерного капитала фирмы¹³.

Общее состояние и производительность каталонской военной промышленности

7 августа 1936 г. правительство Каталонии создало Комиссию по военной промышленности (Comisión de Industrias de Guerra). Этот орган состоял из представителей советников по обороне, экономике, финансам и внутренней безопасности, председателем его был премьер-советник Хосе Таррадельяс, в качестве советника по финансам. Прямых представителей от профсоюзов или политпартий не было. Первое время после своего создания комиссия включала лишь двух анархистов, Франсиско Исглеаса от обороны и Диего Абада де Сантильяна от экономики¹⁴. Комиссия назначила сэнэтиста Эухенио Вальехо своим делегатом, чтобы координировать создание новых военных производств в регионе и руководство ими¹⁵. Хосе Пейратс отметил «тесное сотрудничество и солидарность между ЭРК и НКТ» в делах комиссии¹⁶.

Диего Абад де Сантильян говорил относительно этой комиссии, что «в неё входили техники, такие как Хименес де ла Переса, предприимчивые люди, такие как Хосе Таррадельяс, члены Комитета милиции, выдающиеся рабочие, такие как Эухенио Вальехо от металлургии и [Мануэль] Марти от химической промышленности».

Абад де Сантильян добавлял, что под руководством комиссии «сотни металлургических и химических заводов выполняли своё предназначение – производить упорядоченным способом самые необходимые материалы, артиллерийские орудия, авиабомбы, пули, противогазы, санитарный транспорт, бронев автомобили и т.д., и т.п.»¹⁷. В середине сентября 1936 г. в ведении комиссии находились 24 фабрики и мастерских, к июлю 1937 г. их число выросло до 290¹⁸, а к октябрю 1937 г. в отрасли действовали 500 фабрик с 50 тысячами рабочих, и ещё 30 тысяч рабочих на «вспомогательных предприятиях»¹⁹.

Это вмешательство каталонского Хенералидада вызвало некоторое сопротивление со стороны рабочих НКТ, опасавшихся, что это ослабит рабочий контроль над сектором военной промышленности. Президент Компанис разъяснил ситуацию:

“ «[Учреждение комиссии] встретило определённое сопротивление, до некоторой степени понятное, со стороны комитетов, которые в самом начале конфисковали фабрики и искренне верили в то, что только они могут наладить выпуск военных материалов. Однако, несмотря на все эти трудности, порой серьёзные, Хенералидад координировал эти великие усилия... и работа, на которую вначале смотрели с подозрением, завоевала доверие рабочих масс нашего народа и техников. Это позволило нам создать промышленность, и если она не достигла таких размеров, каких мы хотели, то мы, по крайней мере, можем с удовлетворением сказать, что мы получили то, в чём нуждались Каталония и Республика, при тех средствах и возможностях, которые у нас имелись»²⁰.

Полковник Хименес де ла Вераса^{20а} возглавлял инспекцию Комиссии по военной промышленности. Его подчинённые регулярно посещали военные заводы и часто вносили в местные контрольные комитеты предложения по улучшению методов производства. Согласно Хуану Мануэлю Молине, который, будучи с ноября 1936 г. по май 1937 г. заместителем советника по обороне в правительстве Каталонии, работал в тесном контакте

с Комиссией по военной промышленности, разногласия между контрольными комитетами и комиссией в этот период если и возникали, то были незначительными²¹.

Президент Компанис в письме министру национальной обороны Индалесио Прието, датированном 13 декабря 1937 г., перечислил достигнутое в военной промышленности Каталонии. Его информация основывалась преимущественно на октябрьском отчёте Комиссии по военной промышленности. Оба документа были опубликованы после окончания войны.

В своём письме Луис Компанис подвёл некоторые итоги работы каталонской военной индустрии:

“ «Мы смогли, например, отправить на фронты более двух миллионов ручных гранат; 30 миллионов метров колючей проволоки; 71 619 авиабомб; отремонтировать в наших мастерских, наряду с автобусами и грузовиками, 3 200 транспортных средств; предоставить запчасти для неизмеримого количества вооружений, используемых нашей армией... Я хочу подчеркнуть, что почти всё оборудование, на котором была проделана эта работа, было произведено в Каталонии; достаточно сказать, в качестве одного из многих примеров, что под нашим руководством были выпущены 119 прессов и 214 токарных станков, многие из которых никогда не производились в Испании, фрезерные станки, перфорационные машины... Бессчётное количество малых и больших машин, которые необходимо было сконструировать, в том числе вся техника, комплектная к оборудованию по производству патронов, приобретённому во Франции, были изготовлены в наших мастерских и литейных»²².

Отчёт Комиссии по военной промышленности содержал существенные подробности не только о продукции каждого из 15 крупных заводов, но и о материалах, которые были произведены впервые в Каталонии и во всей Испании. Среди них были боеприпасы для морской и сухопутной артиллерии, карабины «маузер» образца 1937 г., детали для пулемётов «гочкисс» и «кольт» и советских винтовок²³.

Наряду с оружием были необходимы различные взрывчатые вещества. Президент Компанис писал, что, столкнувшись с угрозой нехватки пороха зимой 1936/37 гг.,

“ «Каталония сделала возможным... переоборудование завода Мурсии для большего производства, в короткий срок предоставив технику, необходимую для его расширения... Но завода Мурсии оказалось недостаточно, и мы решили, что мы можем решить эту проблему, срочно создав на месте пороховой завод». Хотя ощущалась нехватка техников и ещё нужно было сконструировать необходимое оборудование, к июлю 1937 г. завод был пущен. Компанис добавлял, что в следующие месяцы завод выдал только 30 тонн пороха, хотя его производственная мощность составляла тонну в день; как он говорил Прието, низкие объёмы продукции объяснялись тем, что

«лицо, занимающее важный ответственный пост в вашем ведомстве, три месяца назад уведомило нас, что нам нет необходимости производить порох, поскольку Субсекретариат вооружения и боеприпасов имеет более чем достаточное его количество... Однако каталонцы в больших количествах выпускали натамит и взрыватели»²⁴.

Одним из крупнейших проектов, предпринятых Комиссией по военной промышленности, было восстановление Артиллерийского парка Барселоны, который занимался хранением боеприпасов и ремонтом орудий. Президент Компанис отмечал, что персонал парка с июля 1936 г. по август 1937 г. (когда он перешёл в ведение республиканского правительства) увеличился с 30 до 1 000 человек, и добавлял, что «Хенералидад Каталонии обеспечил парк всей техникой и оборудованием, необходимым, чтобы эти тысяча рабочих могли выполнять работу, доверенную им».

Парк 19 июля подвергся нападению и был наполовину разрушен. Таким образом, первой задачей было «восстановить его, приспособить к работе и приступить к изготовлению специальных машин для изготовления патронов и наполнения их порохом, машин для снаряжения патронных лент, установке машин для наполнения артиллерийских снарядов и добавления взрывателей и т.д.». Также в казармах Каталонии собрали около 6 миллионов пустых гильз и вновь использовали их в производстве²⁵.

Хотя Компанис и Таррадельяс, кажется, не упоминали этот факт, британец Франк Еллинек, не слишком симпатизировавший анархистам, в 1937 г. утверждал: «К марту 1937 г. каталонские заводы выпускали по три самолёта в день»²⁶.

И президент Компанис, и премьер-советник Таррадельяс отдавали должное роли, которую играли рабочие в создании и поддержании военной промышленности Каталонии в тот период, когда она находилась под общим надзором и управлением Хенералидада. Компанис писал Прието, что у них есть причины гордиться «дисциплиной на наших заводах и в мастерских в то время, когда мы вмешались в их работу. Энтузиазм и самоотречение всех рабочих и техников были необыкновенными, в этом нельзя сомневаться, и нужно понимать, что если некоторые заводы иногда останавливались, то это происходило не из-за отсутствия воли к работе, а из-за отсутствия сырья или проблем технического порядка...

Доказательством этого служит тот факт, что за то время, когда мы контролировали 300 с лишним мастерских и заводов, занимающихся производством военных материалов, здесь не возникло ни одного конфликта или проблемы, ни социального характера, ни производственного...»²⁷

Компанис также отмечал: «Рабочие массы Каталонии всегда прилагали величайшие усилия без какого-либо торга, большинство рабочих трудились по 56 часов в неделю, другие работали сверхурочно, ничего не получая за это, а третьи, заслуживающие величайшего уважения, – как те рабочие заводов “Гриона”, “Ривьера”, “Элисальде”, наряду с прочими, – несмотря на бомбардировки и жертвы, вызванные ими на заводах, продолжали работать со своим обычным энтузиазмом»²⁸.

Хуан Андраде, поумистский лидер, в начале 1937 г. описывал условия труда в каталонской военной промышленности:

“ «Рабочие военной промышленности по сути являются безымянными героями нашей гражданской войны. Они отдают работе всё, что могут... Они работают семь дней в неделю, и профсоюзная организация, понимая исключительную тяжесть момента, который мы переживаем, вводит для них строгий режим труда. Малейшая провинность сурово наказывается. Необходимо поддерживать сильную трудовую мораль. С другой стороны, поскольку военная промышленность напрямую зависит от государства и ему приходится нести огромные издержки, порождающие невероятные экономические трудности, в основном из-за обременительной и ненадёжной бюрократии, оплата труда рабочих не может быть улучшена. Эти рабочие, почти безвестно, выполняют работу чрезвычайной важности, до сих пор не получив выгоды от той революции, которую мы переживаем. Например, после изнурительного рабочего дня им приходится возвращаться в нездоровые домашние условия, тогда как буржуазия всё ещё занимает великолепные здания»²⁹.

Даже советский журналист Илья Эренбург был впечатлён интенсивностью работы в каталонской военной промышленности, которую ему довелось видеть в начале конфликта:

“ «Рабочие Барселоны привыкли работать без большой спешки. Теперь они вошли в новый ритм. Никто не давит на них, никто не воодушевляет их. Сквозь шум машин они слышат шаги марокканцев, подходящих к предместьям Мадрида. Этот топот заставил их освоить стандарт, которого никогда не знали рабочие Испании»³⁰.

Эренбург также похвалил рабочих коллектива «Дженерал Моторс» за изобретательность:

“ «На заводе “Дженерал Моторс” прежде только собирали машины. Взяв в свои руки предприятие, рабочие решили к первому апреля выпустить первую тысячу грузовиков “марафон”. Проект грузовика одобрили инженеры Барселоны. Сделал его старый рабочий Караско [Карреро]... Сто сорок пять заводов и мастерских [с 12 тысячами рабочих] изготавливают отдельные части для грузовиков “марафон”»³¹.

Однако по большей части коммунисты были склонны принижать усилия каталонских рабочих, возглавляемых анархистами, по созданию военной промышленности.

Более типичным для их позиции был комментарий коммунистического лидера из США Стива Нельсона в его мемуарах о службе в интербригаде:

«Синдикалисты... игнорировали центральный, имевший первостепенную важность факт войны. Они управляли фабриками “в интересах рабочих этих фабрик”. Они продолжали производить товары для экспорта, а не для армий, сражавшихся с фашистами. На заводе “Испано-Суиса”, выпускавшем грузовые и легковые автомобили в Барселоне, они установили односменный шестичасовой рабочий день; коммунисты, выступавшие за три смены, были застрелены»³².

Со своей стороны, Хосе Таррадельяс во вводной части октябрьского (1937 г.) отчёта Комиссии по военной промышленности отмечал:

“ «Каталонская промышленность за эти четырнадцать месяцев выполнила действительно эпохальную работу рук и напряжённого разума, и Каталония всегда будет благодарна всем этим рабочим, которые, с энтузиазмом, не жалея сил и много раз жертвуя своими жизнями, работали, чтобы помочь нашим братьям, борющимся на фронте, чтобы сделать возможной победу, которой желает и заслуживает наш народ. Всем им – наша признательность и наше почтение»³³.

В упомянутый Таррадельясом период военная промышленность Каталонии в значительной степени оставалась под контролем своих рабочих, хотя работала под общим руководством Комиссии по военной промышленности Хенералидада, при посредничестве которой заключались контракты с правительством Каталонии либо Республики³⁴.

Жозеп Мария Брикаль приводит индексы производства металлургической и химической промышленности Каталонии, двух основных отраслей, связанных с военным производством. Они указывают на большие колебания от месяца к месяцу в 1936 и 1937 гг., но с общей тенденцией на снижение продукции, особенно после апреля 1937 г. Однако не уточняется, отразился ли этот упадок на той части промышленности, которая была переведена на военное производство, или же эти цифры в первую очередь говорят о свёртывании выпуска гражданской продукции³⁵.

Военная промышленность за пределами Каталонии

Хотя основные предприятия республиканской военной промышленности находились в Каталонии, заводы большей или меньшей важности действовали и в других частях республиканской зоны. Как и в Каталонии, в большинстве случаев, по крайней мере первый год войны, они находились под контролем своих рабочих. Заметным исключением, конечно, был Баскский регион, единственная часть лоялистской Испании, где в начале Гражданской войны не произошла масштабная социальная революция.

Лоренсо Иньиго, представлявший «Либертарную молодёжь» в Совете обороны Мадрида, был назначен ответственным за военную промышленность города. Техническим секретарём при нём был другой анархист, Франсиско Кальвильо Пинеда, лидер городского союза рабочих-металлистов НКТ36.

В это время Мадрид был не самым важным индустриальным городом Испании. «Информационный бюллетень» НКТ-ФАИ отмечал: «Состояние металлургии в Мадриде до 19 июля было более чем рудиментарным, примитивным. Её производственные возможности были до крайности скудными; существовало лишь несколько заводов относительной важности... на которых выпускались металлические конструкции и производился ремонт; да были ещё небольшие мастерские, занимавшиеся изготовлением труб, ламп и отопительного оборудования»³⁷.

Одним из более или менее значительных предприятий в категории военной промышленности был завод «Стандарт Электрика». Существовавший на нём комитет НКТ был расширен за счёт включения членов ВСТ и взял под свой контроль предприятие. Они уволили управляющего и поставили на его место помощника. Остальной административный персонал остался. Завод в основном продолжал работать как раньше, за исключением того, что контроль над ним осуществлял комитет НКТ-ВСТ и он был преобразован в военное производство³⁸.

Большинство металлургических заводов и мастерских, которые могли иметь военное значение, были малого размера и по большей части принадлежали людям республиканских и социалистических симпатий. Иньиго и его советники хотели создать крупное производство, собрав оборудование и рабочих с разных заводов в одном месте. После продолжительных консультаций с промышленниками большинство из них согласилось на его предложение, а он, в свою очередь, пообещал вернуть каждому из них полный набор машин, предоставленных ими. Впоследствии Иньиго гордился тем, что ни один из затронутых промышленников не выдвигал против него обвинений, хотя правительство Франко подстрекало их.

В городе, охваченном фронтами, очевидной проблемой было найти достаточно просторное и безопасное место, чтобы запустить производство, намеченное Иньиго. Он узнал о существовании длинного туннеля, проходящего вдоль бульвара Ла-Кастельяна в центре города, который прокладывался для линии метро, но так и не был закончен. С помощью Синдиката строительных рабочих НКТ туннель вскоре осушили и сделали водонепроницаемым³⁹.

Рональд Фрейзер говорит о военном производстве Мадрида: «“Туннель” находился под техническим и административным контролем департамента Иньиго, который также выдавал зарплату рабочим. “Своего рода самоуправление сверху”. Согласно Педро Гомесу, токарю из ВСТ, работа в “туннеле” была похожа на работу на государственном заводе. Нормы выработки устанавливались сверху, цеховым комитетом и техниками. Условия труда были превосходными. Различия в зарплате существовали, но были небольшими. Стачек не было. После того, как производство было организовано, работа продолжалась круглосуточно в три смены».

Фрейзер цитирует Педро Гомеса: «Нормы не нужно было увеличивать. Если ночная смена производила 300 снарядов, дневная прикладывала все силы, чтобы её превзойти. Нам никогда не приходилось останавливать работу из-за нехватки материалов или отключения электричества, хотя шла война. Над нами было шесть метров земли; мы не боялись бомбёжек и обстрелов. Была только одна проблема – не хватало единства наверху. Мы в цехах были достаточно сплочёнными, между рабочими из ВСТ и из НКТ не было больших проблем. Но кому-то нужно было прекратить все эти споры и раздоры наверху, чтобы мы могли выиграть войну...»⁴⁰

В феврале 1937 г. генерал Миаха, который поддержал и профинансировал проект Иньиго, неожиданно отказался подписать поручение на выплату зарплаты, сказав, что валенсийское правительство распорядилось свернуть военное производство в Мадриде. Лоренсо Иньиго срочно отправился в Валенсию, где встретился с Индалесио Прието, который заверил Иньиго, что правительство не отдавало такого распоряжения, и проследил за тем, чтобы выдача зарплаты возобновилась. Однако министр отказался передать в Мадрид оборудование, необходимое для изготовления снарядов, так как всё ещё опасался, что город будет взят⁴¹.

Этот завод в туннеле продолжал работать до конца Гражданской войны. Он выпускал большое количество снарядов и пуль разного вида, а также другие изделия для войск, которые сражались на улицах, проходивших над заводом⁴².

В Валенсии также имела военная промышленность. С началом войны рабочие под руководством НКТ создали металлургический коллектив. На первом этапе конфликта этот коллектив состоял из шести или семи заводов, один из которых производил первые пулемёты для республиканской армии, а другие – винтовки, гранаты, боеприпасы и прочее⁴³. Согласно Стэнли Пейну, производство боеприпасов на заводах Валенсийского региона в отдельных категориях превосходило каталонское⁴⁴.

У нас имеется информация о социализированном предприятии «Торрас» (Industria Socializada Torras CM), которое находилось в предместьях Валенсии и на котором работало 103 человека. С начала войны оно совместно управлялось НКТ и ВСТ. Сотрудники избирали комитет из 12 человек, включавший двух административных работников, двух техников и восемь рабочих из разных подразделений предприятия. Этот орган избирал исполнительный комитет из четырёх человек, который контролировал ежедневные операции.

По крайней мере в первый год войны, социализированное предприятие «Торрас» было финансово успешным. Об этом свидетельствует тот факт, что стоимость капитала предприятия увеличилась с 1 157 000 песет, когда оно было конфисковано, до 1 195 000 песет к концу 1936 г. и 1 265 000 к концу марта 1937 г. Одновременно предприятие продолжало производить амортизационные отчисления на машины и прочее оборудование, погасило крупные долги и значительно увеличило зарплату.

На этом коллективизированном предприятии, как и на многих других, работники, избранные в руководство, проявляли особую заботу об условиях труда и жизни членов коллектива. Были построены новые туалеты и душевые, создана библиотека. После окончания рабочего

дня рабочим предоставлялось полное медицинское обслуживание; кроме того, сделали так, что воду из бассейна впоследствии могли использовать соседние фермеры-овощеводы для полива своих полей⁴⁵.

В Левантийском регионе были и другие более или менее важные военные промышленные предприятия. Например, бывшая фирма Андреу Матеу, коллективизированная НКТ, производила винтовочные патроны по заказу министерства обороны. Но, наряду с этим, директивно-административный комитет коллектива по собственной инициативе наладил выпуск пистолета-пулемёта на основе американского «томпсона», модифицированного коллективом для предотвращения перегрева. Это оружие получило название «наранхеро» («апельсинщик»), в честь валенсийских апельсиновых плантаций. Коллектив также выпустил два первых испанских танка, которые были отправлены на Теруэльский фронт.

Бывший завод Мигеля Дэвиса, выпускавший локомотивы, также стал коллективом НКТ и был приспособлен для производства снарядов. Бывшая «Макиниста Валенсиана», до войны изготавливавшая промышленные машины, была переоборудована под производство винтовок. Когда фирма Мигеля Дэвиса вернулась к прежнему владельцу после окончания войны, ему «нужны были квалифицированные рабочие, а не те ничего не смыслившие фалангисты, которые были рекомендованы властями». Поэтому он согласился нанять рабочих из депо Североиспанской железной дороги в Валенсии, которые были уволены режимом Франко, и «было достаточно легко получить работу на “Каса Дэвис”... когда кто-нибудь был уволен с железной дороги».

«Альтос Орнос де Сагунта», единственная доменная печь в республиканской Испании за пределами Баскского региона, с 6 000 рабочих, также была коллективизирована. Она выпускала броню для поездов и прочего транспорта⁴⁶.

В Астурийском регионе также было несколько военных предприятий, о которых Рамон Альварес писал: «В нашем распоряжении был только завод “Санта-Барбара” в Трубии (возле Овьедо). Это было предприятие тяжёлой промышленности, выпускавшее в основном пушки. Этот завод был полностью милитаризован, хотя находился под рабочим контролем ВСТ-НКТ. Также существовало металлургическое производство, особенно в Хихоне и Ла-Фельгере, которое могло рассматриваться как имеющее военное значение и которое изготавливало броневые автомобили и боеприпасы для фронта, но оно, в строгом смысле слова, не являлось военной промышленностью»⁴⁷.

Начало саботирования каталонской военной промышленности республиканским правительством

Несмотря на стратегическое значение новых военных производств Каталонии, они получали от правительства Республики мало помощи или поддержки. Одной из причин этого было

рано достигнутое и стремительно растущее влияние в республиканских вооружённых силах коммунистов, которые больше были заинтересованы в подрыве контроля НКТ над каталонской металлургической и химической промышленностью, чем в сохранении этой промышленности для обеспечения Республики оружием. Во-вторых, даже при правительстве Франсиско Ларго Кабальеро республиканский режим не желал усиливать позиции автономного каталонского правительства, которое, по общему признанию, приняло на себя полномочия, далеко выходящие за пределы тех, что были дарованы ему относительно умеренным Уставом автономии Каталонии.

Одним из первых примеров нежелания республиканского правительства помогать развитию каталонской военной промышленности стал отказ эвакуировать в Каталонию оборудование патронных заводов Толедо, несмотря на то, что с первых недель войны способность Республики удержать этот город под контролем была под вопросом. Диего Абад де Сантильян говорил по поводу этого инцидента:

“ «У государства в этом городе было три завода. Два из них работали; третий бездействовал в течение нескольких лет, потому что он обветшал и его производственная мощность была ограниченной... Мы не просили ни одной из фабрик, которые ещё работали, хотя мы видели, что они в опасности, и хотя они стали бы более производительными в случае их перемещения, вместе со специалистами и техниками, в место наподобие Каталонии; мы просили лишь ту, которая не была задействована. Ненависть и зависть к Каталонии оказались так велики, что нам категорически отказали в выполнении этой просьбы, и несколькими неделями спустя Кейпо де Льяно мог похвастаться, что заводы, которые не захотели передавать в Каталонию, производят патроны для мятежников»⁴⁸.

Говоря в более общем виде, Хосе Пейратс отмечал: «Хенералидад с первых мгновений испытал на себе последствия финансовой политики Мадрида, которая заключалась в блокировании внутреннего оборота иностранной валюты, что лишало Каталонию возможности позаботиться о своих нуждах»⁴⁹. Пейратс подытоживал: «Непонимание центрального правительства, его недоверие к добрым и искренним намерениям лидирующего сектора Каталонии привело к пустой растрате военных и промышленных ресурсов этого важного региона, что серьёзно повлияло на ход войны»⁵⁰. «Лидирующий сектор Каталонии», о котором говорит Пейратс, – это, конечно, анархисты.

Луис Компанис также жаловался на нежелание республиканского правительства сотрудничать с каталонским в строительстве военной промышленности региона. Он писал Индалесио Прието:

“ «Мы всегда испытывали великую иллюзию веры в то, что усилия Каталонии будут поняты и Правительство Республики, отложив в сторону политические вопросы и неэффективный централистский критерий, который часто показывал свою несостоятельность, предоставит Каталонии средства для приведения её промышленности в соответствие с нуждами войны. Но, хотя я

говоря не о Вас, а о другом лице, я не могу удержаться и не напомнить Вам, что в сентябре 1936 г. мы предлагали прежнему председателю Совета Министров и военному министру всё, что сделала и что могла сделать промышленность Каталонии. На наше обращение ответили отказом, вспоминая о котором, мы теперь сожалеем вдвойне, поскольку это предложение было сделано со всей искренностью, со всей преданностью... Никто никогда не сможет доказать, что Каталония отклонила любой, какой бы то ни было, самый незначительный из запросов, самое незначительное из предложений, которые к ней поступали...»⁵¹

Одной из проблем, с которыми сталкивались военные предприятия по всей республиканской зоне, был призыв молодых рабочих в вооружённые силы, после того как была введена всеобщая воинская обязанность. В ноябре 1937 г. эта проблема была изложена в обращении Национальной федерации чёрной металлургии НКТ:

“ «Мы все согласны, что важнейшее условие для развития промышленности – это когда у неё есть хорошие рабочие-производственники. Как, в таком случае, можно понять то, что квалифицированных рабочих отправляют на фронт, в то время как в авторемонтных мастерских остаются молодые люди 25–30 лет, которые носят громкое название учеников? Случалось и так, что некоторые рабочие, для которых мы регулярно подавали запросы об освобождении от призыва и которые не получали его, обращались к влиянию некой политической партии и после этого добивались того, чего хотели... Политические партии лучше нас знакомы с навыками тех рабочих?»⁵²

Со своей стороны, сталинисты из Коммунистической партии Испании и Объединённой социалистической партии Каталонии упорно продолжали нападать на каталонскую военную промышленность. Образ их действий можно понять, основываясь на ответе «Рабочей солидарности» генеральному секретарю «Объединённой социалистической молодёжи». Последний заявил, что в регионе «существуют великолепно оборудованные военные заводы, которые используются только для изготовления капсулей к пистолетным патронам». «Рабочая солидарность» говорила:

“ «Во-первых, есть советник, который подтверждает что-то, о чём ничего не знает, и, когда ему предъявляют возражения и предлагают доказать то, что он говорит, не даёт ответа. Далее, есть подполковник, служащий на Арагонском фронте, который берётся утверждать, что военные материалы, произведённые в Каталонии, вызвали больше жертв, чем пули фашистов. Ему предлагают доказать это, и человек слова и долга не даёт никакого ответа. Позднее, ввиду тех же самых обвинений, материалы возвращают с фронта, и комиссия, составленная из военных техников и гражданских, подписывает документ, в котором говорится, что эти возвращённые материалы находятся в отличном состоянии. Ещё одна партия, и ещё одна, все из одного и того же места и с тем же результатом... Затем появляется

заметка в периодическом издании, защищающем единство, которая говорит о добросовестности в военной промышленности и профсоюзной компетентности...»53

Хуан Коморера, выступая на первой национальной конференции ОСПК через несколько недель после формирования правительства Негрина, чётко обозначил цели сталинистов в отношении военной промышленности:

“ «Предприятия военной промышленности должны быть переданы под контроль республиканского правительства. Естественно, в непосредственной организации каталонской военной промышленности Женералитат не может быть устранён. Существует, следовательно, необходимость реорганизации военной промышленности, снизу доверху. Эта реорганизация будет осуществлена на принципах профессионализма и дисциплины: с производственным планом, со знанием основных материалов, с ответственностью за количество и качество продукции, с единой руководящей и технической администрацией, и никаких заводских комитетов. В первую очередь всё это будет означать централизацию военной промышленности и милитаризацию заводов и транспортных служб...

Одновременно мы должны будем обратить внимание на безопасность всей нашей промышленности. На реорганизацию экономической жизни нашей страны, разрушенной комитетам и прежде всего “неконтролируемыми”...»54

Тем самым он ясно дал понять своё намерение ликвидировать рабочий контроль в военной промышленности.

Индалесио Прието и каталонская военная промышленность

С падением правительства Франсиско Ларго Кабальеро и назначением правого социалиста Индалесио Прието министром обороны в последующем правительстве Хуана Негрина республиканское правительство стало утверждать свой контроль над военной промышленностью Каталонии. Прието предлагал создать отдельное республиканское министерство военной промышленности, ещё когда был членом кабинета Ларго Кабальеро, но премьер-министр отклонил его предложение⁵⁵.

Хотя Прието в дальнейшем не возвращался к этой идее, он образовал Субсекретариат боеприпасов и вооружения (Subsecretaría de Municiones y Armamento) внутри Министерства национальной обороны. Именно этот орган начал распространять свой контроль на оборонную промышленность Каталонии.

Не стоит забывать, что правительство Негрина пришло к власти после Майских дней, жестоких столкновений между анархистами и поумистами с одной стороны и коммунистами и полицией – с другой в первую неделю мая 1937 г. Эти события существенно ослабили как правительство Каталонии, так и НКТ-ФАИ. Первое было вынуждено уступить республиканскому правительству контроль над полицейскими и военными силами региона. Анархисты были устранены из каталонского и республиканского правительств, и до самого конца Гражданской войны им приходилось всеми силами защищать свои позиции. Эти факты облегчили переход каталонской военной промышленности в руки республиканского правительства.

Одно из главных каталонских военных предприятий, моторный завод «Элисалде», уже было национализировано правительством Ларго Кабальеро в феврале 1937 г. В августе Субсекретариат боеприпасов и вооружения также национализировал завод «Испано-Суиса» и Артиллерийский парк⁵⁶.

Первым шагом Субсекретариата боеприпасов и вооружения было назначение «делегаций» в каждой части Республики, где производились военные материалы. Однако это система лишь вызвала беспорядок в военной промышленности Каталонии. Как впоследствии объяснял субсекретарю боеприпасов и вооружения Эухенио Вальехо: «Чтобы обосновать приём на работу определённого числа лиц без технической подготовки, эти люди ограничились тем, что надавили на заводы, контролируемые комиссией и испытывавшие нехватку сырья, сказав, что если бы те работали на Валенсию, то им заплатили бы наличными при подписании контракта и предоставили бы все необходимые материалы, которых они не получают, пока работают на Комиссию по военной промышленности»⁵⁷.

Позднее субсекретарь предложил каталонской Комиссии по военной промышленности прислать кого-нибудь в Валенсию, чтобы обсудить координацию каталонского сектора с остальной промышленностью вооружений республиканской Испании. Эухенио Вальехо, отправленный с этим поручением, прибыл в Валенсию 1 сентября 1937 г. Первая встреча прошла гладко. Вальехо предоставил субсекретарю подробный отчёт о состоянии военного производства в регионе, а субсекретарь в ответ признал, что «военная промышленность Каталонии сделала в десять раз больше, чем вся прочая промышленность Испании», и согласился с тем, что «это производство начиная с сентября могло бы быть увеличено ещё в десять раз, если бы Каталонии предоставили средства, необходимые для приобретения сырья, недоступного на испанской территории»⁵⁸.

На встрече была затронута одна откровенно политическая проблема. Глава ОСПК Хуан Коморера, став каталонским советником по экономике, отправил в отставку пятерых членов Комиссии по военной промышленности, занимавших свои должности с начала войны. Было решено, что назначенные Коморерой члены останутся на своих местах, но Хосе Таррадельяс, как советник по финансам, назначит от себя пять других – и он назначил тех, кто был отправлен в отставку Коморерой⁵⁹.

На встрече в Валенсии было достигнуто соглашение о том, что генеральный штаб будет составлять перечень необходимых материалов, который будет передаваться в каталонскую Комиссию по военной промышленности через субсекретариат. Со своей стороны,

субсекретариат обещал, что будет консультироваться с комиссией при заключении договоров с каталонскими военными предприятиями, а после подписания договора будет обеспечивать их сырьём. В то же время было решено, что Комиссия по военной промышленности не будет заключать никаких контрактов с каталонскими предприятиями без одобрения субсекретариата⁶⁰.

Однако на следующем совещании субсекретаря с членами каталонской комиссии, проходившем уже в Барселоне, дела обстояли не так хорошо. Субсекретарь прибыл в сопровождении своих сотрудников, среди которых были не только испанцы, но и «русский специалист по вооружениям, Самптерс; трое других русских, которые назвались техниками, и ещё двое или трое, которые работали в аппарате субсекретаря». На первом из трёх заседаний, продолжавшемся больше двух дней, субсекретарь представил перечень вооружений, которые должна была выпустить для Главного штаба каталонская промышленность. Хотя этот список был длинным, Комиссия по военной промышленности приняла его.

Однако после второго заседания «русские сопровождающие начали посещать заводы военных материалов и использовать в своих интересах внимание, которое оказывали люди, хотевшие достичь определённых договорённостей и не думавшие, что кто-то будет злоупотреблять этим обстоятельством. Во время своих визитов эти лица ограничивались выяснением профсоюзного членства большинства рабочих на указанных заводах, и в особенности в комитетах, и беззастенчиво спрашивали, не предпочтут ли они работать на Валенсию вместо того, чтобы работать на Комиссию по военной промышленности»⁶¹.

На третьем заседании субсекретарь, который, очевидно, находился под сильным давлением сталинистов, в дополнение к достигнутым в Валенсии соглашениям, предложил назначить своего делегата, чтобы вести дела Комиссии по военной промышленности. Он должен был пользоваться равными правами с Эухенио Вальехо, членом НКТ. Субсекретарь предложил на этот новый пост некоего коммуниста по имени Искьердо. Вальехо резко возражал, доказывая, что это нарушит работу комиссии и вызовет разногласия, так как предприятия, контролируемые НКТ, будут стараться работать с ним, а меньшинство заводов и рабочих, находящееся под контролем ОСПК, будет пытаться действовать через Искьердо.

Отказываясь разделить свои полномочия в комиссии с подобранным для него коммунистическим коллегой, Вальехо в качестве альтернативы предложил, чтобы Субсекретариат боеприпасов и вооружения ведал всеми делами каталонской военной промышленности: «подписывал контракты, предоставлял сырьё, выдавал зарплату, занимался хранением продукции, проверял её качество и отправлял её на фронт. Иначе говоря, Комиссия по военной промышленности была бы упразднена».

Однако «это предложение, которое заключало в себе уступку всего, было решительно отвергнуто субсекретарём, который заявил, что ему не нужна наша промышленность, поскольку ни он, ни окружающие его люди не готовы взять на себя ответственность за управление отраслью в целом...»⁶²

После этого третьего заседания, на котором переговоры зашли в тупик, субсекретарь несколько раз встречался с Хосе Таррадельясом, главой Комиссии по военной промышленности, но безрезультатно. Он также долго советовался с Хуаном Коморерой. Наконец, когда субсекретаря спросили, почему он не достиг соглашения с Комиссией по военной промышленности, он ответил: «Мне не позволят это сделать»⁶³.

Хотя субсекретарь покинул Барселону, пообещав, что вскоре вернётся и установит полный контроль над военной промышленностью Каталонии, он этого не сделал. Чтобы полностью поглотить каталонское производство военных материалов, нужно было дождаться очередного поворота колеса политики.

Тем временем Национальная федерация чёрной металлургии НКТ выступила с протестом против происходящего. Одно из типичных заявлений федерации, существенно отредактированное правительственными цензорами, было опубликовано в «Информационном бюллетене» НКТ-ФАИ от 4 ноября 1937 г. Осудив то, что квалифицированные рабочие не могут получить освобождение от призыва по профсоюзным рекомендациям, обращение указывало, что в некоторых мастерских «на ответственные должности были назначены люди, которые ничего не смыслят в металлургии, тогда как у нас в профсоюзах есть кадры, весьма компетентные в управлении этим производством, что было доказано в то время, когда мастерские находились под их руководством».

В своём заявлении федерация обещала «с энтузиазмом сотрудничать» с правительством «ради достижения победы над фашизмом» и заявляла, что «соглашается с правительственным контролем над военной промышленностью», но требовала упразднить Субсекретариат вооружения и заменить его Национальным советом военной промышленности, состоящим из представителей НКТ, ВСТ и правительства⁶⁴.

Полный контроль над военной промышленностью при правительстве Негрина

Только 11 августа 1938 г. кабинет Хуана Негрина издал декрет о «милитаризации» всей республиканской военной промышленности (включая каталонскую). Этот декрет, вероятно, имел скорее политическое, чем экономическое или военное значение, так как он не был осуществлён в полной мере, и, в большей или меньшей степени, контролируемые НКТ военные предприятия оставались в руках рабочих до конца войны. В тот же день были выпущены два других декрета, которые «милитаризовали» порты и реорганизовали политический комиссариат.

Декреты 11 августа принимались кабинетом, в котором, после года отсутствия в республиканском правительстве, вновь были представлены анархисты – астурийский лидер НКТ Сегундо Бланко стал министром образования. Декреты и реакция на них рядовых

членов профсоюзов НКТ отражали усиливающийся раскол в рядах анархистов (который мы подробно обсудим в главе 34).

Другим политическим следствием декретов 11 августа 1938 г. стал серьёзный кризис в правительстве. Хайме Айгуадé и Мануэль де Ирухо, представлявшие, соответственно, каталонских и баскских националистов в кабинете Негрина, ушли со своих постов в знак протеста⁶⁵. Несмотря на номинальное участие НКТ в правительстве Негрина, выход из него двух регионалистских партий значительно сужал политическую базу режима.

Рабочие, которые непосредственно были затронуты декретом о «милитаризации» военной промышленности, резко обозначили свою оппозицию ему. Хотя Исполнительная комиссия ВСТ, к тому времени состоявшая в основном из прокоммунистических социалистов и открытых сталинистов, почти сразу же выпустила обращение в поддержку декретов 11 августа, а Национальный комитет НКТ, очевидно, не имел официальной позиции по данному вопросу, профсоюзы рабочих металлургической и химической промышленности повели себя иначе.

Один из первых откликов дали рабочие военной промышленности Мадрида, которая в значительной степени контролировалась НКТ. Когда, вскоре после подписания декретов 11 августа, Мадридская делегация Субсекретариата боеприпасов и вооружения попыталась вступить в управление местным военным производством, «рабочие не обратили никакого внимания на приказы и документы и публично заявили, что отказываются передавать свои мастерские до тех пор, пока не получат гарантию в виде создания Национального совета военной промышленности»⁶⁶.

27 августа 1938 г. прошло собрание рабочих-металлистов НКТ Мадрида. Протокол собрания гласил: «Было объявлено, что синдикат предпринял шаги для защиты своих интересов перед лицом декрета и, наряду с другими мерами, которые могут быть осуществлены и к которым ведутся приготовления, было опубликовано воззвание о том, что он признаёт принцип милитаризации, но требует профсоюзного вмешательства и уважения к [социальным] завоеваниям, достигнутым за время войны. Собрание единогласно одобрило позицию синдиката и высказалось за продолжение шагов по сопротивлению применению декрета»⁶⁷.

Хосе Пейратс не указывает, предпринимало ли правительство в дальнейшем попытки национализировать военную промышленность в Мадриде, однако анархист Лоренсо Иньиго, отвечавший за эту отрасль, отмечал, что НКТ продолжала контролировать местное военное производство до конца Гражданской войны⁶⁸.

Проект создания Национального совета военной промышленности, который уже выдвигался НКТ-ФАИ, официально был одобрен на пленуме региональных организаций либертарного движения в начале сентября 1938 г. Пленум принял резолюцию, призывавшую к учреждению Министерства военной промышленности и созданию при нём Высшего совета военной промышленности: «По всем вопросам, относящимся к военному производству в лоялистской Испании, давать консультации и принимать решения будет этот Совет, состоящий из профсоюзных и технических представителей следующих отраслевых

федераций: электричества и света, топлива, химикатов, железа и стали, транспорта и строительства НКТ и ВСТ»⁶⁹.

В середине ноября Субсекретариат боеприпасов и вооружения приказал Валенсийской делегации взять под своё управление контролируемые НКТ военные предприятия. Хосе Пейратс пишет: «21-го делегаты субсекретариата попытались выполнить приказ о конфискации завода “шмайссеров”, против чего выступили рабочие и другие ответственные люди. Спустя несколько дней на собрании рабочих-металлистов НКТ и ВСТ Валенсии было решено не передавать ни одной социализированной мастерской до тех пор, пока правительство не национализирует частные мастерские и, в особенности, пока не будет создан Национальный совет военной промышленности»⁷⁰.

Споры по поводу национализации военной промышленности в центрально-южной части лоялистской Испании (к тому времени республиканская зона оказалась разделена на две части) продолжалось до последнего наступления мятежников в Каталонии. В конце ноября 1938 г. на заседании Объединённого металлургического субкомитета НКТ-ВСТ Паскуаль Томас «заявил, что он осуждает применение декрета как нападение на рабочих и разрушение военного производства, но им получено от Исполнительной комиссии ВСТ распоряжение произвести передачу заводов и мастерских без каких-либо условий». Он повторил эту позицию на следующем заседании 3 декабря.

Тем временем 2 декабря, на совместном заседании Металлургического субкомитета и Национального субкомитета НКТ по Центрально-Южному региону, было решено официально обратиться к делегату субсекретариата с просьбой о приостановке национализации до тех пор, пока не будут получены «конкретные инструкции» от правительства, находящегося в Барселоне. И, ввиду того, что обращения по данному вопросу в Национальный комитет НКТ, также находившийся в Барселоне, остались без ответа, было решено отправить делегата в Барселону для встречи с членами Национального комитета и министром Сегундо Бланко.

В то время как ВСТ продолжал настаивать на безусловной передаче военных предприятий Центра-Юга субсекретариату, НКТ была несогласна с этим. Обращение Центрально-Южного субкомитета НКТ, очевидно последнее перед началом битвы за Каталонию, отмечало:

«Рабочим нужны максимальные гарантии того, что после передачи предприятий, за функционирование которых они раньше отвечали самостоятельно, в революции не наступит застой...

НКТ во всех своих решениях ставит войну прежде любых других соображений, не забывая о том, что любая материальная или моральная уступка нуждается в гарантиях, которые стимулируют рабочих продолжать своё участие с тем же энтузиазмом, который был у них до уступки, и, поступая так, мы чувствуем, что выполнили свой долг, и перед войной, и перед самими собой».

Согласно Хосе Пейратсу: «Вопрос остановился на этой точке накануне последнего и самого трагического этапа революции и войны»⁷¹.

Как мы видели, национализация каталонских военных предприятий республиканским правительством началась ещё в первой половине 1937 г. Она несколько расширилась в период, когда Индалесио Прието был министром национальной обороны. Неясно, внёс ли существенные изменения в эту ситуацию декрет от 11 августа 1938 г. Диего Абад де Сантильян в своих записях о каталонской военной промышленности вообще не упоминает декрет. Однако он говорит: «Чтобы избежать конфликтов и удовлетворить амбиции командования и правительства, Каталония уступила свои военные заводы, за исключением новых, основанных Хенералидадом, хотя и некоторые из них были переданы субсекретариату вооружения...»⁷²

Сомнительно, что у республиканского правительства, от 11 августа 1938 г. и до начала вторжения Франко в декабре, было время, чтобы установить контроль над всей военной промышленностью Каталонии. Ясно, что во многих случаях рабочие продолжали управлять заводами, независимо от того, какое ведомство имело на них формальное право.

Также ясно, что непрерывная кампания сталинистов против рабочего контроля в военной промышленности не получила никакой поддержки среди рабочих данной отрасли. В мае 1938 г. Долорес Ибаррури сообщала на пленуме Коммунистической партии: «У нас очень мало товарищей на заводах военной промышленности, и провинциальные комитеты партии мало работают над этой ситуацией, которая должна быть исправлена»⁷³.

Последствия поглощения военной промышленности правительством

Преимуществами, которые, как предполагалось, давала централизация управления военной промышленностью в руках республиканского правительства, были координация, упрощение и рационализация. В теории, высшие военные власти, которые лучше всего знали, какие оружие и боеприпасы необходимы их силам в первую очередь, могли передавать эту информацию гражданским органам, которые контролировали все предприятия республиканской Испании, производившие и распределявшие эту продукцию. Достигнув централизации заказов, снабжения сырьём и финансирования, это ведомство, предположительно, могло передавать заказы на те заводы, которые лучше всего подходили для производства определённых видов оружия или материалов. Это позволило бы избежать двойной работы, которая, несомненно, имела место, когда различные военные органы требовали производить на определённых заводах то, что им было нужно, игнорируя возможности других подобных заводов или мастерских. Кроме того, специализация заводов на выпуске определённой продукции могла дать экономию средств и повысить качество управленческих и технических решений.

Однако в длительной борьбе за контроль над республиканской военной промышленностью эти преимущества едва ли были достигнуты. Даже если оставить в стороне дезорганизацию, которая была вызвана попытками правительства Негрина отобрать у рабочих контроль над военными предприятиями и сопротивлением рабочих этим попыткам,

лишь немногие из разрекламированных выгод централизованного контроля проявились в тех сегментах военной промышленности, которые, раньше или позже, перешли под управление Субсекретариата боеприпасов и вооружения – или непосредственно военных органов.

Вместо продукции часто увеличивалась бюрократия. Во многих случаях партийность при назначении управленческих кадров была важнее технической или административной компетентности. По крайней мере в некоторых случаях «милитаризация» заводов приводила к введению новым руководством драконовской системы «дисциплины труда». Практически всеобщей была деморализация рабочих – отчасти вызванная, как это признавалось всеми, растущими трудностями войны, шедшей к поражению, но значительно усиленная убеждённостью рабочих в том, что предприятия, которые первую половину войны были «их собственными», теперь принадлежат «им», недостижимым правительственным бюрократам или аппаратчикам Коммунистической партии.

Объём этой книги позволяет привести лишь несколько примеров подобного воздействия «милитаризации» военной промышленности. Но не может быть сомнения в том, что это лишь частные случаи явлений, широко распространённых в республиканской Испании.

В письме министру национальной обороны Индалесио Прието Луис Компанис говорил, что при Комиссии по военной промышленности они «имели возможности вести свою работу в условиях строгой экономии, без бюрократии и без размножения директоров, инспекторов и интервенторов, стараниями которых часто душится то, что стремились оживить»⁷⁴. Однако после того, как контроль перешёл к республиканскому субсекретариату, началось то самое разрастание бюрократического аппарата и бумажной работы, которого, по словам Компаниса, удавалось избежать каталонской военной промышленности.

В декабре 1937 г. НКТ выпустила протест против «оравы бюрократических паразитов, которые свалились на нас и цепляются за свои привилегии, как моллюски за скалу»⁷⁵. Имеются и более подробные сведения о бюрократизации в тех частях военной промышленности, которые были национализированы центральным правительством.

Рабочие завода «Элисалде», одного из первых каталонских предприятий, перешедшего к республиканским властям, 10 апреля 1938 г. направили в секцию обороны Национального комитета НКТ доклад о состоянии завода. В этом докладе говорилось:

“ «Чтобы удовлетворить каждую из потребностей завода, требуется пройти столько шагов, получить столько “одобрений”, что нужное никогда не приходит вовремя. Это верно даже в тех случаях, когда вопрос срочный. “Следование инструкциям” ставится превыше всего. Господа, которые никогда не стояли рядом с фабрикой, должны одобрить выделение нам того или другого материала, машины, ассигнований, комплектующих или смазки, в которых возникла необходимость. И эти одобрения занимают три, четыре и даже шесть месяцев. К этому нужно добавить время, необходимое, чтобы фактически их получить»⁷⁶.

Рабочие другого завода, контролируемого республиканским правительством, также обратились к национальному руководству НКТ в марте 1938 г. У них были похожие жалобы на бюрократизацию предприятия. Они приводили пример:

“ «Нам нужны электродвигатели. Они есть в наличии. Один из них предназначен для машины Келлема-Бартгерта... Мы подали заявку в начале января и не знаем, была ли она одобрена. При прямых переговорах их можно было бы получить на следующий день»⁷⁷.

Документ НКТ, служивший введением к отчёту каталонской Комиссии по военной промышленности от октября 1937 г. и опубликованный после войны в Буэнос-Айресе, комментировал политизацию управления военной промышленностью, перешедшей к субсекретариату. На вопрос: «Каковы результаты вмешательства центральной власти?» – давался ответ:

“ «Назначения политического характера на технические должности с большой ответственностью; создание бюрократии интервенторов, инспекторов, директоров и т.д., наиболее выдающейся заслугой которых была их принадлежность к определённой партии или абсолютное подчинение ей... пагубное влияние так называемого “прозелитизма”, а именно – “искусства” продвигать элементы, лояльные партии, или принуждать слабых и менее добросовестных, отличающихся только поверхностным антифашизмом, вступать в партию; “искусство” это также заключалось в устранении любыми способами рабочих и техников, не приверженных партии и не манипулируемых ею»⁷⁸.

Хотя условия труда на заводах, принятых республиканским правительством, несомненно, значительно различались, в некоторых случаях рабочие подвергались притеснению в самых худших формах. Одну из них демонстрирует приказ, изданный генеральным политкомиссаром Субсекретариата авиации, о дисциплине на заводах, находящихся в ведении военно-воздушных сил, датированный 11 августа 1938 г.

Опираясь на циркуляр субсекретаря авиации от 30 мая 1937 г., «милитаризовавший» весь персонал на заводах в пределах его юрисдикции, генеральный политкомиссар устанавливал, что нарушения трудовой дисциплины, как со стороны мужчин, «милитаризованных» этим циркуляром, так и со стороны сотрудников-женщин, не охваченных им, будут делиться на «лёгкие» и «тяжёлые». К первым относились:

“ «Халатность или небрежность в обращении с инструментами и техникой; неисполнение трудовых обязанностей, возложенных на указанных работников; признаки недовольства или равнодушия в отношении службы; необдуманно или неуважительные ответы в разговоре с начальством; временное отсутствие, равнозначное тяжёлому нарушению или преступлению; нарушение трудовых норм и режима управления на военных

заводах и всё остальное, что не подлежит наказанию по другим пунктам, как тяжёлое нарушение или преступление, но препятствует надлежащему функционированию или производительности упомянутых заводов...»

Наказания за подобные «лёгкие» нарушения включали в себя следующее: «Частный выговор; публичный выговор; лишение на срок до пяти дней половины выплат любого рода, получаемых милитаризованными работниками; ...увольнение с завода с последующим назначением, в случае, если работник не достиг 45 лет, на строительство укреплений».

Виновные в «тяжёлых» нарушениях дисциплины немедленно отдавались под трибунал в соответствии с военно-уголовным кодексом. Этот безжалостный приказ завершался иронией, которую сам генеральный комиссар, возможно, не осознавал:

“ «Я должен подчеркнуть важность всего вышеизложенного, поскольку это будет способствовать укреплению трудовой дисциплины, в то время как первоочередной обязанностью комиссаров является обеспечение правосудия и применения установленных норм»⁷⁹.

Не стоит сомневаться в том, что республиканская национализация контролируемых рабочими оборонных заводов значительно снизила мораль этих рабочих. Это отчётливо видно в случае завода САФ («Элисалде») в Барселоне. Как сообщали НКТ рабочие этого завода, «по собственной воле и после работы по восемь часов в день и 56 в неделю, помимо своих обычных смен, мы отработывали перед реквизицией, без надежды на вознаграждение, определённое количество часов, которое различалось соответственно возможностям каждого». Доклад приводил в качестве примера один случайно выбранный цех завода, где 58 рабочих за пять недель, с 15 августа по 18 сентября 1936 г., отработали в общей сложности 2 688 сверхурочных часов, в среднем 9,2 часа на одного рабочего в неделю.

Однако доклад отмечал:

“ «После реквизиции производственный энтузиазм снизился настолько, что никто – за немногими исключениями – не работал больше нормального рабочего дня. Напротив – и это печально, – работа обыкновенно заканчивается за несколько минут до установленного часа...»

Упадок морали у рабочих, как указывалось далее, выразился в том, что «среднее увеличение времени, затрачиваемого на изготовление определённой детали, составило 21,33%»⁸⁰.

Заключение

Очевидно, что проблема военной промышленности в республиканской Испании была в большей степени политической, нежели экономической. Рабочие в Каталонии, как и в некоторых частях Леванта и в Мадриде, конфисковав металлургические и химические

заводы, создали военную промышленность, которой раньше не существовало. В течение года она производила широкий набор стрелкового оружия, танки, орудия, воздушные и морские бомбы, ручные гранаты и даже самолёты, а также множество других военных материалов. Наряду с этим, рабочие и сотрудничавшие с ними техники проявили невиданную инициативность и изобретательность, не только в выпуске снаряжения для вооружённых сил, но и в производстве оборудования, которое требовалось для изготовления оружия и боеприпасов.

При более широком доступе к сырью, при лучших технических навыках военные предприятия, управляемые рабочими – преимущественно из НКТ, – могли бы сделать ещё больше. Возможно, организационная структура каталонской Комиссии по военной промышленности и заводов и мастерских, работавших под её наблюдением, со временем была бы улучшена.

Однако главной «проблемой» республиканской военной промышленности в тот год, когда она создавалась, было то, что на низовом уровне практически по всей лоялистской Испании она вдохновлялась и контролировалась рабочими из Национальной конфедерации труда и что тем правительством, которое по большей части координировало её работу, было каталонское, а не мадридское (позднее валенсийское). Следовательно, для многих политиков, возглавлявших Испанскую республику, – и это было особенно верно для коммунистов, как испанских, так и каталонских, – гораздо важнее было ликвидировать рабочий контроль на заводах и разрушить военно-промышленное управление каталонского Хенералидада, а не создать в Испании оружейную промышленность, которая снизила бы зависимость Республики от иностранных ресурсов. Конечно, если бы эта последняя задача была выполнена, основы влияния коммунистов в Республике были бы серьёзно подорваны. Также оказались бы ослаблены позиции тех социалистических и республиканских политиков, которые в большей или меньшей степени являлись союзниками – если не слугами – коммунистов.

19. Коллективизация транспорта, связи и коммунального хозяйства

Большая часть инфраструктуры лоялистской Испании во время Гражданской войны в той или иной степени была коллективизирована профсоюзами. Инициатива исходила преимущественно от НКТ, хотя обычно с ней сотрудничал, порой с энтузиазмом, Всеобщий союз трудящихся.

Мало того что железные дороги были конфискованы и по большей части управлялись профсоюзами, то же самое происходило в муниципальном транспорте – трамвайных, автобусных линиях, метро – в Барселоне, Валенсии и других крупных городах. Кроме того, в разных частях страны в различной степени был коллективизирован пассажирский и грузовой автотранспорт. Специфические обстоятельства, порождённые войной, сделали этот процесс более трудным в морском транспорте. Наконец, коммунальные предприятия, такие как службы газа, электричества и водоснабжения, также были в широком масштабе коллективизированы рабочими организациями.

Коллективизация железных дорог

Хотя железнодорожная система лоялистской Испании немедленно была взята под контроль союзами железнодорожных рабочих в соответствующих регионах, прошло время, прежде чем был создан Национальный железнодорожный совет (Consejo Nacional de Ferrocarriles). Он включал шесть представителей от республиканского правительства, трёх от Национального железнодорожного синдиката ВСТ и трёх от Национальной федерации железнодорожной отрасли НКТ. Этот совет должен был осуществлять общее наблюдение и координацию работы железных дорог в тех частях страны, которые остались под контролем Республики.

Одним из итогов работы совета стало создание единой железнодорожной службы вместо значительного числа частных компаний, многие из которых были иностранными, существовавших до 19 июля. Эта единая система сохранялась и при режиме Франко, под названием Национальная сеть железных дорог Испании (РЕНФЕ).

Национальный железнодорожный совет имел четыре секции, занимавшиеся коммерческими вопросами, кадрами, бухгалтерским учётом и технической частью соответственно. Каждая из этих секций управлялась субкомитетом, состоявшим из председателя – представителя

правительства, секретаря – от одного из профсоюзов и третьего члена – от другого профсоюза.

Влияние анархистов до определённой степени отразилось на работе кадрового субкомитета Железнодорожного совета, секретарём которого являлся Франсиско Дьесандино, в начале войны возглавлявший НФЖО НКТ. Субкомитет пытался, и в целом успешно, стандартизировать оплату труда железнодорожников по всей стране, чтобы рабочие одной категории получали одинаковую зарплату, обычно по высшей ставке. Кроме того, были введены оплачиваемые отпуска для всех рабочих и установлено правило, по которому фактические супруги железнодорожных рабочих имели те же права на социальные выплаты – по старости и в случае потери кормильца, – что и законные жёны.

Некоторые из наиболее сложных проблем Национального железнодорожного совета были связаны с границей. Прежде всего, железные дороги республиканской Испании во многом зависели от импорта угля из Великобритании, поскольку электрификация была сравнительно ограниченной, а большая часть угольных шахт страны вскоре оказалась в руках Франко. Совет видел, что его усилия по получения угля в значительной степени саботируются британской стороной. Сообщения часто искажались, британцы по ничтожным поводам отказывались обналичивать чеки совета, и, наконец, они не продавали угля, не получив предварительно полную плату. Однако, когда Национальный железнодорожный совет переключился на Советский Союз в качестве источника угля, оказалось, что его поставки также нужно было оплачивать предварительно.

Трудности другого рода отражает случай, произошедший в апреле 1937 г. Совет направил миссию в Голландию, чтобы договориться о доставке вагонов, которые были заказаны на венгерском заводе через голландскую фирму до начала Гражданской войны. Правительство, сформированное генералом Франко, предъявило свои права на эти вагоны, но миссии Национального железнодорожного совета удалось доставить их в лоялистскую Испанию¹.

Некоторые проблемы были связаны с тем, что 17 из конфискованных железнодорожных предприятий принадлежали иностранным фирмам. Одним из них была Центральная железная дорога Арагона, которой владели бельгийцы. Министр иностранных дел Бельгии Поль Спаак, социалист, заявил официальный протест против конфискации этого предприятия и потребовал от премьер-министра Испании Франсиско Ларго Кабальеро, также социалиста, выплатить компенсацию за конфискованное имущество. Ларго Кабальеро ответил, что дорога была реквизирована на военные нужды и вопрос о компенсации может быть обсуждён после окончания войны. Когда Франко выиграл войну, он не выплатил бельгийской компании никакой компенсации, и линия осталась частью централизованной железнодорожной системы, сохранённой режимом Франко.

Национальный железнодорожный совет также сталкивался с внутривластными проблемами. Коммунисты выступили против консолидации железных дорог, утверждая, что такие решения должны приниматься собраниями рабочих, а не Национальным железнодорожным советом. Однако эта попытка демагогически использовать анархо-синдикалистские лозунги не помешала совету создать единую железнодорожную систему, так как влияние коммунистов среди железнодорожных рабочих было минимальным².

Железнодорожники-анархисты, очевидно, рассматривали военные меры по организации их отрасли и управлению ею как временные, которые после войны должны быть заменены полностью коллективной формой организации. Национальный пленум Федерации железнодорожной отрасли в марте 1937 г. принял резолюцию, детализировавшую предложения НКТ по переходу к рабочему контролю на железных дорогах страны.

Эта резолюция включала в себя 24 статьи, озаглавленные «Основные принципы коллективизации». Первая из них провозглашала: «Все железные дороги Испании должны войти в состав единого Коллектива, организация и администрация которого должны быть определены самими рабочими». Статья 2 гласила: «К Коллективу перейдут все активы и пассивы бывших частных фирм, но финансовые обязательства, такие как долги со времени до 19 июля перед неколлективизированными фирмами, будут аннулированы, хотя международные транспортные соглашения будут соблюдаться».

Большинство остальных статей относились к внутренней организации железнодорожного коллектива. Высшим руководящим органом должен был стать Национальный комитет Федерации, избранный Национальным пленумом, а ниже его стояли региональные комитеты, избираемые региональными пленумами. На каждом уровне, кроме того, следовало создать «профессиональные комитеты» (назначение которых не было четко оговорено), члены которых входили в региональные и национальный комитеты с совещательным голосом. В состав Национального профессионального комитета также включались три делегата с совещательным голосом от «органа, регулирующего жизнь нации» (по-видимому, правительства), по одному от «департаментов промышленности и торговли, финансов и общественных работ».

Резолюция предусматривала, что прибыльные сектора национальной железнодорожной системы будут финансировать убыточные, и, если железнодорожная система в целом окажется в дефиците, «орган, регулирующий жизнь нации, будет обязан восполнить дефицит». Вся прибыль, которая могла быть получена от работы железных дорог, должна была идти «на улучшение железнодорожных услуг и материалов». Предусматривалась «полная унификация тарифов, правил, сигналов, прав и обязанностей и проч., и проч.».

В традиционном для анархистов стиле резолюция объявляла: «Каждый товарищ, вступающий в Коллектив, будет назначен на работу, к которой он проявляет предпочтение и способности, чтобы его энергия была наилучшим образом использована к выгоде Коллектива».

Железнодорожный коллектив также должен был работать над созданием координированной общенациональной транспортной системы, включающей железнодорожный, автомобильный, морской и воздушный транспорт³.

Через несколько лет после Гражданской войны Фернандо де лос Риос, социалист, во время конфликта бывший послом Республики в США, говорил, что общее регулирование железных дорог профсоюзами было успешным: «Эксплуатация железных дорог была поручена комитету, в котором профсоюзы были преобладающей силой. Учитывая все обстоятельства и трудности управления, результат был благоприятным»⁴.

Каталонские железные дороги при рабочем контроле

Несмотря на формальное объединение железных дорог республиканской Испании, союзы железнодорожников в разных регионах страны сохраняли широкую автономию в управлении железнодорожной системой. Это особенно относилось к Каталонии, Арагону и Леванту.

Один из первых выпусков «Информационного бюллетеня» НКТ-ФАИ описывал меры, принятые каталонскими рабочими в отношении железных дорог региона. В понедельник 21 июля рабочие конфисковали линии МСА (Мадрид – Сарагоса – Аликанте) и «Север»:

“ «Они создали революционные комитеты и организовали для защиты станций охрану с винтовками и пулемётами. На МСА товарищи из НКТ были первыми, кто занялся реорганизацией отрасли. Однако места в революционном комитете станций были разделены с ВСТ поровну. На линии “Север” инициативу в этом деле также взяли на себя синдикаты НКТ, позднее разделившие ответственность с ВСТ на равных началах...

Через железнодорожный телеграф на все станции передали, что синдикат НКТ конфисковал фирму. Эти новости повсюду были встречены с удовлетворением. Был избран станционный комитет НКТ, которому были подчинены полиция и все вспомогательные службы. Далее циркуляром, ратифицировавшим распоряжения, переданные в первый момент, были назначены революционные субкомитеты на важнейших станциях: Сабадель, Терраса, Манреса, Гранольерс, Вик и Риполь. Была установлена связь с Леридой, где товарищи образовали комитет».

В той же статье отмечалось, что железнодорожные мастерские в Сан-Андресе покрыли бронёй два локомотива и два автомобиля, которые почти сразу же были использованы для переброски милиционеров на Арагонский фронт. Кроме того, по требованию Центрального комитета милиции был подготовлен санитарный поезд5.

В то время, пока на местах предпринимались действия по установлению на железнодорожных станциях контроля НКТ (и позднее НКТ-ВСТ), в Барселоне происходила организация общерегионального управления железными дорогами. Гастон Леваль описывает, как происходил этот процесс на предприятии «Мадрид – Сарагоса – Аликанте»:

«20 июля, когда бои ещё продолжались, был собран руководящий персонал компании. Переговоры, которые проходили в комнате административного совета, имели драматическую окраску. Рабочие делегаты много раз бывали в этой комнате, чтобы изложить проблемы от имени своих товарищей. Администраторы принимали их с высокомерием, даже не предлагая сесть. Теперь же здесь собралось около тридцати

техников и администраторов, которые стояли, неспособные поверить в то, что они видели. Трое рабочих – три члена синдиката – сидели в креслах, до того предназначенных для руководства, в то время как группа рабочих, вооружённых винтовками, ждала в коридоре, и уверенно говорили: “Мы вызвали вас, чтобы потребовать вашей отставки, а также отказа от всех прав, которые вы могли приобрести в компании”.

Эмоции захлестнули тех, кто раньше были надменными хозяевами. Некоторые начали плакать, особенно когда директор, который как всегда опаздывал, появился и увидел ситуацию. Они были вынуждены уйти в отставку и поставить свою подпись. Рабочие приняли на себя руководство железнодорожной сетью»⁶.

Через несколько дней был официально санкционирован переход к рабочим контроля над каталонскими железными дорогами. 31 июля вышло обращение «Ко всему персоналу», подписанное советником по внутренним делам Хенералидада и представителями железнодорожных организаций НКТ и ВСТ, которое уведомяло об этом. В обращении говорилось, что профсоюзные организации «проинформировали Хенералидад Каталонии» об установлении своего контроля на железных дорогах и Хенералидад, «приняв это во внимание, не выдвинул никаких возражений и признаёт факт конфискации» при соблюдении четырёх условий. Эти условия были следующими: в течение четырёх дней составить реестр конфискованного имущества; учесть денежные средства, хранившиеся в сейфах фирм; всё прочее, что могло принадлежать конфискованным фирмам, также следует инвентаризировать; Хенералидад «оставляет за собой право на интервенцию». Эта «интервенция» должна была осуществляться через «делегата... чья задача будет состоять исключительно в том, чтобы наблюдать за эксплуатацией и доходами, получаемыми с каждой из её стадий, с основной целью, что последние будут расходоваться на оплату труда и улучшения, а также следить за издержками на эксплуатацию и амортизацию, причём следует понимать, что обязательства, касающиеся прежних прав держателей акций и облигаций, ни в коем случае не будут сюда включены».

И наконец, документ объявлял, что Хенералидад Каталонии «признаёт право вышеупомянутых профсоюзных организаций организовать все виды работ, технические и производственные, равно как и бюрократические, тем способом, который, по их мнению, является наиболее подходящим», в то же время обещая предоставить «все консультации, которые он считает полезными в техническом аспекте, когда это потребуется»⁷.

Первые недели после начала Гражданской войны на каталонских железных дорогах наблюдалась некоторая сумятица, которую я испытал на себе. Прибыв в Портбоу примерно через месяц после начала конфликта, я спросил у членов местного комитета милиции – после того как получил разрешение отправиться в Барселону, – сколько стоит билет до каталонской столицы. К моему удивлению (и удовольствию), мне сообщили, что теперь поездки по каталонским железным дорогам бесплатны. Так было, по крайней мере на линии Портбоу–Барселона, в августе 1936 г.

Гастон Леваль подтверждает, что каталонская железнодорожная система в первые месяцы войны отличалась децентрализацией и импровизациями: «До середины 1937 г. центральный комитет в Барселоне не давал никаких директив. С одной стороны, рабочие, входившие в

него, не могли сразу же заменить собой бывших администраторов, а с другой – такая замена не была необходимой. Работа просто шла, как и всегда. Персонал каждого отделения просто продолжал выполнять свои рабочие обязанности. Члены Центрального комитета довольствовались наблюдением за общей деятельностью и координацией линий. Они медленно объединяли части организма и подготавливали большее единство в будущем»⁸.

Был создан региональный центральный комитет, который отвечал за все железнодорожные пути сообщения в Каталонии. Он состоял из председателя, секретаря, одного представителя от каждого из трёх подразделений системы – движения, технической службы и администрации – и одного от субсекций, занимавшихся различными вопросами работы предприятия⁹. В центральном комитете были поровну представлены железнодорожные союзы НКТ и ВСТ¹⁰.

Рабочий контроль действовал на всех уровнях каталонской железнодорожной системы. Согласно Левалю:

“ «Все комитеты подразделений были составлены из равного числа представителей НКТ и ВСТ. Для организации движения выделены демаркационные зоны со своими комитетами, члены которых, представляющие службы, выполняют свою работу, а после рабочего дня собираются на заседание. Они контролируют общую деятельность и передают в комитеты подразделений свои отчёты и предложения. Они либо избраны напрямую рабочими этих зон, либо назначены центральным комитетом с одобрения соответствующих подразделений. Каждый демаркационный комитет выбирает человека, ответственного за административную функцию на местном уровне.

В каждой вспомогательной службе, станции, мастерской или бригаде рабочие свободно избирают ответственного делегата, ответственного за руководство и координацию служб. Отделения каждой линии, которые считают это необходимым, создают контрольный комитет. В населённых пунктах, где существуют отделения разных линий, создаётся координационный комитет...»¹¹

Рабочий (и особенно сэнэтистский) контроль на железнодорожных линиях Каталонии был ослаблен после Майских дней 1937 г. и переезда через несколько месяцев национального правительства в Барселону. Спустя некоторое время Рафаэль Эрнандес, социалист-железнодорожник из Астурии, которому удалось бежать в Барселону, был назначен «комендантом Барселонской транспортной комиссии». Он, по прошествии нескольких десятилетий, рассказывал Рональду Фрейзеру, что каталонские железные дороги на тот момент работали неважно, потому что «никто за них не отвечал». Он добавлял:

“ «Начальники больше не отвечали за свои станции. Вместо них был станционный комитет, состоявший из охранников и представителей прочего железнодорожного персонала, и комитет машинистов. Если последний

отклонял решение первого, чтобы поезд направили, например, к границе, поезд не отправлялся».

В итоге, согласно Фрейзеру, Эрнандес «собрал начальников станций и их заместителей и объявил им, что их задача – направлять работу железнодорожной службы, находящейся в их подчинении, согласно расписанию. Любой, кто выступает против них, будет заключён в тюрьму. Если они окажутся не в состоянии выполнять свои обязанности, они будут отвечать своей головой...»¹²

Каталонские железные дороги испытывали серьёзные проблемы в связи с войной. Одной из них были трудности с получением угля. Хотя некоторое его количество поступало из Астурийского региона, а также из Великобритании, прилагались усилия по разработке ресурсов Каталонии. Существующие шахты, дававшие энергетически бедный уголь, были расширены. Вдобавок, по инициативе местных жителей в одном из городов, примерно в 60 километрах от Барселоны, началась разработка залежей низкосортного угля. Железнодорожные рабочие сами добывали его, хотя это было очень сложно, так как среди них не было шахтёров и отсутствовало нужное оборудование.

Чтобы противостоять дефициту угля, те, кто отвечал за каталонские железные дороги, разрабатывали планы по электрификации путей сообщения в регионе¹³. Хотя условия войны сделали осуществление этих планов по большей части невозможным, Жозеп М. Брикаль отмечает, что каталонское правительство выделило около 480 тысяч песет на электрификацию железных дорог¹⁴.

Кроме того, после захвата Бильбао силами Франко железные дороги Каталонии остались без железных и стальных деталей, в которых они нуждались, особенно для замены вагонных осей, которые были повреждены или изношены. Это заставляло рабочих заниматься «вредительством»: снимать оси, которые были ещё пригодны, со списанных вагонов и устанавливать их на те вагоны, что были на ходу¹⁵.

Железные дороги в части Арагона, отвоёванной лоялистскими силами, также контролировались каталонским региональным центральным комитетом. Здесь рабочие линии МСА, «при участии коллективов некоторых арагонских деревень и энергичном руководстве товарища инженера Вилы, в рекордный срок построили железнодорожную ветку от Пуэбла-де-Хихара к угольным шахтам Утрильяса».

Одной из наиболее серьёзных проблем, с которыми столкнулась профсоюзная администрация каталонских железных дорог, было значительное неравенство в зарплате между разными группами рабочих. Те, кто были наняты финансово слабыми фирмами, получали зарплату, которой едва хватало на жизнь. Было решено установить для всех рабочих системы заработную плату 10 песет в день.

Кроме того, проблемой было наличие большого числа временных рабочих, особенно занятых обслуживанием железнодорожных путей. Много лет спустя анархическая эмигрантская газета «НКТ» писала:

«Чтобы они не перестали быть временными, что не позволяло им выдвигать требования и получать мелкие уступки, которые делались постоянным рабочим, начальникам было предписано увольнять их через три месяца, и, что интересно, сегодня их рассчитывали, а завтра снова брали на работу».

Было решено, что все они станут постоянными рабочими на синдикализованных железных дорогах. Каталонские железнодорожники из НКТ также потребовали, чтобы то же самое было сделано в отношении временных рабочих на железных дорогах в других частях республиканской Испании. К их удивлению, в республиканской железнодорожной администрации не только представители правительства, но и представители ВСТ поначалу выступили против этого. Тем не менее спустя некоторое время на всех железных дорогах Республики временные рабочие получили постоянный статус¹⁶.

Валенсийские железные дороги при рабочем контроле

Утром 18 июля 1936 г. секретарь валенсийского отделения железнодорожной федерации НКТ получил звонок из Мадрида и узнал, что в столице начался военный мятеж, что там объявлена всеобщая стачка и что НКТ приняла решение конфисковать железные дороги, чтобы помешать перемещениям армии. Ему поручили собрать местный комитет железнодорожных рабочих, обойти все станции и депо в городе и уволить начальников, заподозренных в нелояльности. Глава местного союза железнодорожных рабочих ВСТ, со своей стороны, проинформировал лидера НКТ, что получил аналогичное сообщение из мадридской штаб-квартиры ВСТ. Они совместными силами отстранили сомнительных управленцев.

Одним из таких служащих оказался баск-католик, сеньор Санарту, который возглавлял службу пути и занимал крайне консервативные политические позиции. Однако, когда рабочие его подразделения поручились за него, профсоюзные руководители согласились оставить его на посту. Впоследствии местный лидер НКТ одобрил его вступление в профсоюз НКТ, когда был принят декрет, согласно которому все работавшие на железной дороге должны были состоять в НКТ или ВСТ. В конечном итоге большинство уволенных управленцев были восстановлены в прежней должности, но оставались под постоянным наблюдением профсоюзных лидеров.

Валенсийским железнодорожникам пришлось решать одну специфическую проблему, связанную с железнодорожными рабочими, которые бежали из районов, захваченных Франко, и которые, согласно заключённым ранее коллективным договорам, имели право на трудоустройство в Валенсийском регионе и на особые выплаты для переведённых. Эта двойная плата железнодорожникам из других областей вызвала серьёзные протесты среди валенсийских рабочих. Местным лидерам железнодорожных рабочих НКТ в итоге удалось найти компромисс по этому вопросу: двойная плата выдавалась лишь до тех пор, пока вынужденно переведённые не найдут работу и жильё на новом месте. Это было одним из

аспектов более широкой проблемы наплыва беженцев, который продолжался по мере продвижения армий Франко.

При рабочем контроле были предприняты шаги по снижению неравенства в оплате труда между работниками железнодорожного транспорта Валенсии. До 19 июля самая низкооплачиваемая категория рабочих, вахтёры, получала лишь 2,5 песеты в час, тогда как машинисты зарабатывали 1 000 в месяц. Минимальная зарплата для всех рабочих была повышена до 10 песет в час, что соответствовало жалованью солдат Народной армии¹⁷.

Железные дороги и прочий транспорт в северных регионах

Как и в других частях лоялистской Испании, в Астурии ранее существовавшие железнодорожные компании были слиты в единую систему в январе 1937 г. по решению новой лоялистской администрации этого региона – Межпровинциального совета Астурии и Леона. В следующем месяце Совет предложил властям Сантандера и Страны Басков создать единую железнодорожную систему в трёх республиканских регионах Севера. Но лишь в июле, когда уже полным ходом шла кампания сил Франко по ликвидации северной группировки республиканских войск, Национальный железнодорожный совет официально одобрил создание такой объединённой системы.

Декрет Национального железнодорожного совета предусматривал объединение железнодорожной системы на Севере в рамках общей схемы создания единой железнодорожной сети для всей страны. Управление железными дорогами на Севере возлагалось на орган, в котором должны были быть представлены профсоюзы НКТ и ВСТ. Хотя у нас отсутствует конкретная информация о том, как во время войны были организованы железные дороги Севера, можно предположить, что фактическое управление ими, особенно в Астурии, находилось в руках этих двух профсоюзов.

Более трудной, по сравнению с железными дорогами, была на Севере проблема автомобильного транспорта. В начале войны местные ревкомы реквизировали автобусы, грузовики и даже личные автомобили. Провинциальный комитет Астурии издал приказ, согласно которому местные комитеты должны были передать все транспортные средства в распоряжение провинциального департамента транспорта, но очевидно, что эта мера вызвала значительное сопротивление.

В начале октября Провинциальный комитет конфисковал крупнейшую автотранспортную компанию Астурии – «Аутомóвилес Луарка СА», которая занималась автобусными перевозками и доставкой почты. Она была реорганизована под названием «Омнибус АЛЬСА» и стала управляться комитетом, состоявшим преимущественно из представителей профсоюзов НКТ и ВСТ, непосредственно избранных рабочими и служащими¹⁸.

Коллективы городского транспорта в Барселоне

Одна из инициатив по коллективизации, которыми анархисты гордились больше всего, была предпринята в городском транспорте Барселоны и её окрестностей. Во всех отношениях, важнейшей частью этой транспортной системы являлись трамвайные линии, общим числом около 60, с 7 000 рабочих, из которых 6 500 входили в Синдикат транспорта и связи НКТ. Кроме того, имелись меньшие по численности секции метро, автобусов и такси¹⁹.

Трамвайная сеть Барселоны пострадала от боёв 19–20 июля, когда на улицах строились баррикады и были повалены десятки столбов, несущих контактные провода. Если верить статье в «Рабочей солидарности», посвящённой трамвайному коллективу, рабочие ещё до полного окончания боёв очистили улицы и поставили столбы на место²⁰. 20 июля, когда в Барселоне ещё продолжались перестрелки, трамвайная секция профсоюза отправила делегацию из семи человек, чтобы захватить контору трамвайной компании. Затем этот комитет собрал делегатов всех подразделений, включая электростанцию, ремонтную мастерскую, диспетчерскую и другие, и на этом собрании было решено реорганизовать трамвайное предприятие.

На следующий день весь персонал, рабочие и техники, явился на общее собрание, где было ратифицировано решение об установлении контроля над трамвайной системой. Через пять дней после окончания вооружённой борьбы трамваи вновь начали ходить по городу, окрашенные в красный и чёрный цвета и с надписью «CNT-FAI»²¹.

Даже неанархисты были впечатлены той скоростью и эффективностью, с которой рабочие возобновили работу общественного транспорта. Андрес Нин, лидер ПОУМ, сравнивал медленное восстановление общественного транспорта после большевистской революции в России, затянувшееся на месяцы, со стремительным выполнением той же задачи анархическими рабочими в Барселоне.

Гастон Леваль описал организацию контролируемого рабочими предприятия:

“ «Каждое подразделение возглавляли инженер, назначенный по согласованию с профсоюзом, и представитель рабочих. На втором уровне выборные делегаты составляли местный общий комитет. Секции проводили отдельные собрания, когда они обсуждали свои особые мероприятия. А когда затрагивались проблемы общего характера, все рабочие всех категорий приходили на общее собрание. Организация была федеративной снизу доверху...»²²

В тот период, когда трамвайная система находилась под контролем рабочих, в ней было сделано множество усовершенствований. Были установлены новые конструкции для подвески контактных проводов, что позволило убрать многие, если не большинство

металлических столбов, часто служивших причиной несчастных случаев на узких улицах Барселоны. Кроме того, в сотрудничестве с Синдикатом воды, газа и электричества, были «более рационально» размещены многие трансформаторы, которые раньше заставляли трамваи делать резкие повороты и также вызывали происшествия.

Оборудование мастерских было значительно улучшено. Во Франции был приобретён новый токарный станок, разработанный в США, за 200 000 песет. Также закупили два сверлильных станка стоимостью 80 000 песет, электропечь, используемую для изготовления опорных подшипников, и прочие разнообразные машины²³.

В результате этого переоснащения предприятие стало более самодостаточным. В марте 1938 г. «Рабочая солидарность» писала, что трамвайные мастерские обеспечены 98% оборудования, необходимого для ремонта трамваев, по сравнению с 2% перед тем, как предприятие было конфисковано рабочими. Говорилось, что единственной вещью, которую не могли производить мастерские предприятия, были литые изделия²⁴.

С точки зрения оказываемых услуг и даже с финансовой точки зрения трамвайный рабочий коллектив был успешным. «Рабочая солидарность» в марте 1938 г. отмечала, что если трамваи перевезли 97 937 748 пассажиров с 1 января по июль 1936 г. и 85 605 516 с 24 июля по 31 декабря, при общем итоге 183 543 361 за весь год, то в 1937 г. они перевезли 233 557 508, то есть увеличение составило более 50 млн пассажиров.

Эта же статья описывала, с какими финансовыми трудностями столкнулся рабочий контрольный комитет, когда он принял предприятие, и как они были преодолены. Первый день выплаты пришёлся на 20 июля, и нужно было единовременно выплатить 259 535,65 песет по заработной плате, а также оплатить счета за материалы, которые остались от старой компании, на общую сумму 1 272 322,18 песет. Комитет не только погасил эти срочные задолженности, но и сохранил к концу 1936 г. остаток в 3 313 594,70 песет. «Рабочая солидарность» заключала:

“ «Триумф воли и разума был достигнут. Тот бухгалтерский баланс, который в последние дни июля 1936 г., казалось, предвещал финансовый крах из-за нехватки средств, вызванной очевидной ненормальностью работы в подобных исключительных обстоятельствах, был исправлен без какой бы то ни было государственной помощи и к удовлетворению всех: публики, которой было обеспечено функционирование трамвая и других городских транспортных служб, столь важных для жизни города, благодаря творчеству и организаторским способностям самих рабочих; и рабочих, которые удостоверились, что их усилия окупались превосходными результатами и естественным удовлетворением от исполненного долга»²⁵.

Система оплаты проезда на трамвае была упрощена. До 19 июля цена билета варьировалась от 10 до 40 сентесимо, в зависимости от длины маршрута. Теперь для всех поездок была установлена стоимость в 20 сентесимо, которая не менялась почти два года²⁶. В конце декабря 1937 г. контрольный комитет объявил, что с 1 января 1938 г. всем школьникам до 15 лет включительно будет предоставлен бесплатный проезд до школы и обратно²⁷.

Барселонский коллектив городского транспорта был легализован, в соответствии с декретом о коллективизации Хенералидада Каталонии, 28 июня 1937 г. С этих пор, согласно Вальтеру Бернеккеру, в коллективе стали расширяться полномочия руководящих органов синдиката в отношении контрольных комитетов подразделений. Но ещё до этого синдикат распоряжался большей частью прибыли предприятия, которая использовалась для субсидирования финансово слабых линий и для выплаты налогов Хенералидаду. После создания в конце 1937 г. Кассы промышленного и торгового кредита большая часть прибыли коллектива стала уходить в неё²⁸.

Трамвай был лишь частью, хотя и самой крупной, барселонской транспортной системы. Рост его пассажирооборота, конечно, отчасти объяснялся растущей сложностью получения бензина для автомобильного транспорта, в особенности такси, но также и автобусов.

К счастью для нас, сохранились записки о коллективе, организованном рабочими бывшего АО «Генеральная автобусная компания Барселоны», который действовал под названием «Автобусы-Г» и, безусловно, являлся крупнейшим автобусным рабочим коллективом в Барселоне. Записки эти оставил Х. Баркони, член контрольного комитета коллектива. Он указывает, что компания была конфискована автобусной секцией Синдиката транспорта и связи ещё до того, как полностью завершились бои на улицах Барселоны.

Группа из шести рабочих составила временный контрольный комитет предприятия, очевидно утверждённый общим собранием. Когда они взяли документы прежнего руководства, они нашли там, среди прочего, списки «опасных» и «весьма опасных», с его точки зрения, профсоюзных лидеров, а также списки шпионов компании.

Хотя высшие должностные лица фирмы бежали, большая часть технического персонала осталась. Новые рабочие лидеры коллектива предложили им продолжить работу, уволив лишь трёх, заподозренных в нелояльности новому режиму. Согласно Баркони, техники с энтузиазмом участвовали в работе коллектива, так как им предоставили гораздо больше свободы действия, чем было прежде, и их предложения по улучшению работы предприятия серьёзно рассматривались рабочим руководством.

Канторские служащие «Автобусов-Г» были собраны в одном большом офисе, где они находились в тесном контакте, могли работать более эффективно и в атмосфере общительности.

На предприятии вскоре было установлено новое оборудование, и ремонтные мастерские были объединены. Коллектив впервые начал выпускать собственные автобусы, а впоследствии – и военную продукцию²⁹.

Очевидно, ремонтные мастерские автобусной системы какое-то время являлись показательным производственным участком НКТ. Когда я был в Барселоне, примерно через месяц после начала Гражданской войны, меня взяли на экскурсию в эти мастерские, после того как я попросил, чтобы мне показали одно из контролируемых рабочими предприятий в каталонской столице. Теперь, более полувека спустя, единственное, что я помню об этом посещении, – это утверждение рабочих, что им удалось значительно увеличить

производительность ремонтных мастерских, включая сборку новых автобусов.

Примерно в это же время Франц Боркенау также осмотрел мастерскую барселонского транспортного коллектива:

“ «Спустя только три недели после начала гражданской войны, спустя две недели после окончания всеобщей стачки, она работает так гладко, что кажется, будто ничего и не происходило. Я видел людей, стоящих за станками. Помещение выглядело чистым, работа выполнялась обычным порядком. После социализации эта мастерская отремонтировала два автобуса, закончила сборку ещё одного и собрала один новый. Последний носил надпись “Выпущено при рабочем контроле”. Он был собран, как утверждали руководители, за пять дней, тогда как при прежнем руководстве требовалось в среднем семь дней...

Мастерской не могли нарочно придать привлекательный вид, чтобы произвести впечатление на посетителя: неразбериха действительно была страшной. Также я не думаю, что делались какие-либо приготовления к моему визиту. И всё же из этого наблюдения, конечно, не стоит делать общих выводов»³⁰.

Коллективом «Автобусы-Г» были внесены различные изменения в оказываемых услугах. Были введены новые автобусные маршруты, и ими были охвачены новые районы. Бесплатный проезд был предоставлен членам коллектива, а также школьникам (которым в школах выдавались особые значки), солдатам и инвалидам. Кроме того, те, кому приходилось стоять на передней площадке автобуса, также могли ездить бесплатно.

Были внесены и некоторые изменения в условиях труда. Кондукторам и водителям каждый год выдавалось по три комплекта спецодежды. Рабочим мастерских, выполнявшим самую тяжёлую работу, регулярно выдавалось молоко. Различия в заработной плате сохранялись, но количество её категорий значительно сократилось. Кроме того, вследствие необходимости войны, женщины на предприятии всё больше занимали место мужчин, которые уходили в вооружённые силы.

Также произошли изменения в социальном обеспечении. Пенсии для вдов служащих были отменены (так как их не получали и вдовы рабочих), но женщинам взамен предлагали работу в коллективе. Предоставлялась денежная помощь всем детям членов коллектива, которые продолжали своё обучение в школе. Коллектив содержал больницу для заболевших и выздоравливающих членов.

Вначале шесть членов контрольной комиссии часто проводили встречи со своими коллегами в других коллективах транспортного синдиката. Впоследствии был создан орган, состоявший из двух делегатов от каждого коллектива. Однако Баркони настаивал, что это была «федеративная» организация, в которой сохранялась автономия различных коллективов.

Когда Хуана Коморера из сталинистской Объединённой социалистической партии Каталонии стал советником по экономике в правительстве Каталонии, он начал наступление на все коллективы НКТ, включая «Автобусы-Г». Пытаясь подорвать этот коллектив, он без согласования предоставил право бесплатного проезда полицейским, которые заполнили автобусы. Коморера отказался предоставить коллективу иностранную валюту для импорта оборудования, необходимого в мастерских. Однажды ночью был совершён налёт на контору коллектива, и находившиеся там бумаги были разбросаны. Наконец, члены муниципального совета от ОСПК попытались протолкнуть решение о «муниципализации» городской системы общественного транспорта, очевидно, чтобы передать контроль над ней от НКТ сталинистам. Однако пленум барселонской НКТ единогласно отклонил эту идею, и после этого не предпринималось никаких посягательств на имущество транспортных коллективов НКТ, вплоть до взятия города силами Франко³¹.

Ещё одним сектором транспорта, подвергшимся коллективизации, были грузовые автомобили. Этот сектор делился на две части, военную и гражданскую, и обе они контролировались НКТ, по крайней мере в первый год Гражданской войны. НКТ конфисковала все фирмы, занимавшиеся автомобильными перевозками, и организовала их в коллектив, обслуживавший нужды гражданского населения.

Наряду с этим, Департамент обороны Хенералидада имел собственную военно-транспортную службу. По крайней мере до устранения анархистов из каталонского правительства, она также возглавлялась представителями профсоюза транспортных рабочих НКТ, которые тесно сотрудничали с гражданским коллективом.

Время от времени военно-транспортная система каталонского правительства бывала вынуждена использовать грузовики из гражданского коллектива. По крайней мере в первый год войны, коллектив обычно предоставлял необходимые грузовики во временное пользование Департаменту обороны, вместо того чтобы сдавать их в аренду правительству³².

Коллективизация городского транспорта в Валенсии

В Валенсии муниципальная транспортная система также была коллективизирована. Возник Объединённый авто-трамвайный синдикат, в который вошли 1 300 работников из Трамвайной и железнодорожной компании Валенсии и 214 из Валенсийской автобусной компании. Значительное большинство рабочих перед началом войны входило в НКТ, и на общем собрании было решено провести голосование, по итогам которого профсоюз, получивший большинство, включит в свой состав тех, кто принадлежит к другой организации. Таким образом, все рабочие присоединились к НКТ.

Рабочий совет Объединённого авто-трамвайного синдиката состоял из семи членов, пяти от трамваев и двух от автобусов. Каждая секция синдиката имела свои подразделения: диспетчерскую, мастерские, путевую, техническую и административную службы. В каждом

подразделении был свой совет, избранный работниками, который решал его специфические проблемы.

Одной из первых трудностей, с которыми столкнулся рабочий коллектив, было то, что значительное большинство пассажиров, как на трамваях, так и на автобусах, отказывались платить за проезд. Рабочий совет, управлявший предприятием, заручился поддержкой всех значимых профсоюзных и политических организаций в регионе, и к концу 1936 г. за проезд взималась регулярная плата.

Рабочее предприятие расширило мастерскую трамвайной системы. Также были выделены средства на обеспечение беженцев с территорий, занятых Франко, и на строительство нескольких школ и санатория. Наконец, коллектив создал фонд для выплаты пенсий по старости и пособий по болезни своим членам и их семьям.

Средняя зарплата работников коллектива увеличилась с 10 песет в день до 13,5–14,5. Одновременно 200 тысяч песет было выделено для 100 членов коллектива, которые сражались в силах милиции на разных фронтах³³.

Другая часть транспортной системы Валенсии была конфискована и организована Синдикатом транспорта Леванта НКТ. Этот коллектив включал 2 350 грузчиков, работавших в гавани, 1 700 грузчиков, работавших на железнодорожных станциях, в порту и на складах, 1 300 извозчиков, у которых было 800 лошадей и 1 500 повозок, 200 автобусных водителей и кондукторов, 425 водителей такси, имевших 315 машин, и разные группы подсобных рабочих.

Общее собрание синдиката избирало комитет, руководивший его работой. Действовал центральный секретариат, в котором были представлены все секции синдиката и который координировал транспорт в городе и его окрестностях. Была организована специальная железнодорожная служба, «чтобы перевозить все виды товаров в столице и за её пределами... что существенно облегчило работу, устранив препятствия в этом классе услуг... которые строго контролировались, ничто не терялось и не шло по неправильному маршруту». Водители такси создали аварийную службу, работавшую ночью и днём. Одним словом, коллектив следил за тем, чтобы его службы функционировали семь дней в неделю³⁴.

Коллективизация прочего наземного транспорта

На большей части республиканской Испании профсоюзы, в частности входившие в НКТ, взяли под свой контроль другие виды наземного транспорта, такие как междугородные автобусные линии и предприятия грузового автотранспорта. У нас нет точных цифр относительно масштабов этой коллективизации, хотя по некоторым признакам можно судить, что она была широко распространённой.

В северном регионе Сантандера социалистический Всеобщий союз трудящихся конфисковал местную трамвайную систему, находившуюся в частной собственности. Председатель союза трамвайных рабочих ВСТ стал председателем коллектива, а другие члены исполнительного органа союза стали директорами предприятия. Трамвайная система, как сообщали, хорошо работала под профсоюзным контролем и получала большой доход. Одной из причин этого было устранение конкуренции со стороны мелких семейных автобусных фирм, водители которых не входили ни в какой профсоюз. Как только началась война, автобусы были реквизированы и отправлены с милиционерами на фронт³⁵.

Многие, если не большинство сельских коллективов в разных частях страны имели в своём распоряжении по крайней мере несколько грузовиков, как и некоторые коллективизированные городские промышленные предприятия. В главе 27 я расскажу, как контролируемый анархистами Совет Арагона организовал автобусное сообщение от одного края региона до другого. Но, помимо всего перечисленного, местные синдикаты и комаркальные и региональные федерации транспортных союзов создавали свои собственные коллективы.

В сельскохозяйственных районах и в городах транспортные союзы НКТ стремились не только обеспечивать нужды вооружённых сил и обслуживать гражданское население, но и организовать свой сектор экономики на долгосрочной основе, в таком соответствии с анархическими идеями, какое было возможно при данных обстоятельствах. Это нашло своё отражение в резолюциях, принятых региональным пленумом транспортных союзов Центра, который прошёл в Мадриде в середине марта 1937 г.:

«Чтобы структурировать социализированную экономику транспортной отрасли, будут созданы экономические советы, занимающиеся регулированием контрактации предоставляемых услуг и одновременно удовлетворением нужд отрасли, таких как хранение материалов, определение и выплата зарплаты тем, кто участвует в социализации, и, наконец, непрерывное развитие, в котором нуждается отрасль, чтобы расти с каждым днём. Эти советы, в региональной, провинциальной и комаркальной федерации и в синдикатах, будут поддерживать близкие взаимоотношения, чтобы знать потребности друг друга, так что, когда одна из организаций нуждается в поддержке, она сможет получить её от тех, которые находятся в лучшей ситуации».

Пленум также предпринял шаги по обеспечению равенства между разными группами, входящими в региональную транспортную федерацию. Хотя пленум не пытался в один момент установить полное равенство в заработной плате членов, было решено работать над продвижением к такому равенству. Также было предусмотрено, что прибыль, полученная более успешными синдикатами или местными и комаркальными федерациями, должна передаваться региональной федерации, которая будет использовать её, чтобы помочь менее обеспеченным организациям. Аналогично, было принято решение, что местные группы, которые имеют больше грузовиков или автобусов, чем им необходимо, предоставят их тем, у которых не хватает подвижного состава, – хотя было оговорено, что группы, получившие в пользование транспортные средства других частей региональной федерации, должны будут сами нести расходы по их обслуживанию³⁶.

Проблема милитаризации транспорта

Одной из проблем, встававших перед транспортными коллективами НКТ, была угроза «милитаризации» транспорта республиканским правительством. НКТ решительно выступала против этого, хотя демонстрировала полную готовность предоставить транспортные средства вооружённым силам в чрезвычайных ситуациях.

Национальный комитет транспортных синдикатов Испании, представлявший региональные федерации Центра, Леванта и Каталонии, в июне 1937 г. выпустил обращение «К антифашистскому и революционному народу», в котором он возражал против милитаризации транспорта:

«Вот уже некоторое время ведётся разговор о милитаризации транспорта, но без достаточных оснований, без твёрдых аргументов, которые могли бы убедить нас. Гражданский транспорт имеет задачу, отличную от задачи военного транспорта; хотя между ними есть некоторая взаимосвязь, её недостаточно для того, чтобы отобрать у синдикатов то, что по логике принадлежит им. Милитаризация гражданского транспорта равнозначна созданию военного корпуса, в котором рабочие будут простыми функционерами государства, находящимися на службе и обязанными лишь подчиняться, без права высказывать своё мнение. Если государство возьмёт на себя эксплуатацию этой отрасли, рабочие полностью утратят свою личность, будучи подчинёнными суровой дисциплине, будучи низведёнными до состояния автоматов...

Милитаризация транспорта – очередной манёвр тех людей, которые воплощают и защищают авторитарный централизм и тем самым полностью уничтожают человека как ведущий элемент производства и потребления и как основной фактор в экономическом развитии государства...

Региональные транспортные федерации, подписывающие это обращение совместно с Национальным комитетом, не потерпят милитаризации гражданского транспорта, поскольку они верят, что компетентностью для эксплуатации этих служб обладают только синдикаты, а не Министерство общественных работ или любой другой официальный орган»³⁷.

К ноябрю 1937 г. союзы транспортных рабочих НКТ в значительной степени изменили своё отношение. Пленум транспортных федераций Леванта, Центра и Каталонии, прошедший в этом месяце, принял резолюцию, где, помимо прочего, говорилось:

«Синдикаты НКТ, действующие в различных частях транспортной отрасли и особенно в гужевом и автомобильном транспорте, не будут, до тех пор пока уважается их индивидуальность, оказывать какого-либо сопротивления реквизиции материалов, гаражей и проч., но лишь при условии, что персонал этих предприятий будет нанят правительством, которое будет выплачивать ему положенную зарплату...

Транспортные синдикаты, следуя декретам, изданным Министерством национальном обороны, обязуются предоставить в распоряжение антифашистского дела персонал, который по своему физическому состоянию и технической компетентности окажется пригодным для того, чтобы выполнять возложенную на него работу».

Резолюция заканчивалась на почти жалобной ноте: региональные федерации обещали «защитить, насколько мы в состоянии, коллективы, которые уже созданы и которые могут быть созданы, но лишь при условии, что это не создаёт препятствий для экономики и не вредит военным задачам»³⁸.

Рабочий контроль на морском транспорте

Рабочий контроль на испанском республиканском торговом флоте был во всех отношениях менее развит, чем в наземной экономической деятельности. Хотя профсоюзы, в первые дни и недели после подавления военного мятежа на значительной части прибрежной Испании, стали занимать управления важнейших судоходных линий страны, республиканское правительство также поспешило установить контроль над возможно большей частью торгового флота. Кроме того, почти с самого начала войны торговые суда лоялистов подверглись нападениям не только тех единиц испанского военного флота, которые были захвачены мятежниками, но и иностранных, в частности итальянских, кораблей и субмарин. Как следствие, острой необходимостью стало поддержание дисциплины на судах и сохранение на службе опытных офицеров торгового флота.

В этих условиях на судах и даже в портах, по-видимому, преобладала несколько видоизменённая система коллективных договоров, на доиюльских принципах. Она была дополнена введением профсоюзных делегатов, которые помогали обеспечивать эффективность судоходства и следили за капитанами и другими офицерами, чья лояльность вызывала сомнения. На национальном уровне морские союзы НКТ и ВСТ пытались оказывать влияние на работу торгового флота, насколько это позволяли военные условия.

В барселонском порту главным изменением, произошедшим после 19 июля, было устранение трудовых подрядчиков и других посредников, которые процветали здесь прежде. Аугустин Сухи описывал эту ситуацию:

“ «За счёт низкой зарплаты и плохих условий труда для портовых грузчиков, берег до 19 июля находился во власти вымогателей. От берега разило взяточничеством, растратами и воровством. Мошенники и судовые агенты, капитаны судов и начальники грузчиков – все они были в сговоре...»

Далее Сухи описывает изменения: «После 19 июля портовые и морские профсоюзы избавились от вымогателей и их агентов. Они решили напрямую, без посредников, вести переговоры с капитанами судов и судоходными компаниями. Это привело к передаче всех

рабочих операций вновь созданному коллективу портовых рабочих. Хотя контракты, уже заключённые между иностранными судоходными компаниями и их агентами, не могли быть отменены, профсоюзы пристально следили за финансовыми операциями испанских агентов иностранных компаний»³⁹.

Издание НКТ того периода писало о соглашении между профсоюзом НКТ и фирмами, действовавшими в порту:

“ «Административная хунта [профсоюза] будет получать плату за погрузку и разгрузку в соответствии с существующими расценками, она организует группы рабочих и будет выдавать им зарплату. Склады, судовладельцы и агенты не будут признавать никакой иной организации, кроме Единого синдиката транспорта НКТ. Этим фактом Конфедерация, в дополнение к предпринятым большим шагам в направлении социализации собственности, устанавливает абсолютный контроль...

Благодаря этому коллективному договору станет известно движение в барселонском порту: приход и отход судов, тоннаж и виды товаров и т.п., поскольку контроль полностью переходит в руки Синдиката транспорта»⁴⁰.

Сухи отмечал: «Эти изменения принесли намного более высокую зарплату и лучшие условия труда для портовых грузчиков. Наряду с определённой суммой с каждой разгруженной или погруженной тонны, была обеспечена защита от безработицы, болезней и несчастных случаев и другие льготы»⁴¹.

Управление Трансатлантической компании в Барселоне, одной из основных испанских океанических судоходных линий, вначале было занято членами ВСТ. Однако вскоре был создан совместный центральный комитет ВСТ-НКТ, включавший трёх членов от каждого профсоюза, а также представителей каталонского и республиканского правительств. К комитету перешли не только суда компании, но и её наличные средства и банковские счета.

Центральный комитет уволил всех высших должностных лиц компании, однако все техники остались на своих местах.

Рабочий комитет согласился предоставить каталонскому Центральному комитету милиции два судна для использования в качестве тюрем и одно в качестве плавучего госпиталя. Остальные суда вернулись к обычной работе. Было зафиксировано, что «прежние судовые комитеты продолжают осуществлять свои функции, в качестве технических комитетов, находясь в подчинении центрального комитета». По крайней мере поначалу, матросы отказались принять 40-часовую рабочую неделю, установленную Хенералидадом Каталонии, и продолжали работать 48 часов. Они также отказались от 15-процентного повышения зарплаты, декретированного Хенералидадом⁴².

В период широкой каталонской автономии, с июля 1936 г. по май 1937 г., суда и катера, выходившие из каталонских портов, находились в ведении Департамента общественных служб регионального правительства. Как сообщает сэнэтист Хуан Доменек, когда он

возглавлял этот департамент, в портах каталонских городов работали шесть больших судов, водоизмещением 16 тысяч тонн и более, и «сотни» судов от 180 до 300 тонн, при общем тоннаже около 600 тысяч⁴³.

Хотя имеется сравнительно мало информации об организации той части республиканского торгового флота, которая в первый год войны действовала в северных регионах Бискайи, Сантандера и Астурии, у нас есть декларация, выпущенная работниками морского транспорта этой части Республики в мае 1937 г., незадолго до начала генерального наступления армии Франко на Северном фронте. Декларация извещала о создании Межрегионального комитета морского транспорта «организациями ВСТ и НКТ из Бильбао, Сантандера и Хихона и “Баскской [рабочей] солидарностью” из Бильбао». Последняя группа была профсоюзной организацией, связанной с Баскской националистической партией.

Это воззвание особенно подчёркивало, что моряки, верные Республике в борьбе с испанским, итальянским, германским и португальским фашизмом, должны продолжать судоходство, несмотря на угрозу от вражеских военно-морских сил, и наблюдать в своих собственных рядах за теми, чья лояльность может оказаться сомнительной:

“ «Мы всё теснее и теснее сплавиваем наш союз; мы пожертвуем всем, чем должны пожертвовать, чтобы сокрушить в Испании международный фашизм, который пытается завоевать нашу страну. На руинах Испании мы построим общество, о котором мы мечтали, где не существует эксплуататоров и эксплуатируемых»⁴⁴.

В конце 1937 г., после падения Бискайи, Сантандера и Астурии, Национальная федерация транспорта, рыболовства и морской отрасли НКТ и Национальный синдикат морского транспорта ВСТ создали координационный комитет, «исполнительного характера» и с равным представительством обеих профсоюзов. Прокламация о создании этого органа гласила:

“ «Обе профсоюзные организации признают, в качестве первого шага на пути к социализации морского транспорта, а также для лучшей и скорейшей реорганизации экономики в целом и ради высочайшей эффективности в использовании для военных задач, полный переход отрасли в ведение правительства Республики».

Далее обещалось, что обе организации «будут поддерживать и содействовать очищению и реорганизации Главного управления торгового флота... организуя своё руководство в соответствии с... нуждами национальной экономики». Предлагалось создать орган для рассмотрения этого вопроса и разработки проекта реорганизации.

Документ содержит любопытные указания на то, как был организован и функционировал торговый флот в то время: говорилось, что сохранится «существующая» структура судовых комитетов и что «во время пребывания судна в море или в порту функции комитета будут ограничиваться внутренними вопросами: 1. контроль над администрацией и сотрудничество

в судовых работах; 2. моральная и интеллектуальная подготовка личного состава с помощью газет, книг, лекций...»

Далее говорилось, что члены профсоюзов на каждом судне будут избирать «профсоюзного делегата», который будет служить посредником между командой и профсоюзами, после каждого рейса информируя профсоюзы обо всём произошедшем во время плавания. Кроме того, «в случае, если возникают трудности в море, они должны быть известны профсоюзному делегату».

В общих чертах была обрисована ситуация на судах республиканского торгового флота: «Организация работы на судах будет находиться под ответственностью капитана, при условии, что его сочувствие [антифашистскому] делу было доказано...» Капитан мог передать свои полномочия «первому помощнику – на палубе и старшему машинисту – в машинном отделении... Политические комиссары, действующие на судах на основании декрета от 12 июня, будут избираться по выдвижению морских профсоюзных организаций, с равным представительством ВСТ и НКТ».

Последний раздел документа говорил о «судовых премиях», которые должны были выплачиваться тем, кто выходил в море перед лицом угрозы вражеского нападения⁴⁵.

Как мы видим, на торговом флоте не было всеобщей коллективизации наподобие той, что имела место в национальной железнодорожной системе и в различных отраслях промышленности республиканской Испании. Тем не менее торговый флот не обошла стороной революционная волна, поднявшаяся в Республике в начале Гражданской войны.

Коллективизация каталонских предприятий коммунального обслуживания

Предприятия коммунальной сферы – службы газа, электричества и водоснабжения – в той или иной степени были коллективизированы рабочими республиканской Испании. Как и в других частях республиканской экономики, в этих экспериментах по рабочему контролю наблюдалось значительное разнообразие.

Поумистский лидер Хуан Андраде, рассматривая рабочие коллективы начала 1937 г., отмечал, что в области коммунального хозяйства преобладала организация на основе профсоюза, а не местной мастерской: «Синдикализация в этих отраслях прошла сравнительно легко. Можно сказать, что рабочие синдикализированных предприятий коммунального хозяйства сегодня пользуются привилегированным положением, в смысле гарантированности дохода и, следовательно, получения зарплаты. Так как им удалось не только сохранить свою зарплату, но и во многих случаях увеличить её, они по достоинству оценили выгоды от изменения ситуации. По мере поступления доходов стало возможно

трудоустроить всех тех, кто раньше были безработными, тогда как в других сферах безработица не только не снижалась, но и росла. Отсутствие конкуренции позволяет регулировать цены»⁴⁶.

В Каталонии с 1927 г. действовал профсоюз НКТ, объединявший рабочих электросетей, газоснабжения и водоснабжения в регионе. Именно эта организация взяла на себя управление коммунальным хозяйством, когда военный мятеж был подавлен.

20 июля 1936 г., когда на улицах Барселоны всё ещё шла вооружённая борьба, группа рабочих собралась, чтобы принять меры по обеспечению работы этих трёх служб после окончания боёв. Вскоре состоялось общее собрание работников, на котором было решено какое-то время продолжать работу так, как это делалось до 19 июля. Лишь в конце августа НКТ и ВСТ официально решили социализировать электричество, газ и воду по всему региону, и Хенералидад Каталонии спустя недолгое время санкционировал их действия.

В Каталонии насчитывалось 610 электротехнических сооружений, от больших гидроэлектростанций в Тремпе и Камарасе до многочисленных одиночных трансформаторов и других установок. Многие из них до революции были организованы как отдельные компании. Через шесть месяцев после начала войны 70% фирм, дававших 99% электроэнергии, были слиты в единое предприятие.

После того, как анархисты были удалены из правительства Каталонии и советником по экономике был назначен глава ОСПК Хуан Коморера, контролируемая НКТ Объединённая служба электричества Каталонии была интервенирована Хенералидадом: в октябре 1937 г. во главе её были поставлены комиссия «из трёх делегатов Хенералидада и консультативный орган, состоящий из рабочих и выполняющий роль контрольного комитета». Затем, в апреле 1938 г., республиканское правительство учредило Генеральный комиссариат электричества и подчинило ему каталонскую энергетическую систему. Это было сделано «по предложению министра национальной обороны», одновременно бывшего премьер-министром, Хуана Негрина.

Коллектив газовщиков также перешёл в подчинение каталонского правительства в октябре 1937 г., по-видимому на тех же условиях, что и электросети⁴⁷. Аналогично тому, что происходило в службе электричества, дореволюционные предприятия газовой отрасли были объединены в одно. Напротив, водоснабжение к началу конфликта по большей части находилось в руках одной частной испанской фирмы и в таком виде было социализировано.

Большинство занятых в этих трёх отраслях были квалифицированными рабочими. В ходе профсоюзной реорганизации самой мелкой единицей стала секция, состоявшая из 15 или более рабочих определённой квалификации. Если к специальности относилось меньшее число рабочих, секция формировалась из двух или нескольких близких друг к другу специальностей. Каждая секция избирала двух делегатов, одного технического и другого – чтобы направлять работу секции.

Эти делегаты секций избирали «комитет объекта», который ведал обслуживанием местного сооружения. Обычно этот комитет состоял из рабочего, техника и административного

служащего, иногда вводили ещё одного члена, чтобы сохранить равновесие между НКТ и ВСТ. Первый делегат занимался проблемами, которые возникали в разных секциях, и принимал предложения рабочих по найму и увольнению персонала. Он также «служил посредником между низами и генеральным отраслевым советом и созывал периодические общие собрания секций».

Делегат техников контролировал работу секций, изыскивая способы повысить их производительность, осматривал линии электропередачи и вёл производственную статистику. Административный делегат отвечал за документооборот, хранение материалов и переписку.

Третью ступень в иерархии составляли три отраслевых совета: электричества, газа и воды. Каждый совет состоял из восьми членов, четырёх от НКТ и четырёх от ВСТ; половина из них избиралась общими собраниями членов НКТ и ВСТ в данной отрасли, другая половина избиралась делегатами технических секций, что позволяло включить в совет людей с соответствующей подготовкой.

На вершине иерархии находился Генеральный совет электричества, газа и воды, также из восьми членов, поровну разделённых между НКТ и ВСТ. Согласно Гастону Левалю:

“ «Этот совет координирует деятельность всех трёх отраслей, упорядочивая распределение продукции и сырья с региональной, национальной и международной точек зрения; говоря в общем, он принимает и применяет все инициативы, переданные ему производителями как группой, для производства и иных нужд. Но он всегда должен вести свою работу под контролем профсоюзных собраний»⁴⁸.

В коммунальном хозяйстве были произведены различные изменения. Были введены единообразные цены на электричество, газ и воду, тогда как раньше они различались по районам. Кроме того, была отменена плата за аренду счётчиков. Адольфо Буэсо утверждает, что коллектив барселонского водоснабжения «удвоил свой капитал, полностью обновил все сооружения, а также построил дешёвое жильё для персонала»⁴⁹.

Как и железные дороги, газовая отрасль Каталонии страдала от нехватки угля, вследствие того, что силы Франко контролировали большинство угольных шахт страны. Основным источником угля для газификации была Великобритания, поставки осуществлялись транзитом через Оран (Алжир)⁵⁰.

Регулярное обслуживание коммунальных сетей продолжалось с начала Гражданской войны до захвата Каталонии войсками Франко. Даже бомбардировки с воздуха вызывали лишь временное прекращение подачи электричества и газа⁵¹.

Одним из наиболее известных коммунальных предприятий в Барселоне, коллективизированных рабочими, была телефонная сеть, которая принадлежала Национальной телефонной компании Испании – дочерней компании Международной телефонной и телеграфной корпорации (ИТТ). Бернетт Боллотен отмечает, что она «была

поставлена под контроль объединённого комитета НКТ-ВСТ, вследствие чего – по свидетельству анархо-синдикалистов, влияние которых в этом органе было преобладающим, – у руководства не осталось практически никакой иной функции, кроме учёта доходов и расходов, и оно не могло распоряжаться средствами без согласия комитета»⁵².

И конечно же, именно попытка полиции, находившейся под командованием сталинистов, захватить «Ла Телефонику» открыла собой Майские дни 1937 г. в Барселоне. После фактической капитуляции анархистов в конце Майских дней контроль над телефонной сетью в Барселоне и по всей Каталонии перешёл от рабочих к правительству.

Рабочий контроль в коммунальном хозяйстве Валенсии

Как и в Барселоне, в Валенсии имелся региональный союз НКТ, охватывавший водную, газовую или электрическую отрасли, который был создан в 1930 г., в конце диктатуры Примо де Риверы. После 19 июля он принял коммунальные предприятия Валенсии и близлежащих районов, важнейшими из которых были «Электра Валенсьяна», «Энерхия Электрика де Михарес», «Динамис», «Гас Леблон», «Агуас Потаблес» и «Гас Валенсия».

Правление союза было преобразовано в синдикальный совет. В его подчинении был создан ряд субсекретариатов, включая технико-производственный, технико-административный, профсоюзный, юридический, культуры и образования, занимавшихся различными сторонами деятельности коллектива.

НКТ в своём «Информационном бюллетене» отмечала: «Синдикальный совет является всем, после общего собрания, и имеет, в качестве делегированных административных органов отрасли, технико-административные советы для каждой из специальностей... Также были созданы комитеты на каждом предприятии, в каждом населённом пункте и на каждом объекте...»

Профсоюзная администрация валенсийского коммунального хозяйства, в течение года с лишним после коллективизации, удерживала цены на его услуги на том же уровне, что был до 19 июля. Это делалось несмотря на то, что производственные затраты значительно и в некоторых случаях резко повысились. Это в особенности относилось к углю, который был основным сырьём для газовых заводов, но также было верным в отношении транспортных расходов – и профсоюзная администрация жаловалась на то, что профсоюзы НКТ, контролировавшие перевозки в регионе, удвоили свои цены за первый год революции.

Некоторые предприятия коммунального хозяйства, очевидно, приносили существенную прибыль при рабочем управлении. Профсоюз пожертвовал значительную часть этой прибыли на организацию военно-медицинской службы и, кроме того, выделил 406 тысяч песет на отправку нескольких десятков грузовиков с продовольствием во время битвы за Мадрид⁵³.

Газовая секция коллектива во время войны приносила особенно большой доход. Часть её прибыли передали секции электричества, чтобы помочь ей расширить услуги на некоторые малонаселённые районы провинции.

Коллектив старался использовать технический персонал старых фирм. Так, глава контрольного комитета газовой секции настоял, вопреки оппозиции некоторых своих коллег, чтобы главного инженера оставили на своём посту. Однако позднее у главы контрольного комитета появились основания полагать, что главный инженер добавляет в газ примеси. Когда последний попытался сбежать, он был заключён в тюрьму – и после победы Франко полиция нового режима приняла его за бывшего главу контрольного комитета⁵⁴.

Деятельность НКТ в отрасли связи

В отличие от большинства других предприятий инфраструктуры в довоенной Испании, предприятия связи за пределами Каталонии по большей части контролировались правительством. Это существенно ограничивало возможность создания профсоюзных коллективов в данной отрасли. Участие НКТ сводилось, главным образом, к коллективным переговорам и лоббированию.

Это отразилось в решениях I Национального пленума синдикатов связи НКТ в январе 1937 г. Единственный отрывок главной резолюции этого пленума, имевший отношение к политике коллективизации, гласил: «Следует учредить Национальный совет связи, под председательством представителя правительства и с равным количеством членов от двух профсоюзных организаций, который в срочном порядке рассмотрит и предложит наиболее безотлагательные реформы в оказании услуг и организационном преобразовании корпораций, контролирующих общественные функции национальных коммуникаций. Также следует добиваться создания, с аналогичными задачами и составом, региональных и провинциальных советов связи».

Большинство остальных пунктов резолюции были посвящены коллективным договорам, а не организации рабочего контроля или администрации. Они предусматривали увеличение зарплаты для работников отрасли и расширение их прав на ведение переговоров с властями, контролировавшими различные предприятия данной отрасли⁵⁵.

Заключение

Значительная часть инфраструктуры испанской республиканской экономики, так же как и сельскохозяйственный и промышленный секторы, была коллективизирована профсоюзами, в особенности входившими в Национальную конфедерацию труда, после частичного подавления военного мятежа 18–19 июля 1936 г. Имеются многочисленные указания на то, что при рабочем контроле эти предприятия управлялись успешно, на них были введены различные улучшения и, конечно, были улучшены условия труда их работников.

20. Коллективизация текстильной промышленности

На начало Гражданской войны крупнейшей отраслью промышленности в лоялистской Испании было производство тканей и одежды. Оно в значительной степени было сконцентрировано в Каталонии, где за несколько лет до войны в этой отрасли было занято 56,5% промышленных рабочих¹, однако текстильные фабрики также имелись в Леванте и были рассеяны по другим частям Республики. Во время войны это была одна из наиболее коллективизированных частей экономики республиканской Испании.

Общие особенности довоенной текстильной промышленности

Текстильное производство средиземноморской Испании и особенно Каталонии имеет долгую историю, начавшуюся в Средние века. Однако современная промышленность зародилась в первые десятилетия XIX века. Эдуардо Комин Коломер отмечает, что уже в декабре 1836 г. в Барселоне была создана первая организация текстильщиков – Взаимная ассоциация рабочих хлопчатобумажной промышленности (Asociación Mutua de Obreros de la Industria Algodonera), и это событие он рассматривает как начало современного рабочего движения в Испании².

Промышленность, развивавшаяся в течение столетия, имела определённые особенности. Она росла под опекой правительства, ограждённая от иностранной конкуренции высокой стеной ввозных пошлин. Первые каталонские автономисты из Каталонской лиги, возникшей в начале XX века, сосредоточили свои усилия на защите текстильной промышленности региона. Как отмечает Вальтер Бернеккер, протекционистские тарифы, принятые под давлением каталонских производителей текстиля, «почти полностью зарезервировали испанский рынок для каталонской промышленности»³.

Однако, хотя испанская текстильная промышленность была относительно развитой, она далеко не соответствовала современным стандартам. Согласно Бернеккеру: «Из-за устаревшего оборудования и неэффективной организации менеджмента текстильная промышленность до Гражданской войны давала в основном продукцию невысокого качества; из-за использования самых разнообразных исходных материалов и чрезвычайной

распылённости производства разнообразности выпускаемых ею товаров множились до бесконечности. Неблагоприятная структура фирм в текстильной отрасли, приводившая к росту издержек производства, износ машин и технологическая отсталость делали испанский текстиль неконкурентоспособным на международном уровне...»⁴

Производство хлопковых тканей преобладало. Незадолго до Гражданской войны, согласно источникам, в Каталонии было 266 хлопкопрядильных предприятий и 632 хлопкоткацких, на которых, вместе взятых, было занято 115 000 рабочих. Производство шерстяных тканей включало в себя 133 прядильных и 175 ткацких фабрик, с общим числом 26 850 рабочих. Значительно меньшее число фабрик производило льняные, пеньковые, джутовые и шёлковые изделия. В общей сложности в каталонской текстильной промышленности было занято не менее 174 850 рабочих⁵.

Текстильная промышленность серьёзно пострадала от Великой депрессии. К концу 1935 г., как сообщалось, была закрыта четверть прядильных фабрик и треть ткацких⁶.

Ещё до Гражданской войны текстильщики имели сильную профсоюзную организацию, а через несколько месяцев после начала конфликта текстильный союз Барселоны НКТ указывал в своём отчёте, что в нём состоит 40 000 членов. В том же отчёте говорилось, что 70% текстильных рабочих Каталонии являются членами НКТ и 30% – членами ВСТ⁷.

Удивительно не то, что НКТ преобладала, а то, что ВСТ привлёк в свои ряды почти треть текстильных рабочих. Возможно, это объясняется тем фактом, что, согласно декрету каталонского правительства, принятому сразу после начала войны, все рабочие должны были входить либо в НКТ, либо в ВСТ; после издания этого декрета ранее неорганизованные служащие, как правило, вступали в ВСТ. В конкретном случае текстильной промышленности, этот же декрет заставлял профсоюзы, контролируемые Рабочей партией марксистского единства, присоединяться к ВСТ, и, по крайней мере на начало 1937 г., в союзах текстильных рабочих ВСТ сохранялось сильное влияние ПОУМ.

Общий характер коллективизации в текстильной промышленности

Вскоре после начала войны текстильная промышленность в Каталонии и по всей стране почти полностью оказалась в руках рабочих. Главной причиной этого было исчезновение подавляющего большинства собственников. Согласно данным Текстильного синдиката Барселоны НКТ, около 40% из них были «устранены с общественной сцены», а 50% бежали за границу или скрывались. Только 10% собственников «остались на своих фабриках в качестве обычных сотрудников»⁸.

Многие текстильные фирмы принадлежали иностранным компаниям. Их рабочие колебались по поводу того, следует ли объявлять эти предприятия «конфискованными» и «коллективизированными». Однако даже в таких случаях, как мы увидим в одном из нижеприведённых примеров, рабочие иногда брали предприятия в свои руки.

Одним из главных исключений в процессе всеобщей коллективизации являлись три текстильных фабрики в приграничном каталонском городе Пучсерда́ в Пиренеях. Их рабочие решили установить на них свой контроль, но оставили фабрики в собственности прежних владельцев. Бернеккер объясняет это тем фактом, что местные рабочие входили в ВСТ и находились под контролем ОСПК, которая крайне враждебно относилась к коллективизации⁹.

Основные проблемы текстильной промышленности

Текстильная отрасль, независимо от возможных последствий её перехода в собственность рабочих, особенно сильно страдала от проблем, связанных с военной обстановкой. Как мы видели, текстильные фабрики Каталонии и Леванта выпускали продукцию для всей Испании. Но в самом начале войны они потеряли почти половину своего рынка, которая оказалась во власти Франко. Эта ситуация ухудшалась по мере того, как силы мятежников захватывали новые территории.

Результатом всего этого стало то, что значительная часть продукции текстильных фирм отправлялась на хранение, а не на продажу. Один из первых примеров такого рода был отмечен на крупной фабрике «Эспанья Индустриаль» в Барселоне, где, согласно отчёту административного комитета общему собранию от 25 октября 1936 г., с 8 августа по 24 октября количество материи на складах увеличилось с 48 213 до 50 321 рулона¹⁰.

В некоторых случаях вопросы сбыта отчасти решались за счёт заказов министерства обороны. Однако в гражданском секторе сокращение рынка оставалось серьёзной проблемой до конца войны.

Совершенно иную проблему представлял собой недостаток сырья. Большая часть хлопка, используемого испанской текстильной промышленностью, традиционно поставлялась из Соединённых Штатов, и ещё некоторое количество – из Индии и Египта¹¹. Но с началом войны импорт хлопка начал становиться всё более трудным, в первую очередь из-за усиливающейся блокады, осуществляемой мятежным флотом при поддержке итальянских и германских кораблей.

Помимо этого, особенно на начальных этапах войны, ситуация осложнялась борьбой между центральным правительством и правительством Каталонии за контроль над иностранной валютой. В частности, министр финансов Хуан Негрин упорно отказывался предоставить иностранную валюту для Каталонии, и хотя, пока министром промышленности оставался сэнэтист Хуан Пейро, ему удавалось выбивать кредиты для каталонской текстильной промышленности, недостаток финансирования всё больше осложнял работу рабочих коллективов в этой отрасли, особенно в той её части, которая работала на гражданский рынок. Эта проблема ещё больше обострялась, по мере военных поражений Республики, падением курса республиканской песеты на международных фондовых биржах¹².

Также возникали значительные трудности с получением других видов сырья. Хотя шерсть, используемая текстильной промышленностью, была отечественной, значительная часть регионов Андалусии, Эстремадуры и Кастилии, где овцеводство было наиболее развито, вскоре попала в руки Франко¹³. Привычные источники угля также оказались отрезаны из-за войны. Таким образом, одной из главных задач рабочих коллективов в текстильной промышленности стало изыскание новых видов и источников сырья и других производственных материалов. В ряде случаев, как мы увидим на примере текстильных коллективов Бадалоны, рабочим удалось добиться определённого успеха.

Наконец, нужно отметить, что война создавала и непосредственные угрозы. Уже с 1937 г. Барселона и её окрестности стали подвергаться массированным бомбардировкам. Иногда бомбы падали на текстильные фабрики, иногда – нарушали подачу электричества на них.

Сокращение рынков сбыта и перекрытие каналов снабжения, наложившись друг на друга, создали в коллективизированной текстильной промышленности несколько неестественную для военного времени ситуацию, когда происходило снижение производства и значительное увеличение безработицы. Бернеккер приводит цифры, показывающие, что производство шерстяных тканей к концу 1936 г. составляло 65,3% от уровня января 1936 г., к июлю 1937 г. – 47,92% и к концу 1937 г. – 53,71%. Общая продукция текстильной промышленности Каталонии за 1937 г. снизилась больше чем наполовину¹⁴.

По мере того как падало производство, всё более значительное число текстильных рабочих становились безработными. Но во многих случаях они продолжали приходить на свои фабрики и получать зарплату. Конечно, это существенно увеличивало производственные затраты.

Однако в некотором смысле продолжающееся сокращение территории, находящейся под контролем Республики, как ни странно, смягчало последствия спада в текстильной промышленности, насколько это касалось экономики в целом и потребительских нужд. Этот эффект отмечал лидер коллектива фабрики «Эспанья Индустриаль» в Барселоне, когда он говорил Виктору Альбе: «...На самом деле, на рынке никогда не ощущалось нехватки текстильной продукции. Возможно, уже не было прежнего разнообразия или изобилия, но если кто-то хотел сшить костюм или платье, он всегда мог найти ткань для него»¹⁵.

Проблемы коллективизации в текстильной промышленности

Наряду с трудностями, которые вызывала в текстильной промышленности военная ситуация, существовали проблемы, связанные с коллективизацией отрасли. Безусловно, главной из них был недостаток координации в региональном или даже городском масштабе. Хотя барселонский Текстильный синдикат создал комитет, которому полагалось распределять сырьё, размещать заказы на товары исходя из производственной мощности предприятий, трудоустраивать рабочих и координировать финансирование, чтобы прибыль успешных предприятий можно было использовать для помощи менее обеспеченным¹⁶, есть

много указаний на то, что этот орган был очень далёк от выполнения поставленных перед ним задач.

Отмечалась тенденция, когда у рабочих коллективизированных предприятий развивался своего рода «фабричный патриотизм». Коллективы, особенно те, что были более удачливыми и/или богатыми, не только боролись с противниками коллективизации (что было ожидаемо), но и нередко сопротивлялись попыткам своих коллег, работавших в других коллективах, получить помощь в виде сырья, финансов и прочего, тем самым показывая, что им не хватает той солидарности, которой обычно гордились анархисты¹⁷.

Хуан Андраде, второй по важности лидер ПОУМ во время Гражданской войны, который в целом сочувствовал коллективам, описывал эту ситуацию:

«Многие коллективы фактически превратились в частные предприятия рабочих. Так как они не были вовлечены в общий экономический процесс, это был естественный исход. Они функционируют сами по себе и на свой собственный риск, и в большинстве случаев лишены связи с другими коллективизированными фабриками или мастерскими той же отрасли. Именно по этой причине среди самих рабочих возникли различные категории, которые существуют исключительно на резервные фонды, которые принадлежали владельцам коллективизированных фирмы, или благодаря большей или меньшей востребованности их изделий во время войны. В качестве примера мы можем отметить текстильную промышленность.

С началом революции рабочие приступили к коллективизации фабрик. Внутренняя экономическая ситуация на них весьма различалась, как характерно при капитализме. Владельцы некоторых из них имели внушительные счета в банках, над которыми рабочие естественным образом установили свой контроль. Некоторые, когда революция началась, имели больше сырья, чем другие, и больше товаров на своих складах. То же самое можно сказать и в отношении техники, поскольку на одних фабриках она сильно устарела, а на других была вполне современной и высокопроизводительной. Но все они одинаково были коллективизированы соответствующими рабочими организациями...

По этим обстоятельствам, в текстильной промышленности существуют, в самый разгар революции, большие различия в уровне жизни между различными группами рабочих, в зависимости от экономического положения их бывших хозяев... Постоянным явлением в этой системе коллективизации будут раздражающее неравенство и новые категории рабочих. Фактически создаётся новая модель частной собственности, которая принадлежит социальным группам, а не отдельным лицам»¹⁸.

НКТ и ВСТ, начиная с февраля 1937 г., прилагали большие усилия, чтобы наладить координацию отрасли в Каталонии. Однако, как мы увидим далее, эти попытки оказались безрезультатными.

В ряде случаев была достигнута координация текстильной промышленности на городском уровне. Как представляется, особенно успешной она была в Бадалоне и Алькое.

С проблемой координации была связана проблема финансов. Если бы существовала действительная координация работы текстильных коллективов, можно было бы общими усилиями улучшить положение финансово слабых предприятий данной отрасли. Однако, в её отсутствие, довольно многие коллективы, испытывавшие нехватку денежных средств, были вынуждены обращаться за помощью к правительству Каталонии. Хенералидад, особенно на первых порах, довольно охотно предоставлял подобную помощь. Однако, хотя это и приносило краткосрочную выгоду, это в длительной перспективе создавало трудности для коллективов. Это давало Хенералидаду, особенно после того, как он подпал под контроль сталинистской ОСПК, возможность использовать финансовые рычаги для подрыва коллективов.

Во многих отдельно взятых текстильных коллективах имелись также внутренние проблемы. Одной из них была оппозиция квалифицированного технического и управленческого персонала, продолжавшего свою работу, той «уравниловке», за которую выступали общие собрания.

Конечно же, были случаи, когда подобного рода разногласия приобретали политическую окраску. Сталинисты, которые стремились сделать своей опорой средний класс в Каталонии и во всей Испании, не замедлили встать на защиту тех, кто был недоволен эгалитаризмом анархических рабочих.

Также стоял вопрос дисциплины труда. Находились рабочие, которые считали, что рабочий контроль даёт им право расслабиться, если не хуже. Однако источники не говорят о том, что это было большой проблемой в текстильных коллективах, особенно на начальных этапах войны, когда общая мораль рабочих была высока.

Примеры текстильных коллективов в Барселоне

Не существует данных, на основании которых можно было бы проанализировать работу текстильных коллективов по каждому предприятию. И даже если бы они существовали, подобное исследование не соответствовало бы замыслу книги. Однако у нас имеется более или менее подробная информация по ограниченному числу фабрик, конфискованных рабочими. Вероятно, их обзор логичнее всего начать с Барселоны, крупнейшего центра текстильной промышленности. Три фабрики, которые мы рассмотрим, входили в число крупнейших в стране, остальные были более скромными по своему размеру и значению.

Компания «Илатурас Фабра и Коутс», занимавшаяся производством хлопчатобумажной пряжи, имела четыре фабрики в Каталонии: две в Барселоне, одну в Бадалоне и ещё одну в Торельё. Крупнейшая из них, находившаяся в баррио Сан-Андрес-де-Паломар в Барселоне, насчитывала 2 000 рабочих обоих полов. Компания была основана в 1905 г. каталонским семейством Фабра, главными фигурами которого были маркиз Алелья и маркиз Масноу, но позднее объединилась с филиалом британской фирмы «Коутс», и к началу Гражданской войны 70% акций принадлежало британцам. Её фабрики имели современное оборудование и

технологии и придерживались относительно прогрессивной социальной политики, предоставив своим рабочим ясли, определённое медицинское обслуживание и пенсии для тех, кто проработал 45 лет.

Поскольку это была по большей части британская фирма, рабочие не стали сразу её коллективизировать. По предложению руководства, они избрали контрольный комитет и стали сотрудничать с управленцами. Однако через несколько недель большинство служащих-британцев вернулись на свою родину.

Первые три месяца работа контрольного комитета в основном сводилась к рассмотрению жалоб. Тем не менее ему удалось провести одно значительное изменение в условиях труда – отменить сдельную работу, чего давно добивалась НКТ. Обсуждая этот вопрос с руководством, контрольный комитет признал, что отмена сдельщины, вероятно, приведёт к снижению объёма продукции, и они договорились, что приемлемым будет 25-процентное снижение. Но к концу первой недели продукция упала на 40%. Тогда контрольный комитет созвал общее собрание рабочих четырёх фабрик и объяснил им ситуацию, настаивая, что ради революции необходимо увеличить производство. В результате, как много лет спустя писал Андрес Капдевила, в то время игравший главную роль в контрольном комитете, «за две недели нам удалось пробудить у наших товарищей по работе чувство ответственности, без какого-либо принуждения или применения санкций, и стабилизировать производство на нормальном уровне, который был нами установлен».

По окончании трёх месяцев фирма столкнулась с финансовым кризисом. Продажи, которые перед войной составляли в среднем 4 миллиона песет в месяц, упали до 2,5 миллионов из-за потери рынков на территориях, захваченных Франко. Как следствие, руководство предложило сократить рабочее время до трёх дней в неделю, с соответствующим понижением зарплаты, от чего контрольный комитет «категорически отказался».

По просьбе контрольного комитета руководство филиала устроило в Марселе встречу представителей британской фирмы с делегацией рабочих. На ней контрольный комитет представил четыре возможных решения:

“ «Первое: рабочие четырёх фабрик... будут работать три дня и получать плату за целую неделю. Второе: они работают полную неделю, и излишек продукции будет складироваться. Третье: они будут работать всю неделю, и излишек будет отправляться в Британию. Четвёртое: компания примет любое из трёх предыдущих предложений, чтобы обеспечить рабочим полную недельную плату, пока в Испании сохраняются ненормальные условия».

Представители фирмы «Коутс» отклонили все предложения рабочих. Много лет спустя Капдевила спросил одного из директоров «Коутс», почему они заняли такую позицию, которая стала непосредственной причиной коллективизации фабрик, и тот ответил:

«Руководство компании “Коутс” признавало обоснованность предложений, представленных на его рассмотрение контрольным комитетом. Но, в свете революционных событий в Испании, оно считало, что это представляет собой не просто спор между рабочими и компанией, а вопрос жизни и смерти мирового капитализма. Компания, которая, таким образом, присоединилась к соглашению, заключённому крупнейшими монополиями всех стран, чтобы вызвать поражение Испанской революции, была верной политике бойкота “красной зоны” и безусловной поддержки Франко, олицетворявшего собой непрерывность капиталистического строя».

Когда делегация рабочих вернулась в Барселону, контрольному комитету пришлось выбирать, уступить руководству или провести коллективизацию «Фабра и Коутс». Он выбрал последнее и созвал общее собрание рабочих четырёх фабрик, на котором решение о коллективизации предприятия было одобрено практически единогласно.

Андрес Капдевила подытожил результаты коллективизации следующим образом:

“ «Контрольный комитет, обладая достаточной свободой действий, прекратил выплату дивидендов, покончил с ненужной работой и, используя эффективные методы, быстро восстановил финансовое положение предприятия, обеспечив тем самым недельную зарплату рабочих. Была организована библиотека с выдачей на дом, издавалось “Ежемесячное обозрение”, были организованы курсы по грамматике, арифметике, геометрии; одним словом, социальная и культурная организация, которую мы давали фабрикам предприятия, приносила превосходные результаты, и каждый день мы становились немного ближе к осуществлению наших заветных идеалов. Следует отметить, что, несмотря на нехватку сырья и электричества в последние месяцы нашего сопротивления фашизму, зарплата рабочих всегда была гарантирована»¹⁹.

Другим крупным текстильным предприятием Барселоны и Каталонии была «Эспанья Индустиаль». Это была прядильная и ткацкая фабрика с 2 000 рабочих, 1 500 из которых были женщинами²⁰.

После окончания боёв в Барселоне «управляющие и значительная часть административного персонала не подавали признаков жизни». Сэнэтисты, работавшие на фабрике, созвали общее собрание рабочих, на котором присутствовали практически все. На этом собрании было решено коллективизировать фабрику и избрать комитет из 12 человек, включая рабочих, техников и административный персонал, для управления ею²¹.

Комитет предприятия управлял фабрикой «Эспанья Индустиаль» до захвата Каталонии войсками Франко в начале 1939 г. После принятия каталонским правительством декрета о коллективизации на фабрику также был назначен делегат-инспектор, представлявший каталонский Совет экономики, который в данном случае оказался членом НКТ. Хотя по декрету он имел право получать самую высокую для данной фирмы зарплату, делегат-инспектор отказался от него и получал столько же, сколько и до войны. Так же поступили и

члены комитета предприятия. Кроме того, лишь четверо из двенадцати членов комитета предприятия проводили в нём всё своё рабочее время, остальные продолжали выполнять свою обычную работу и только после её окончания занимались делами комитета²².

В каждом подразделении предприятия был свой заведующий, который избирался рабочими данного подразделения²³. Кроме того, в трёх случаях, когда необходимо было заменить одного из членов комитета предприятия, выборы проводились на общем собрании всех работников предприятия²⁴.

Бывший член комитета предприятия, у которого спустя 40 лет брал интервью Виктор Альба, так отвечал на вопрос о практике избрания руководителей и заведующих:

“ «Товарищи сознавали свою ответственность за жизнь, которую они делили с теми, кто их избрал, сознавали, что должны отвечать за свои действия перед теми, кто их избрал. Если бы глава подразделения назначался комитетом предприятия, то у него не было бы достаточного авторитета. Но он избирался своими товарищами, и этим фактом избрания они обязывались уважать его решения и поддерживать его»²⁵.

Этот человек утверждал, что выборы управленческих кадров самими рабочими не вызывали каких-либо проблем в области дисциплины труда:

“ «Избранные люди могли поддерживать дисциплину, организовывать работу и т.д. лучше, чем когда они назначались сверху. Людей, особенно рабочих, могут заставить действовать либо принуждение – даже если оно сводится лишь к необходимости зарабатывать на жизнь, – либо стимулы, которые можно назвать духовными. Мы считаем, что эти последние стимулы побуждают человека работать и соблюдать дисциплину больше, чем страх, принуждение. Факты доказали нашу правоту»²⁶.

Хотя и в ограниченной мере, на «Эспанья Индустриаль» применялись эгалитарные принципы анархистов. Это видно уже из того, что выборные руководители продолжали получать ту зарплату, которую они получали, работая в цеху или офисе. Это также отразилось в решениях общего собрания рабочих, которое отменило рождественские премии, прежде выдававшиеся директорам и техникам, и в стремлении снизить наиболее высокие оклады управленческого и технического персонала. Но, как отмечал бывший член комитета предприятия:

“ «Очень высокие зарплаты, выдававшиеся некоторым, были уменьшены, хотя было сильное сопротивление и, чтобы успокоить их, поскольку мы нуждались в них, уменьшение составило только 20%»²⁷.

Любопытно, однако, что анархический эгалитаризм не распространялся на различия в заработной плате между рабочими и работницами. Интервьюируемый Виктором Альбой

говорил, что «неравенство в зарплате между мужчинами и женщинами сохранялось. Некоторые из женщин просили уравнивать зарплату, но ничего не смогли сделать, несмотря на то, что на собрании у них было большинство». Он приводит несколько неуклюжее оправдание, что «это зависело от Совета экономики и от НКТ. Это должна была быть общая мера, а не решение отдельного предприятия»²⁸.

Техники и бывшие начальники, очевидно, создавали некоторые трудности для рабочих, избранных на руководящие посты. Интервьюируемый Виктором Альбой отмечал:

“ «Хотя управляющий бежал, все специалисты остались, включая начальников. У нас не было необходимости заменять кого-либо из них, так как комитет предприятия занял место управляющего. Единственное, и это очень важно, техники были лишены права отдавать распоряжения персоналу и сохранили только свои технические функции»²⁹. Этот член комитета предприятия признавал, что техники и начальники «не были удовлетворены. Я думаю, что больше всего их возмущала утрата их привилегий, не только экономических... но и управленческих. Им нравилось командовать, и они не простили нас за то, что мы им этого не позволяли. Но они понимали, что ничего не могут сделать, что они не могут изменить положение вещей, и они приспособились».

Тем не менее они с помощью разных мелочей выражали своё недовольство. «Например, комитет вызывал одного из них, и он опаздывал, или его приходилось вызывать несколько раз. Или он терял бумаги и находил их тогда, когда в них больше не было надобности. Всё это ребячество не доходило до саботажа, но показывало нам их раздражение»³⁰.

Коллектив «Эспанья Индустриаль» сталкивался и с общими проблемами, вызванными войной. Он испытывал нехватку хлопка, красителей (ранее получавшихся из Германии), астурийского угля (что порой заставляло использовать вместо него дрова)³¹. Нехватка была особенно острой в производстве гражданской продукции. При выполнении заказов министерства обороны оно обычно предоставляло необходимое сырьё³².

Однако, как говорил Виктору Альбе бывший член комитета предприятия: «В итоге, какое-то сырьё удавалось достать из-за границы, какое-то заменили отечественным, было налажено изготовление красителей, использовался уголь с шахт республиканской зоны. Можно сказать, что за три года войны ни один рабочий не остался без зарплаты»³³.

И всё же бывали времена, когда из-за нехватки сырья фактически приходилось закрывать фабрику. В некоторых случаях текстильная организация НКТ договаривалась с министерством обороны об отправке рабочих, физически пригодных к этому, на строительство укреплений и бомбоубежищ в близлежащих районах³⁴.

Условия труда на фабрике были улучшены коллективом. Рабочие сами построили новые душевые, туалеты, гардеробные. Рабочим старше 65 лет позволили выйти на пенсию³⁵.

Однако уже цитировавшийся член комитета предприятия признавал:

«Нехватка сырья привела к тому, что прибыли не было, и уровень жизни рабочих не слишком улучшился в материальном смысле, хотя улучшился в моральном, потому что к ним было хорошее отношение, их предложения учитывались при организации работы и предприятие предоставляло им культурные материалы»³⁶.

Третьим крупным текстильным предприятием Барселоны была ткацкая «Фабрика де Техидос Касакуберта». «Рабочая солидарность», ежедневная барселонская газета НКТ, сообщала о её посещении мексиканским послом в начале 1938 г. Предприятие состояло из пяти отдельных производственных единиц с общим числом 2 000 рабочих, самая большая из них имела 600 рабочих. Во время визита эта единица работала в три смены, и послу сообщили, что она производит значительно больше продукции, чем перед войной.

Коллектив «Касакуберта» создал свою школу с двумя учителями. При школе действовала абонементная библиотека с 700 книгами, в которой было записано 300 рабочих.

Мексиканский посол посетил также «Тальерес Конфедералес де Састерия» – предприятие, созданное НКТ после начала войны и производившее одежду, главным образом для вооружённых сил. На нём было 950 рабочих, которые работали 44 часа в неделю. В начале 1938 г. оно выпускало около 2 000 единиц продукции в день, хотя его мощность была рассчитана на 4 000³⁷.

Наконец, мы можем отметить опыт коллективизации на гораздо меньшем предприятии в Барселоне. Это была небольшая фабрика, где трудилось около 50–60 рабочих. После 19 июля она была коллективизирована, хотя её собственник не бежал и не скрывался. Избранный рабочими административный совет попросил бывшего владельца стать председателем совета, и он оставался на этой должности до окончания войны в Каталонии. Почти 25 лет спустя сын этого собственника вспоминал опыт коллективизации как более или менее благоприятный. Насколько распространена была практика, когда рабочие предлагали бывшему собственнику возглавить управление коллективизированным предприятием – или, по крайней мере, участвовать в нём, – остаётся неизвестным. Однако следует предположить, что это был не единичный случай, особенно на мелких предприятиях, где отношения между владельцем и рабочими до войны были более или менее дружественными.

Коллективизация текстильной промышленности в Бадалоне

Подход к коллективизации текстильной отрасли в Бадалоне, городе к северу от Барселоны, был иным, чем в каталонской столице. Рабочие каждого отдельного взятого предприятия здесь действовали не по своему усмотрению, весь процесс проходил под руководством местного синдиката текстильщиков НКТ и более или менее контролировался им. В течение всей войны сохранялась сравнительно высокая степень координации коллективизированных текстильных фабрик города.

В Бадалоне к началу Гражданской войны было 37 текстильных предприятий, на которых было занято около 8 000 рабочих. Около половины из них входило в НКТ. Вскоре после начала войны был также сформирован профсоюз ВСТ. Однако в течение всего конфликта организация НКТ имела значительный перевес, её конкурент никогда не собирал больше 1 500–1 600 рабочих в своих рядах³⁸.

В профсоюз ВСТ вошли рабочие, которые ранее были членами НКТ, но состояли в одной из партий, сформировавших Объединённую социалистическую партию Каталонии через несколько дней после начала войны. Тем не менее в профсоюзе НКТ оставались, и иногда занимали руководящие должности, многие другие рабочие, которые принадлежали к каталонскому отделению Социалистической партии либо являлись членами Рабочей партии марксистского единства³⁹.

19 июля в Бадалоне практически не было борьбы. Сэнэтисты немедленно заняли муниципалитет и приняли участие в успешной атаке на казармы, располагавшиеся в нескольких милях от города. Полиция даже не появлялась на улицах. По причине всеобщей стачки были закрыты даже те заведения, которые обычно работали по воскресеньям⁴⁰.

22 июля профсоюз (Синдикат фабричных, текстильных, швейных и смежных производств Бадалоны и её окрестностей) издал обращение, подписанное его председателем Рамоном Мартинесом Гонсалесом и секретарём Хосе Костой Фонтом, призывая текстильщиков вернуться к работе. Также было объявлено, что вскоре состоится общее собрание профсоюза⁴¹.

Профсоюзные лидеры незамедлительно провели в здании городского совета собрание, на которые были приглашён весь технический и административный персонал отрасли. Большинство заинтересованных лиц присутствовали на этом собрании. Профсоюзные руководители сообщили им, что рабочие в настоящее время берут под свой контроль промышленность города. Техников и прежних администраторов призвали вернуться к исполнению своих обязанностей, заверив их, что к ним будут относиться по-товарищески и что они получают возможность продолжать работу, но под наблюдением представителей, избранных рабочими. Им дали 24 часа на размышления, и большинство из них вернулись к работе на следующий день⁴².

Через неделю после возобновления работы центральная хунта профсоюза выпустила другое обращение, призывая рабочих всех текстильных фабрик города избрать контрольные комитеты. Воспринимая захват фабрик лишь как временную меру на период войны, которая, как им казалось, продлится недолго, профсоюз вначале не планировал организовывать систему рабочего контроля на постоянной основе. Только в конце декабря, через два месяца после выхода каталонского декрета о коллективизации, профсоюз решил, что рабочие должны официально вступить во владение предприятиями. Контрольные комитеты, в соответствии с декретом, были переименованы в советы предприятий⁴³.

Было сделано три исключения из этой всеобщей коллективизации. Двумя из них были иностранные предприятия, которые остались «под контролем синдиката». Третьим была фирма, в которой большинство рабочих принадлежало к ВСТ и решило сохранить

контрольный комитет, вместо того чтобы проводить коллективизацию⁴⁴.

Позднее текстильный профсоюз НКТ предложил полностью консолидировать текстильные фабрики в Бадалоне, фактически сделав их единым самоуправляемым предприятием. Однако они не довели этот план до завершения из-за сильной оппозиции городского профсоюза ВСТ, очевидно следовавшего указаниям сталинистов из ОСПК⁴⁵.

Обязанности контрольных комитетов были изложены в обращении, которое призывало к их выборам и было датировано 29 июля 1936 г. Предполагалось, что они будут следить за всеми операциями предприятия, за его материальными, коммерческими, финансовыми и налоговыми обязательствами и докладывать о них профсоюзу. Помимо этого, контрольные комитеты должны были еженедельно составлять для профсоюза отчёты о деятельности предприятия.

В обращении говорилось:

“ «Когда эти инструкции будут выполнены и первый этап завершится, контрольные комитеты будут осуществлять технические и административные функции, возложенные на них, и, совместно с администрацией, будут организовывать и направлять работу, решая, какие производственные процессы являются наиболее подходящими для коллектива в данное время».

Это же обращение предусматривало создание на каждом предприятии двух других выборных органов: фабричного комитета и делегата по взносам. Фабричные комитеты соответствовали профсоюзным комитетам по жалобам, существовавшим до 19 июля, и их задачи остались прежними, за исключением того, что они теперь должны были «поддерживать порядок на фабриках, следя за тем, чтобы все рабочие выполняли свои обязанности». Член фабричного комитета должен был присутствовать на заседаниях контрольного комитета. Делегаты по взносам должны были собирать профсоюзные взносы со всех рабочих предприятия⁴⁶.

Одними из первых мер профсоюза были отмена сдельной работы и введение 40-часовой рабочей недели. Вскоре, из-за нехватки сырья и других трудностей, произошло дальнейшее сокращение рабочей недели до 32 часов⁴⁷.

Профсоюз также учредил Совет по контролю и экономике промышленности текстиля и производных продуктов (Consejo de Control y Economía de la Industria Textil y Derivados). Обращение от 29 июля гласило, что этот совет, «в соответствии с общей линией, обозначенной синдикатом... будет наделён всеми полномочиями по организации контроля на текстильных предприятиях зоны, обеспечивая наилучшие возможные условия, и возьмёт на себя задачу координации различных контрольных органов всех фабрик и мастерских. Этот совет будет консультироваться с контрольным комитетом каждого предприятия и обеспечивать его всеми предметами, которые потребуются»⁴⁸.

Коста Фонт и Мартинес Гонсалес так описывали роль Совета по контролю и экономике: «Наряду с работой по выяснению условий, в которых мы работали, его основной задачей была ориентация... с целью осуществления более или менее конкретной программы, которая заключалась в поддержании промышленного производства, соответствующего нуждам войны, и удовлетворении, насколько было возможно, растущего спроса на текстильную продукцию»⁴⁹.

Одной из функций совета было перераспределение финансовых ресурсов от тех предприятий, что были относительно прибыльными, к тем, что находились в убытке. Прибыль предприятий перечислялась на счёт совета в местном банке и затем распределялась им так, как требовалось⁵⁰. Кроме того, совет «заключал контракты с Министерством национальной обороны и проводил политику коммерческого обмена и бартера... сплачивая профсоюзные ряды и укрепляя дух солидарности среди рабочих»⁵¹.

Сразу же после 19 июля НКТ распорядилась заморозить все банковские счета в Бадалоне, чтобы предотвратить утечку капитала. Они договорились с Синдикатом банковских работников о проведении этой меры⁵². Насколько это касалось текстильной отрасли, Совет по контролю и экономике был уполномочен следить за тем, чтобы контрольные комитеты предприятий снимали со своих счетов ровно столько, сколько было необходимо для деловых расходов⁵³.

Профсоюзный Совет по контролю и экономике занялся реорганизацией текстильной промышленности в Бадалоне. Она проводилась на основе обзоров, подготовленных по просьбе профсоюза контрольными комитетами всех предприятий. Коста Фонт и Мартинес Гонсалес пишут:

“ «В наших руках была полная статистика, в том числе по квалифицированным рабочим и техникам, машинам, потребностям в смазке, электроэнергии, сырью, красителям, экономическому положению от предприятия к предприятию, а также возможностям сбыта и спросу на продукты. Это была поразительная работа, которая вдохнула энтузиазм в тех, кто её выполнял... которая расширила наши перспективы, дав возможность узнать, какие моря нам предстоит переплыть»⁵⁴.

Совет по контролю и экономике стремился сделать текстильную промышленность в Бадалоне более эффективной. Он закрыл некоторые небольшие и относительно малопродуктивные фабрики и перевёл их оборудование, техников и некоторых рабочих на более эффективные предприятия. Те рабочие закрытых фабрик, для которых не нашлось места, получили работу в других отраслях местной экономики. Коста Фонт и Мартинес Гонсалес утверждают:

“ «Безработица вскоре была полностью ликвидирована, по крайней мере в текстильной промышленности. Мы имели немного, но распределяли это немного по справедливости»⁵⁵.

У швейной промышленности, которая также входила в сферу деятельности текстильного синдиката, вскоре возникли специфические трудности. Она была организована на базе мелких кустарных мастерских и особенно страдала от нехватки сырья. Совет по контролю и экономике организовал этих кустарей в кооператив, приспособив для этой цели фабрику, закрытую до войны. Кооператив финансировался профсоюзом, и Совет по контролю и экономике обеспечивал его производственными материалами⁵⁶.

Совет также стремился преодолеть недостаток сырья по отрасли в целом. Одним из частных решений было заключение контрактов с министерством обороны на поставку обмундирования и других изделий, необходимых вооружённым силам; министерство при этом обязывалось предоставлять сырьё, необходимое для выполнения контрактов⁵⁷. Профсоюз, кроме того, провёл много экспериментов с заменителями сырья, и хотя для массового производства их было недостаточно, они отчасти заменяли импортные материалы, получение которых было затруднено.

Коста Фонт и Мартинес Гонсалес приводят следующий пример:

“ «Эксперимент заключался в переработке конопли из Аликанте, всегда имевшей высокое качество, в волокна, которые затем отбеливались и использовались для прядения и тканья на тех же самых машинах вместо хлопка. Из этих нитей создавались основа и уток; было соткано несколько метров, и полученная материя была подвергнута испытаниям на прочность и качество, которые показали, что она полностью подходит для обычной одежды, хотя и даёт усадку немного больше, чем сделанная из хлопка»⁵⁸.

По согласованию с текстильными союзами НКТ и ВСТ Бадалоны, совет 2 ноября 1936 г. ввёл новую систему ставок для текстильных рабочих города и его окрестностей, с равной оплатой труда для мужчин и женщин. Этот же документ устанавливал, что работницы должны получать два месяца отпуска до и после рождения ребёнка, с оплатой в размере 75% их обычной зарплаты, и что, пока они кормят своего ребёнка грудью, им полагается два полчасовых перерыва в день⁵⁹.

22 апреля 1937 г. текстильный профсоюз НКТ внёс дальнейшие изменения в систему ставок для местных рабочих данной отрасли. Хотя профсоюз ВСТ был недоволен этим, он не пытался препятствовать⁶⁰.

Совет по контролю и экономике также создал собственную систему социальной защиты для текстильщиков Бадалоны. Прежде всего, уволенным рабочим было разрешено вернуться на свои фабрики, где, если они желали, они могли получить работу в соответствии со своими способностями. В любом случае, они должны были получать ту же зарплату, что была у них до увольнения. Ранее они вообще не получали никаких выплат⁶¹.

Также было установлено, что семьи текстильных рабочих, которые вступили в милицию и ушли на фронт, должны получать ту же зарплату, какую получали бы милиционеры, если бы они продолжали работать на предприятии. В милицию после 19 июля записалось около 500 текстильщиков из Бадалоны во главе с председателем профсоюза Рамоном Мартинесом

Гонсалесом, который впоследствии вернулся⁶². Совет обложил военным налогом богатые предприятия, находившиеся под его контролем; на полученные средства у местных розничных торговцев приобретали текстильные изделия, не находившие сбыта, и отправляли их членам профсоюза на фронт⁶³. Однако, когда с течением войны милиция стала превращаться в более или менее регулярную армию, текстильщики Бадалоны больше не могли поддерживать такого рода прямые контакты со своими товарищами на фронте⁶⁴.

Одним из достижений коллективизации, которым текстильные рабочие Бадалоны гордились больше всего, была система здравоохранения, созданная Советом по контролю и экономике профсоюза НКТ. Когда она была организована, профсоюзу ВСТ предложили участвовать в ней, и был создан объединённый комитет по здравоохранению НКТ-ВСТ⁶⁵.

В основе системы лежали договоры, заключённые между текстильным союзом НКТ Бадалоны и двумя секциями, врачей и фармацевтов, союза работников здравоохранения НКТ того же города. Под началом центральной хунты текстильного профсоюза была создана специальная комиссия, занимавшаяся вопросами здравоохранения. Каждый рабочий получал идентификационную карточку, которую он или она предъявляли вместе с профсоюзным билетом, чтобы получить необходимое медицинское обслуживание⁶⁶.

Ядром системы были две крупных поликлиники, расположенных в Бадалоне. Рабочие могли посещать любую из них по своему желанию⁶⁷.

Услуги здравоохранения были бесплатными как для рабочих, так и для их семей. Кроме того, рабочие, которые были прикованы к постели, получали, вдобавок к расходам на лечение, свою полную зарплату в течение первого месяца госпитализации, 75% в следующие три месяца и 50% в дальнейшем. Инструкции стремились не допустить того, чтобы рабочие злоупотребляли этой системой⁶⁸.

Система здравоохранения финансировалась из двух источников: во-первых, средства выделялись каждым текстильным предприятием, во-вторых, на неё перечислялась часть профсоюзных взносов⁶⁹.

Другие примеры коллективизации в текстильной отрасли

Во многих населённых пунктах, помимо Барселоны и Бадалоны, существовали коллективы текстильной и швейной промышленности, и наблюдалось большое разнообразие в методах их организации и работы.

Одним из крупнейших коллективов НКТ был коллектив швейников Валенсии. Он был создан сразу после начала войны, когда на одном предприятии были объединены оборудование и 3 тысячи или около того рабочих – 80% из них были женщинами – многочисленных мелких мастерских. Коллективу удалось приобрести электрические швейные машинки, которые тогда были новшеством в швейном производстве Валенсии, где по большей части

использовались ножные машинки. Он производил одежду как для вооружённых сил, так и для гражданских лиц.

У Валенсийского швейного коллектива был свой кооператив, где размещались товары, полученные в результате обмена с другими промышленными коллективами и с сельскохозяйственными коллективами. Продукты из кооперативного магазина предоставляли всем членам коллектива в соответствии с их потребностями, то есть пропорционально количеству членов в их семье. Также выдавалась зарплата, и у рабочего был выбор, получать свой заработок деньгами, натурой или в комбинации. Профсоюз активно занимался организацией курсов и других мероприятий для членов коллектива⁷⁰.

Большая часть текстильных предприятий Леванта находилась в провинции Аликанте. Энрике Марко Надаль писал: «Во время существования милиции они чередовали производство товаров для гражданского населения и голубой ткани, из которой работницы швейного коллектива потом шили комбинезоны для милиционеров; после милитаризации милиции её сменила ткань цвета хаки, использовавшаяся для пошива формы, которую носили солдаты»⁷¹.

Довольно необычным был пример текстильной фабрики «Родер де Тер» возле Вика, в Каталонии. Она была закрыта из-за депрессии за год до начала войны. После 19 июля рабочие открыли её, расчистили и вернули в работу. Первые три месяца они решили работать бесплатно, а следующие восемь месяцев – за половинную плату. Как сообщалось, они достигли большого успеха, управляя предприятием. В 1936 г. дефицит предприятия составлял 10 млн песет, но к концу войны у коллектива были запас товаров общей стоимостью 14 млн песет и крупная сумма в банке⁷².

В Оспиталет-де-Льобрегате, близ Барселоны, инициативы текстильных рабочих по коллективизации страдали теми же недостатками, что и в каталонской столице. Здесь каждая фабрика была коллективизирована в индивидуальном порядке, и городской текстильный синдикат НКТ лишь в малой степени контролировал их функционирование. Как следствие, среди различных фабричных коллективов разгорелась конкуренция, и сотрудничество между ними было незначительным⁷³.

Однако в Каталонии и Леванте были и другие города, где модель коллективизации в текстильной промышленности была ближе к бадалонской, чем к барселонской. Одним из таких городов была Игуалада в провинции Барселона. Текстильное производство было здесь основной отраслью, и все фабрики были конфискованы рабочими. В рядах НКТ состояло около двух третей рабочих и ещё треть – в ВСТ. Эти два профсоюза создали координационный комитет, включавший представителей всех фабрик города и возглавлявшийся сэнэтистом Хайме Касельясом. Этот орган наблюдал за работой всех предприятий, и, по словам Касельяса, в Игуаладе не возникало никакого «фабричного патриотизма». Сырьё распределялось через координационный комитет. Также была установлена общая для всех фабрик тарифная система ставок, и хотя в ней различия в оплате труда были до некоторой степени сглажены, квалифицированные рабочие и начальники продолжали получать более высокую зарплату, чем обычные рабочие. За работы одной категории на всех предприятиях выдавалась одинаковая зарплата.

Те собственники и управляющие, которые не были физически устранены или не исчезли иным образом, получили предложение участвовать в коллективизации текстильной промышленности Игуалады. Их часто вводили в состав комитетов предприятий, которые были созданы на каждой фабрике. На крупных предприятиях эти комитеты состояли из рабочих, избранных каждым подразделением; на меньших они избирались «в общей массе».

Согласно Хайме Касельясу, рабочие к концу войны оставили большинство фабрик Игуалады в лучшем состоянии, чем на момент конфискации. Очевидная забота рабочих по отношению к их фабрикам побуждала многих бывших управленцев сотрудничать с коллективами. Один из них настолько сроднился со своим коллективом, что был брошен в тюрьму сторонниками Франко, когда те захватили Каталонию⁷⁴.

Координация коллективизированных текстильных фабрик получила наибольшее развитие в Алькое, втором по размеру городе провинции Аликанте. Гастон Леваль называл Алькой «наиболее законченным примером “синдикализации производства” во всей Испании». Практически вся экономическая деятельность Алькоя, одного из первых центров анархического движения в Испании, перешла под контроль местного профсоюза НКТ. Шесть с половиной тысяч текстильных рабочих НКТ в Алькое вначале создали контрольные комитеты на каждой фабрике. Затем, 14 сентября 1936 г., текстильный союз официально принял во владение «41 текстильное предприятие, 10 прядильных, 4 красильных, 5 отделочных, 24 полотняных и 11 чесальных». После этого контрольная комиссия профсоюза стала «органом общей администрации текстильной промышленности в Алькое».

Каждая текстильная фабрика была разделена на пять секций, и рабочие каждой секции выбирали представителя в фабричный комитет. Члены фабричных комитетов, вместе с равным числом избранных общим собранием профсоюза, образовывали орган, отвечавший за управление текстильным производством Алькоя.

Гастон Леваль так отзывался об этой структуре коллективизированной текстильной отрасли в Алькое: «Мы, следовательно, имеем дело не с административной диктатурой, а скорее с функциональной демократией, при которой все рабочие-специалисты выполняют свои роли, установленные после общего рассмотрения вопросов на собрании...»⁷⁵

Наконец, хотя в большинстве случаев инициатива коллективизации текстильной промышленности исходила от профсоюзов НКТ, очевидно, было по крайней мере несколько примеров, когда коллективы организовывались и управлялись большинством рабочих, принадлежавшим к ВСТ. По-видимому, именно это произошло на двух фабриках в городе Вальс в каталонской провинции Таррагона. О них сообщал в декабре 1937 г. «Информационный бюллетень» НКТ.

Одной из них была небольшая швейная фабрика «Эмпреса Испано Колективисада». В то время она имела 2 рабочих и 30 работниц, которые трудились на самой фабрике, и ещё 30, которые работали на дому. Рабочие коллективизировали это предприятие в июле 1936 г., когда его владелец бежал, бросив обанкротившуюся фирму. Текстильные профсоюзы НКТ одолжили коллективу деньги, необходимые для возобновления работы, и впоследствии предприятие смогло заработать достаточно средств, чтобы выплатить зарплату рабочим и

приобрести сырьё. Оно управлялось комитетом предприятия из 12 рабочих, избранных общим собранием, и постоянным комитетом из трёх человек⁷⁶.

Вторым подобным примером являлась фабрика «Иладос и Техидос Эстеве, Колективисада». Это было небольшое прядильно-ткацкое предприятие с тремя корпусами, на котором работало около 100 человек, почти все женщины. Оно было коллективизировано рабочими в начале января 1937 г. и зарегистрировано, согласно каталонскому декрету о коллективизации, в июле того же года. Эта фабрика также находилась в финансовой яме, когда рабочие конфисковали её, но к концу года им, во всяком случае, удалось добиться безубыточности, хотя из-за сложной экономической ситуации работа продолжалась лишь три дня в неделю. Коллектив отменил сдельную работу и установил зарплату 36 песет в неделю для всех членов. В сообщении подчёркивалось, что на предприятии «все решения принимаются большинством голосов на собраниях»⁷⁷.

Попытки координации коллективизированной текстильной промышленности

Итак, существовали по крайней мере две альтернативных модели коллективизации текстильной отрасли. Одна из них преобладала в Барселоне, где каждая коллективизированная фабрика действовала самостоятельно, с относительно небольшой степенью координации отрасли в целом; другая была характерна для Бадалоны и Алькоя, где местный текстильный союз брал на себя общую координацию фабрик, коллективизированных их рабочими.

Коста Фонт и Мартинес Гонсалес так описывали первую ситуацию: «В Барселоне коллективизация проводилась по предприятиям. Советы на них были независимыми один от другого. Здесь не существовало профсоюзного экономического органа, объединяющего предприятия для совместной работы. Одни функционировали хорошо, другие – с огромными трудностями, и большинство из них должны были отдавать в залог правительству Хенералидада Каталонии своё имущество, чтобы получить средства, необходимые для выплаты заработной платы. Профсоюз ограничивался вмешательством в проблемы, возникавшие между рабочими отдельно взятого предприятия или между разными советами».

Авторы отмечают, что существовала комиссия по связям, которая, как предполагалось, помогала координировать текстильные коллективы Барселоны. Она пыталась получить сырьё для предприятий, испытывавших в нём недостаток. Однако, как заключают Коста Фонт и Мартинес Гонсалес: «Наш Текстильный синдикат Барселоны был морально готов к поддержанию солидарности в классовой борьбе, но не в другой, экономической, вызванной переходом средств производства в наши руки»⁷⁸.

Через несколько месяцев после начала войны комиссия по связям Текстильного синдиката Барселоны попыталась упорядочить сложившуюся ситуацию. Она приняла детальный план создания координационных комитетов на общегородском и даже общекаталонском уровне, а также определила организацию и задачи отделов, на которые должны были быть разделены эти комитеты⁷⁹.

Однако эта инициатива закончилась провалом. Как отмечают Коста Фонт и Мартинес Гонсалес: «Эта комиссия набросала проект, по которому следовало собрать общую статистику средств производства и попытаться их контролировать; она издала анкеты, но ни одна из них не была заполнена; каждое предприятие работало само по себе и само для себя»⁸⁰.

В феврале 1937 г. другая, ещё более амбициозная попытка наладить координацию каталонской текстильной промышленности была предпринята на конференции, проводившейся в штаб-квартире текстильных профсоюзов НКТ Барселоны. На этой конференции присутствовали каталонские текстильщики как из НКТ, так и из ВСТ. В то время ПОУМ всё ещё пользовалась значительным влиянием в текстильных профсоюзах ВСТ, и несколько ключевых участников совещания были членами этой партии.

Конференция призвала к полной реорганизации текстильной промышленности в Каталонском регионе. Предлагалось незамедлительно создать Генеральный совет текстильной промышленности, ответственный за её реорганизацию и координацию. Этот совет должен был сосредоточить производство на сравнительно небольшом числе крупных предприятий, где можно было бы более эффективно использовать технику и персонал. Следовало стандартизировать продукцию, одновременно определив, какие её виды востребованы потребителями. Следовало создать исследовательские лаборатории, чтобы найти новые виды сырья, и установить отношения с крестьянскими коллективами и другими сельскохозяйственными производителями, чтобы стимулировать отечественное разведение технических культур. Наконец, следовало централизовать распределение текстильной продукции, чтобы повысить его эффективность и устранить посредников-эксплуататоров⁸¹.

Однако практические итоги февральской конференции 1937 г. сводились к нулю. Как объяснялось в отчёте о конференции, предоставленном Виктору Альбе: «Все предложенные планы, которые мы достаточно подробно изложили, остались на бумаге. Правда заключается в том, что не было предпринято ни одной попытки осуществить их на практике... Глубокие политические разногласия, которые существовали в те дни среди сил, сопротивлявшихся военному мятежу, не могли иметь никакого иного результата, кроме выхолащивания всех инициатив»⁸².

Заключение

Во время Гражданской войны текстильная промышленность была одним из наиболее коллективизированных секторов производства в республиканской Испании. Она также была одним из сегментов экономики, которые больше всего пострадали от войны – из-за потери рынков, а также растущих трудностей получения сырья.

Примеры рабочего контроля в текстильной отрасли, как с социальной, так и с экономической точки зрения, настолько разнообразны, что на основании них сложно делать общие выводы. Текстильные коллективы продемонстрировали слабые и сильные стороны анархического эксперимента с рабочим контролем в различных сегментах национальной экономики. С одной стороны, в тех районах, где местный профсоюз не играл координирующей роли, часто развивался своего рода «фабричный патриотизм» или «рабочий капитализм», несовместимый с классовой солидарностью, в которую верили анархисты. С другой стороны, таких мест, как Бадалона и Алькой, где местные профсоюзы предпринимали серьёзные усилия по координации текстильных рабочих коллективов, как представляется, были достигнуты положительные результаты в смысле экономической эффективности и социальной солидарности.

Помимо всего прочего, опыт текстильных коллективов свидетельствует о тех трудностях, с которыми столкнулись рабочие НКТ, когда им внезапно пришлось взять на себя управление предприятиями, и которые вытекали из незавершённости структуры самой НКТ. До начала Гражданской войны не существовало национальной федерации текстильных рабочих, а во многих частях страны не было даже достаточно сильных местных текстильных профсоюзов. Если бы подобные структуры уже имелись в наличии, то текстильные союзы НКТ, местные, региональные и национальный, могли бы воспользоваться возможностью и организовать всю текстильную отрасль республиканской Испании на началах прямого контроля, осуществляемого на каждом предприятии выборными представителями рабочих и дополненного авторитетными координирующими органами, также состоящими из представителей, прямо или косвенно делегированных рабочими отдельных предприятий. Подобная система больше соответствовала бы анархическому идеалу местной автономии, соединённой с солидарностью автономных рабочих коллективов, чем та, которая сложилась в действительности.

Отсутствие в текстильном секторе НКТ соответствующей структуры, кроме того, ослабляло позиции рабочих-анархистов и их организаций перед лицом тех элементов лоялистской Испании, которые отвергали саму идею рабочего контроля. Поскольку в их распоряжении не было ресурсов, позволяющих преодолеть финансовые трудности, с которыми столкнулись многие текстильные коллективы, последние часто бывали вынуждены обращаться к правительству – в частности правительству Каталонии – за денежной помощью. Хотя ситуация значительно различалась от случая к случаю, за подобную помощь от каталонского правительства, особенно после того, как в нём стали преобладать сталинисты, приходилось расплачиваться подчинением коллективов государству и уродованием эксперимента по рабочему контролю.

Догматизм чистых анархистов и их сопротивление созданию отраслевых союзов в период до Гражданской войны, таким образом, сослужили плохую службу анархическому движению после 19 июля, когда оно получило возможность провести в жизнь свои идеи.

21. Прочие городские коллективы

Коллективизация городских предприятий их рабочими во время испанской Гражданской войны вовсе не ограничивалась транспортом, коммунальными службами, военным производством и текстильной и швейной промышленностью. Действительно, как подсчитали Хосе Коста Фонт и Рамон Мартинес Гонсалес, рабочими были взяты под управление около 80% предприятий в Каталонии, 60% - в Леванте и 30% - в Мадриде¹.

Коллективы создавались в самых разных сферах экономической деятельности, от торговых и развлекательных заведений, до целого ряда производящих отраслей. Даже парикмахерские в Барселоне были коллективизированы. В этой главе я рассмотрю немногие примеры весьма разнообразных экспериментов по рабочему контролю.

В большинстве случаев инициатива исходила от рабочих, состоявших в НКТ. Однако в других случаях, в особенности в Валенсийском регионе, где социалисты по большей части поддерживали фракцию Ларго Кабальеро, ВСТ был полноправным участником этих экспериментов.

Коллективы в деревообрабатывающей промышленности

Одним из коллективизированных производств, о которых много говорили анархисты, была деревообрабатывающая промышленность Барселоны. Она включала в себя столярные, мебельные, лесопильные и строительные предприятия. В городе было несколько относительно крупных деревообрабатывающих предприятий и большое число мелких. Последние вскоре после начала войны стали испытывать финансовые трудности и одолжили значительные суммы денег у каталонского правительства, но это мало помогло в решении их проблем.

Крупные деревообрабатывающие предприятия были коллективизированы после 19 июля. В течение войны они оставались под управлением выборных контрольных или фабричных комитетов, и по-видимому, Синдикат деревообработки НКТ осуществлял некоторую координацию.

Но главным нововведением в деревообрабатывающей отрасли Барселоны стало объединение по инициативе профсоюза всех собственников и рабочих мелких, по большей части разорившихся, мастерских. После того, как общее собрание профсоюза одобрило этот

курс, работникам этих мелких фирм, первоначально не попадавших под каталонский декрет о коллективизации, было объявлено о том, что все они будут объединены в одно предприятие. Это предприятие состояло из нескольких заводов, каждый из которых был рассчитан на 200 или больше рабочих, и всё оборудование и персонал (включая бывших работодателей) мелких фирм были перемещены на эти новые заводы.

Объединённое деревообрабатывающее предприятие НКТ насчитывало 12 000 рабочих и называлось «Мадера Сосьялисада». Им управляли три органа. Общий надзор осуществлял экономический совет во главе с Мануэлем Эрнандесом Родригесом, который много лет возглавлял Единый синдикат деревообработки Барселоны. Техническая комиссия, в которой было столько же членов, сколько специальностей насчитывалось в отрасли, собиралась дважды в неделю, чтобы «изучить потребности всех существующих специальностей». Также была административная комиссия, отвечавшая за финансовые и административные вопросы на предприятии.

Как и многие другие коллективы, «Мадера Сосьялисада» испытывала трудности в получении сырья. Экономическому совету предприятия удалось использовать местную древесину вместо той, которая ранее импортировалась.

На заводах «Мадера Сосьялисада» были устроены места для отдыха и бассейны, куда рабочие могли пойти после работы. Также действовали библиотеки, курсы профессиональной подготовки и общеобразовательные школы².

Гастон Леваль описывал результат такой скорее даже не коллективизации, а синдикализации барселонской деревообрабатывающей промышленности: «Власть синдиката, а точнее говоря, собраний, решения которых были окончательными, применялась в полной мере. Если где-то были лишние рабочие, их направляли на другие предприятия, которые выпускали изделия, более полезные в новой обстановке, например простую мебель вместо дорогой. Использование сырья было рационализировано, и, насколько позволяли условия войны, были возвращены методы, отличавшие наше профсоюзное движение»³.

«Мадера Сосьялисада» была относительно обеспеченной. Кроме того, у её рабочих было сильное чувство солидарности. Так, однажды предприятие одолжило значительную сумму трамвайному коллективу Барселоны, когда тот испытывал финансовые трудности⁴.

В соседнем Ospitalet-de-Llobregat деревообрабатывающая промышленность также была коллективизирована. Коллектив контролировался синдикатом рабочих по дереву НКТ, который объединил мелкие мастерские, преобладавшие в этой отрасли, и сосредоточил всё наличное оборудование на нескольких крупных предприятиях. Деревообрабатывающий коллектив Ospitaleta, как сообщалось, был успешным и процветающим⁵.

В Валенсии существовал деревообрабатывающий коллектив несколько иного рода. Это было совместное предприятие НКТ и ВСТ, производившее ящики и контейнеры для цитрусов. После 19 июля профсоюзы НКТ и ВСТ создали объединённый регулирующий комитет для реорганизации этого производства, в котором было занято 1,5 тысячи рабочих провинции.

До начала войны здесь наблюдалась ситуация, которую НКТ описывала как «хаотическую», многие фирмы находились на грани банкротства. Регулирующий комитет взял управление всеми предприятиями в свои руки, унифицировал цены, зарплаты и продолжительность рабочего дня по всей провинции и приобрёл новое оборудование. Вся имевшая в наличии техника была распределена так, чтобы, по мысли членов комитета, давать наиболее эффективный результат для отрасли в целом.

Как и на большинстве коллективизированных предприятий, предоставлялись услуги здравоохранения для всех членов коллектива и их семей и пенсии по старости. Также были сделаны некоторые, точно не оговорённые в источниках, улучшения в области культуры.

В конце 1937 г. основной проблемой, с которой столкнулся регулирующий комитет, была транспортировка древесины из других частей Испании, и для разрешения этой проблемы он должен был обратиться к Министерству транспорта.

Бумажный коллектив Урхеля

В каталонском провинциальном городе Сео-де-Урхель были две бумажных фабрики, которые до Гражданской войны принадлежали АО «Ла Форесталь де Урхель». Некоторое время они субсидировались правительством, но незадолго до начала войны они были закрыты, очевидно вследствие забастовки.

Вскоре после поражения мятежников в Каталонии рабочие этих двух фабрик в Урхеле решили открыть их, ввиду угрозы дефицита бумаги в регионе. Финансовое положение нового коллектива было незавидным. В одном из его отчётов в конце 1937 г. говорилось: «У нас было 19 000 песет в банке и огромный долг. Нужно было оплатить пять недель забастовки. Коллектив приложил величайшие усилия, чтобы нормализовать положение. В течение трёх месяцев мы выплатили зарплату за эти пять недель, а долг в течение года был уменьшен на 70%. В настоящее время имеются достаточные средства, чтобы удовлетворить все наши потребности».

С января по сентябрь 1937 г. урхельские фабрики выпустили 5 600 тонн бумаги. Можно взять для сравнения сопоставимый период перед закрытием фабрик в 1936 г., когда они выпустили 4 800 тонн.

Коллективизация жилья

В первые дни и недели Гражданской войны значительная доля жилищного фонда была конфискована различными организациями, участвовавшими в революции. Согласно анархисту Ласарильо де Тормесу:

“ «В дополнение к объектам первоочередной важности, таким как автомобили, дворцы и промышленные предприятия, народ также

конфисковал дома, владельцы которых бежали за границу или были сочтены фашистами. Эти конфискованные здания освободили людей от жизни в нездоровых трущобах и позволили им начать жить по-человечески. Впоследствии они послужили приютом для многих бежавших с территорий, захваченных мятежниками... Семьи тех, кто сражался в траншеях, и другие, кого фашистское варварство заставило бежать к нам в поисках помощи, имели полное право на заселение и особое право – на заселение в дома, принадлежавшие врагу. Нет необходимости говорить, что это жильё было совершенно бесплатным»⁸.

Нет информации о том, как и кем распределялось это жильё среди тех, кто, предположительно, нуждался в нём. Однако ясно, что по мере того, как государство восстанавливало свою власть, оно стремилось взять конфискованные дома под контроль. Правительство Негрина постановило, что, начиная с 1 августа 1937 г., государству должна выплачиваться арендная плата за размещение в этих захваченных зданиях. Это относилось не только к жилым помещениям, но и к тем зданиям, которые были конфискованы различными партиями и профсоюзами. Как прокомментировал Ласарильо де Тормес, «не уточнили лишь одну маленькую деталь: согласятся ли люди платить...»⁹ У нас нет данных относительно того, насколько преуспело правительство в собирании арендной платы.

Шахтёрские коллективы

Большая часть горнодобывающей промышленности Испании находилась в Бискайе (Стране Басков) и Астурии, которые в первый период Гражданской войны были отрезаны от Республики, и в Леоне и западной Андалусии, которые вскоре оказались в руках мятежников. Однако месторождения некоторых видов минерального сырья имелись также в Каталонии и Леванте. На двух из них опыт коллективизации принёс противоположные результаты, не столько по экономическим, сколько по политическим причинам.

Более успешным из этих двух предприятий были пиритовые шахты в окрестностях города Ла-Уньон, на расстоянии около девяти километров от Картахены, в провинции Мурсия Левантийского региона. Эти шахты были закрыты ещё до начала войны, из-за депрессии, и большинство шахтёров осталось без работы. Однако здесь продолжали действовать профсоюзы НКТ и ВСТ.

С началом войны рабочие взяли шахты под свой контроль и занялись восстановлением их работы, при участии обоих профсоюзов. Вначале каждая шахта была коллективизирована по отдельности.

Однако вскоре НКТ предложила, чтобы все шахты были «социализированы», то есть организованы как единое коллективное предприятие. Она столкнулась с упорным сопротивлением ВСТ, который в этом районе контролировался Коммунистической партией. В итоге, на шести шахтах, где НКТ имела большинство, шахтёры решили самостоятельно провести социализацию.

Они сразу же столкнулись с финансовыми проблемами. Новое социализированное предприятие не имело достаточных средств, чтобы модернизировать оборудование, и поэтому обратилось за помощью к Синдикату рабочих химической промышленности НКТ Бадалоны в Каталонии. Синдикат ответил согласием, при условии, что шахты будут поставлять свою продукцию химическим коллективам Бадалоны. На 50 000 песет, полученных в результате этого соглашения, были приобретены новые машины и оборудование для промывки руды. Шахтёры также решили проблему нехватки транспорта, проложив длинную подвесную дорогу, по которой можно было быстро спускать большие контейнеры, загруженные пиритом, с холмов, где находились шахты, к погрузочному пункту¹⁰.

Коллективу, сформированному добытчиками калия в Сальенте, в Каталонии, повезло меньше. Эти шахты принадлежали иностранной компании, штаб-квартира которой находилась в Париже, но незадолго до начала войны иностранные менеджеры и техники покинули Испанию. После 19 июля рабочие завладели шахтами и избрали контрольный комитет, который пригласил Хуана Фарре, лидера Синдиката работников торговли НКТ Барселоны, на должность управляющего предприятия.

Дела, казалось, шли хорошо, пока коллектив не начал отправлять свою продукцию за границу. До войны 90% добычи шло на экспорт, и Испания давала около 30% калия, продававшегося на мировом рынке. Но теперь, как только продукт оказался на французской территории, акционерное общество «Потасас Иберикас» подало иск в суд, утверждая, что минерал принадлежит ему.

Последовало несколько подобных исков. Ознакомившись с требованиями французской компании, адвокаты рабочего коллектива заявили, что всё её имущество являлось концессией от испанского правительства, позволившего ей добывать калий; и когда компания отказалась от этой концессии, что фактически произошло, когда её представители покинули Испанию, она утратила свои права. По крайней мере некоторые французские суды согласились принять этот аргумент, при условии, что испанское правительство официально объявит о расторжении концессии и передаст шахты рабочему коллективу.

Рабочие обратились к Хуану Пейро, лидеру НКТ, который в то время был министром промышленности, и он внёс это предложение в кабинет Ларго Кабальеро. Министр финансов Хуан Негрин решительно выступил против, говоря, что это вызовет «международные проблемы», и тогда премьер-министр предложил Пейро оформить передачу концессии приказом по своему министерству, не требующим одобрения кабинета. Пейро составил такой приказ, и он появился в «Официальных ведомостях» за несколько дней до отставки правительства Ларго Кабальеро.

Когда вскоре после этого Хуан Негрин стал премьер-министром, одним из его первых дел на новом посту была отмена приказа Пейро. Тогда рабочие шахт провели общее собрание и выдвинули условия, на которых французская компания вернулась бы в Испанию и они вновь стали бы работать на неё. В Париж была отправлена делегация для ведения переговоров. Состоялись две встречи с представителями компании, и рабочим прямо было сказано, что

компания не намерена возвращаться в Испанию, пока не будут созданы «условия личной и правовой безопасности». Представители акционерного общества добавили, что они могут позволить себе подождать два года, которые, как они рассчитывали, потребуются Франко, чтобы выиграть войну и восстановить подобные условия.

В сложившейся ситуации у рабочих не было иного выхода, кроме как закрыть шахты. Небольшую группу рабочих оставили поддерживать шахты в таком состоянии, чтобы вновь открыть их, как только представится возможность, остальные либо ушли в армию, либо были направлены правительством Каталонии на близлежащие объекты общественных работ.

Хуан Фарре завершил свой рассказ о судьбе сальентского шахтёрского коллектива следующими словами: «...Война закончилась, шахты были в отличном состоянии, и компания по возвращении могла сразу же начать их эксплуатировать»¹¹.

Нефтеочистительный коллектив КАМПСА в Каталонии

До Гражданской войны очистка нефти и поставка нефтепродуктов были монополией фирмы, сокращённо называвшейся КАМПСА, основная доля акций в которой принадлежала правительству. Хотя этого не произошло на всей республиканской территории, в Каталонии КАМПСА с началом войны была конфискована рабочими. На общем собрании был избран центральный комитет из шести человек, а рабочие шести секций, осуществлявших различные операции с нефтью – помимо очистки, – избрали своих собственных представителей, чтобы контролировать эти части предприятия. Очевидно, пять очистительных заводов в регионе были по отдельности конфискованы Региональным синдикатом нефти НКТ12.

Много лет спустя социалист Мартинес Перера, который был секретарём нефтяного совета республиканского правительства, говорил мне, что у него сложилось не слишком благоприятное впечатление об анархо-синдикалистском контроле в каталонской нефтяной промышленности. Он утверждал, что, по крайней мере в первые месяцы войны, коллективы очистительных заводов продавали продукты переработки нефти, но не платили национальному правительству за сырую нефть, которую оно поставляло, и также были должны за многое другое.

В конце концов, вскоре после Майских дней, Мартинес Перера отправился к каталонским нефтяникам с инспекцией. Когда он прибыл на очистительный завод в Сабаделе, производивший авиационный бензин, навстречу ему вышли рабочие, вооружённые автоматами. Лишь после долгих уговоров они разрешили ему войти, чтобы встретиться с главой рабочего совета, управлявшего заводом. Однако он признал, что глава совета оказался «довольно разумным человеком»¹³.

Коллективы в отрасли общественного питания

Одним из самых больших коллективов, сформированных во время Гражданской войны, был тот, что действовал в сфере гостиничного и ресторанного обслуживания Барселоны. 114 различных заведений были организованы как одно предприятие, которое стало называться Объединением гастрономической отрасли (АИГ). Это предприятие контролировало 30 отелей и пансионатов, три элитных ресторана и пять «второй категории», пять больших кафе-ресторанов и брассери, 52 кафе-бара и множество других мест. В коллективе трудилось около 3 000 мужчин и 1 000 женщин.

АИГ добился многих нововведений. Было создано пять крупных складов: два для продуктов питания, два для посуды и столовых приборов и один холодильный. Также действовали колбасный завод, фабрика мороженого и ещё одна по производству «консервов вообще». При фабрике была открыта теплица, где проводились эксперименты по выращиванию некоторых продуктов, используемых в производстве.

В начале ноября 1937 г. АИГ открыл большое количество «народных столовых», которые предоставляли дешёвое питание. К концу месяца они подавали по 6 тысяч порций в день.

Как и большинство коллективов, АИГ стремился улучшить условия труда своих членов. Сообщалось, что «большинство кухонь подлежат изменению», с целью сделать их более здоровыми, и для работников многих заведений были установлены души.

Гастрономический коллектив Барселоны также занимался вопросами социальной защиты своих членов. Те, кто был болен, получали полную зарплату; те, кто ушёл на пенсию по старости или инвалидности, получали 50% своей прежней зарплаты; женщины получали пятидневный отпуск с полной оплатой, когда им приходилось рожать. Действовала поликлиника, в которой различные специалисты лечили членов АИГ.

Коллектив управлялся советником-делегатом, постоянным комитетом и советом предприятия – все они избирались общим собранием работников. В каждом заведении АИГ были директор-делегат, назначенный советом предприятия, и два советника-делегата, избранных работниками заведения.

АИГ был совместным предприятием ВСТ и НКТ, на котором первому принадлежало большинство. Этот факт отразился на формировании совета предприятия, который состоял из интервента каталонского правительства, десяти членов от ВСТ и пяти – от НКТ¹⁴.

В соседнем городе Оспиталет-де-Любрегат значительная часть заведений общественного питания также была конфискована рабочими. Действовавший здесь Синдикат продовольствия НКТ взял в свои руки всю торговлю пищевыми продуктами, за исключением трёх кооперативов, которым после жарких споров позволили существовать отдельно. Он также взял под своё управление многие бары и рестораны в городе. Однако держателей

мелких баров и ресторанов, не желавших вступать в коллектив, не принуждали к этому, а тем, кто вступил, позволили остаться в своих заведениях в качестве управляющих синдиката.

У Ospitalet-de-Llobregat, где во время войны преобладала НКТ, был собственный секретариат снабжения, с молодым сэнэтистом Хинесом Алонсо во главе. У него были проблемы с Синдикатом продовольствия, особенно по вопросу регулирования цен. Несколько раз ему приходилось вести трудные переговоры с лидерами синдиката, чтобы добиться снижения цен на товары до приемлемого уровня¹⁵.

В Валенсии к гастрономическому синдикату перешли почти все гостиницы, кафе и бары города, в большинстве случаев – по соглашению между бывшими владельцами и работниками. Кроме того, синдикат открыл (как в Барселоне) «общественные столовые», чтобы обслуживать беженцев, наводнивших Валенсию.

Одним из заведений, коллективизированных по договорённости между собственником и работниками, был бар «Баланса», где бывший владелец продолжал работать в качестве кассира коллектива. Позднее власти Франко вернули ему заведение, но когда он отказался назвать активных членов коллектива, его приговорили к 30 годам тюрьмы за «сотрудничество с красными»¹⁶.

Ещё одним коллективом, связанным с продовольствием, являлись «Социализированные мукомольные заводы Валенсии и провинции» (Fabricas de Harina Socializadas de Valencia y Provincia). Они были образованы 1 октября 1936 г. Возглавлял их рабочий совет, состоявший из членов НКТ и ВСТ. В подчинении совета находились несколько секций, занимавшихся приобретением зерна, распределением муки и общим управлением.

Агенты заготовительной секции ездили по сельской округе в поисках запасов пшеницы, и, если верить Гастону Левалю, порой они даже пробирались в районы, контролировавшиеся войсками Франко.

Распределительная секция ежедневно собирала заказы от всех пекарен региона, после чего распределяла и продавала муку, основываясь на «потребностях каждого пекаря и жителей, справедливо и поровну».

С течением войны производить достаточное количество муки становилось всё более сложно. С одной стороны, по мере того как становилось меньше других видов пищи, спрос на хлеб увеличивался. С другой, население Валенсии значительно выросло за счёт прибытия беженцев из других частей страны.

Вдобавок «Социализированные мукомольные заводы» столкнулись с враждебным отношением министра сельского хозяйства, коммуниста Висенте Урибе. Гастон Леваль утверждает: «...Имевшаяся в наличии пшеница скоро была монополизирована министром сельского хозяйства... который должен был рассчитать и предвидеть ситуацию, но, с другой стороны, надолго затянул заключение соглашения с “Социализированными мукомольнями”»: убей революцию, если не можешь взять над ней верх...»

В ноябре 1937 г. валенсийский мукомольный коллектив направил министру сельского хозяйства меморандум, предлагая четыре шага: «1. Государственная монополия на пшеницу, имеющуюся на лояльной территории Республики. 2. Справедливое её распределение между провинциями, в соответствии с нуждами каждой из них. 3. Установление максимальной цены на пшеницу в размере сорока четырёх песет за метрический центнер... 4. Немедленный импорт государством пшеницы из других стран (Россия, Аргентина и др.) для удовлетворения нынешних потребностей».

Согласно Левалю, на эти предложения «правительство ответило молчанием... Для него было достаточно ежедневно печатать прокламации, возвещавшие о неизбежном поражении фашизма. Наконец, наступил момент, когда пшеницы и муки стало не хватать». Он добавляет: «Но если в Валенсии всё ещё возможно было выпекать хлеб, то народ был обязан этим “Социализированным [мукомольным] заводам”»¹⁷.

Коллектив общественных зрелищ Барселоны

Как и бóльшая часть экономики Барселоны, индустрия развлечений была коллективизирована, вначале стихийно, работниками каждой части данного сектора, а затем решением общего собрания Синдиката общественных зрелищ НКТ. Коллективизация охватила кинозалы, драматический театр, музыку (включая оперу), корриду, цирк, корты для игры в баскский мяч (хай-алай) и собачьи бега.

Сразу же после начала войны перед профсоюзом НКТ встала моральная проблема: стоит ли продолжать те зрелищные мероприятия, на которые делаются ставки, – собачьи бега и хай-алай. Наконец, было решено их продолжить, отчасти чтобы сохранить рабочие места, отчасти вследствие общественного спроса. Правительство Каталонии также поощряло их проведение, так как получало значительный доход по налогам на ставки.

Общественные развлечения на первом этапе войны координировались экономическим комитетом синдиката. Он отвечал за перераспределение средств от тех секторов, которые были преуспевающими, к тем, которые имели дефицит. Постоянно процветающими сегментами были кинотеатры и зрелищные мероприятия, связанные с денежными ставками. Заработанные ими средства использовались для субсидирования драматического театра, музыкальных и оперных представлений и цирка, которые обнаруживали тенденцию к дефициту.

Синдикат стремился сделать театр и музыку более доступными для широкой публики. Решения о том, какие ставить пьесы, исполнять концерты и давать оперы, не основывались на том, окупятся ли подобные представления.

Возглавлявший секцию собачьих бегов синдиката Хосе Робустер, который описывал коллектив общественных зрелищ Виктору Альбе, обрисовал механизм принятия решений: «Экономический комитет получал предложение, создавалась комиссия из актёров,

музыкантов, авторов, которая докладывала о работе или проекте, и если доклад был благоприятным, изыскивались средства для финансирования, даже когда предвиделся дефицит. Авторские отчисления продолжали платить как обычно...» Робустер также настаивал, что идеологические и политические соображения не влияли на эти решения и что «военные пьесы» никогда не предлагались.

Перед войной, из-за последствий депрессии, наблюдалась обширная безработица среди актёров, музыкантов и других творческих лиц. Однако в течение войны она стала незначительной либо вовсе исчезла.

Одним из наиболее спорных было решение, принятое общим собранием в самом начале войны, что каждый работник в сфере общественных развлечений должен получать установленную плату, 15 песет в день – на пять песет больше, чем довольствие республиканского милиционера на фронте. Хотя она была больше, чем самая низкая зарплата в этой сфере перед войной, она также была далека от самой высокой.

Больше всего уравнилительной системой оплаты труда были недовольны актёры, музыканты и тореадоры. Хотя большинство актёров и музыкантов состояло в НКТ, когда была объявлена обязательная синдикализация, меньшинство актёров сформировало профсоюз ВСТ. Кроме того, работники кортов, которые в большинстве своём приехали из Мадрида, где они принадлежали к ВСТ, остались членами ВСТ и в Барселоне.

Тореадоры представляли собой особый случай. Во время войны устраивалось мало корридов, но их участники, как и все в индустрии развлечений, получали свои 15 песет в день. И всё же однажды, когда пришла пора проводить бой быков, они потребовали себе гораздо более высокую зарплату, чем та, к которой они привыкли, – но не получили её.

Лишь немногие работодатели, действовавшие в этой области, бежали, скрывались или исчезли. Остальные были включены в коллектив и получали ту же зарплату, что и все. В некоторых случаях они продолжали управлять тем заведением, которое принадлежало им до революции, в других – им давали иную работу.

В каждом из заведений продолжал действовать профсоюзный комитет по жалобам, функции которого остались без значительных изменений. Если между комитетом по жалобам и работниками, избранными на руководящие должности, возникали разногласия, вопрос выносился на рассмотрение исполнительного комитета синдиката, а не экономического комитета, который в некотором роде выступал в роли работодателя.

После майских событий в Барселоне правительство Каталонии, под влиянием сталинистов из ОСПК, назначило экономический комитет общественных зрелищ, который должен был занять место экономического комитета синдиката. Хотя профсоюз резко возражал против этого, в конце концов он уступил после уговоров каталонского регионального комитета НКТ18.

Коллективизация в стекольной промышленности

Стекольная промышленность Барселоны и её окрестностей также была коллективизирована. С началом войны отдельные предприятия перешли в руки рабочих. Однако данная отрасль состояла главным образом из небольших кустарных мастерских, и для задач военного производства необходимы были более крупные и более эффективные предприятия. Поэтому Синдикат стеклоделов на общем собрании решил, что все предприятия, кроме двух или трёх самых крупных, должны быть закрыты, а их оборудование и персонал перемещены. Последнее слово по вопросу закрытия оставалось за собраниями рабочих каждого отдельного завода, и очевидно, ни один коллектив не проголосовал против реорганизации.

На каждом заводе стекольной промышленности регулярно проходили собрания рабочих. Синдикат также проводил свои общие собрания один раз в три месяца или чаще, если это требовалось. Но кроме того, каждое заводское собрание избирало своего делегата в синдикат, и когда синдикат должен был принять какое-либо решение – например, о закрытии завода, – исполнительный орган синдиката обсуждал его с делегатами соответствующих заводов. После этого, если было необходимо, созывались собрания завода и синдиката, чтобы принять окончательное решение по вопросу.

Рабочие стекольной промышленности ввели множество улучшений в период коллективного владения. Так, секретарь синдиката, вернувшись на свой завод после окончания боёв в Барселоне в июле 1936 г., узнал, что рабочие уже решили перейти с производства парфюмерных флаконов на изготовление небольших бутылок для напитков, предназначавшихся милиционерам на фронте. Много лет спустя секретарь говорил, что изменения такого рода были вполне в духе рабочих.

Бывали случаи, когда бывший владелец оставался на должности управляющего после того, как завод переходил к рабочим. Так произошло на заводе «Уньон Видриера № 7» в Сан-Висенте-дель-Сольесе, которым управлял, по описанию экс-секретаря профсоюза НКТ, «ревностный католик, но при всём этом вполне порядочный человек», и до войны хорошо относившийся к своим рабочим. (Его внуки, 45 с лишним лет спустя, всё ещё управляли предприятием¹⁹.)

Одной из частей стекольной промышленности, получившей некоторую известность благодаря пропаганде НКТ, было производство оптического стекла. Рабочие в этом производстве, очевидно, не были объединены в профсоюз к началу войны, но единогласно решили вступить в Синдикат стеклоделов НКТ. В данном сегменте было занято почти 4 000 рабочих.

Коллективизация в производстве оптического стекла произошла не сразу. Вначале были созданы контрольные комитеты на каждом из предприятий и комитет по связям оптической секции, с целью «унифицировать цены, наладить распределение фондов и разрешить

возникшие трудности и конфликты».

В начале ноября состоялась встреча представителей рабочих и собственников, на которой были выработаны условия коллективизации, и 6 ноября 1936 г. эти условия были приняты на отдельной встрече работодателей. Был создан центральный комитет распределения, предположительно находившийся в подчинении оптической секции Синдиката стеклоделов, чтобы осуществлять планирование по всей отрасли в районе Барселоны.

Среди нововведений коллектива были открытие мастерских по производству кожаных и целлулоидных футляров для очков и установка стеклоплавильной печи для изготовления линз для очков.

К инновациям подталкивало то обстоятельство, что до войны большая часть сырья для производства стекла ввозилась из-за границы. Необходимо было попытаться заменить экспортные материалы отечественными везде, где это было возможно. Но, даже с учётом этого, промышленность страдала от нехватки сырья в течение всей войны.

До войны зарплата находилась в пределах 70–80 песет в неделю для рабочих и 350–500 песет в месяц для служащих, а отдельные управленцы получали 700–800 песет в месяц. Кроме того, на некоторых предприятиях были долгий рабочий день и сдельная оплата труда. Сразу после начала войны для работников была установлена заработная плата 400 песет в месяц, как для мужчин, так и для женщин, с надбавкой на каждого члена семьи, находящегося у них на содержании. К январю 1938 г. месячная зарплата увеличилась до 700 песет. Сдельщина была отменена²⁰.

Профсоюз стеклоделов НКТ в Валенсии также «социализировал» свою отрасль в апреле 1937 г. Это было сделано, как сообщала НКТ-ФАИ, путём заключения «пакта» с работодателями. Здесь было два сравнительно крупных завода и множество небольших. Эти мелкие предприятия, считавшиеся неэкономичными, были закрыты, их оборудование описали и передали на другие промышленные объекты, а бывшим владельцам была выплачена компенсация. Всего на этих заводах было около 230 рабочих, и ещё 100 во время социализации находились на фронте.

При рабочем контроле высшим органом являлось общее собрание. Также действовали рабочий совет, бухгалтерский комитет, технический комитет и местные комитеты на каждом предприятии. За первые шесть месяцев работы в социализированной отрасли были сделаны усовершенствования, которые повысили стоимость её капиталов со 100 до 225 тысяч песет. Одновременно были погашены все долги, числившиеся за прежними владельцами.

Недельная зарплата существенно увеличилась, с 65 до 90 песет в среднем. Кроме того, рабочим, уволившимся по старости, стали выплачиваться пенсии. Наконец, ранее, «как и на многих других социализированных предприятиях... наблюдалось самое плачевное состояние в области гигиены, рабочие не имели помещений, где можно было бы переодеться и удовлетворить другие потребности. Сегодня у этих товарищей есть великолепные душевые, индивидуальные шкафы для одежды и места для переодевания, а также аптечки скорой

Коллективизация поставок молока в Барселоне

Среди коллективов, которыми НКТ гордилась больше всего, был и тот, что занимался поставками молока в Барселоне. До войны это дело было организовано достаточно примитивно. Фирмы, продававшие молоко, обычно отправляли грузовики, чтобы забрать бидоны у фермеров, обращая мало внимания на санитарные условия. Ко времени начала войны эти компании были должны фермерам плату за три месяца.

После 19 июля молочная секция Синдиката продовольственной отрасли НКТ взяла в свои руки значительную часть молочных поставок. Профсоюз построил в Каталонии семь молокоприёмных пунктов с охладителями, куда окрестные крестьяне каждый день привозили своё молоко. К концу 1937 г. один из этих пунктов, находившийся во Франкесасе, регулярно получал молоко от 600 крестьян и собирал около 25 тысяч литров в день.

Профсоюз также решил проблему транспортировки молока с этих приёмных пунктов в Барселону, для пастеризации и последующего распределения. Он приобрёл 16 новых шасси, на основе которых были собраны рефрижераторы вместимостью 3, 5 и 6 тысяч литров. Когда молоко попадало в Барселону, его привозили на один из девяти молокозаводов – до войны их было 60, – где оно пастеризовалось, разливалось по бутылкам, которые закупоривались автоматически, и затем вновь охлаждалось.

С этих заводов молоко распределялось по пунктам выдачи, которые были устроены профсоюзом по всему городу и имели собственные холодильники. Молоко, предоставляемое синдикатом, предназначалось в первую очередь для больных и детей младше двух лет. Профсоюз ежедневно распределял около 45 тысяч литров молока, но помимо этого ещё 10 тысяч литров продавалось частными фирмами, которые работали на довоенных условиях.

Частью коллектива молочников был завод в Пучсерда, в северной Каталонии, производивший главным образом сгущённое молоко. Однако во время войны у него возникли трудности с получением сахара, и в результате он перешёл на изготовление сливочного масла и сыра, в основном для нужд армии.

НКТ утверждала, что детская смертность значительно снизилась за время войны – благодаря улучшению молочного снабжения коллективом НКТ22.

Система доставки, обработки и распределения молока, организованная в Барселоне, по большей части продолжала действовать и после окончания конфликта, но, естественно, уже без участия НКТ23.

Кооператив шоколадников в Торренте

Ещё один коллективный проект, широко освещавшийся анархистами, был осуществлён изготовителями шоколада в Торренте, небольшом городе в провинции Валенсия. До войны здесь было 45 небольших предприятий, по несколько работников на каждом, производивших шоколадные продукты разных видов. 1 сентября 1936 г. местная НКТ провела собрание работников и работодателей этой мелкой промышленности, где единогласно было решено образовать Кооператив шоколадников Торренте. Новая организация немедленно приступила к строительству единой большой фабрики, недалеко от железной дороги. Было установлено сорок аппаратов, одни из которых были переданы бывшими владельцами, а другие – приобретены кооперативом. На новой фабрике они давали значительно больше продукции по сравнению с тем, что раньше могли производить мелкие разрозненные мастерские, и контроль качества был гораздо более тщательным, чем в прошлом. Были выпущены новые серии продуктов.

На общем собрании кооператива, вскоре после открытия фабрики, кем-то было предложено значительно увеличить заработную плату. Однако подавляющее большинство присутствующих посчитало это неразумным, по крайней мере до тех пор, пока кооператив не начнёт приносить прибыль.

Шоколадный кооператив управлялся трудовым советом из шести членов, избранных на общем собрании всех членов организации²⁴.

Коллективы обувщиков и кожевников

Кожевенная и обувная промышленность была важной частью экономики средиземноморских районов Испании, в особенности Леванта. Депрессия в годы, предшествовавшие Гражданской войне, стала для неё тяжёлым ударом.

Вероятно, крупнейшим центром кожевенного и обувного производства был город Эльда (25 тысяч жителей) в провинции Аликанте. Кроме самой Эльды, где насчитывалось 7,5 тысяч обувщиков (из которых 4,5 тысячи были в НКТ), обувные и кожевенные фабрики находились в близлежащих городах Петрель, Моновар, Новельда и Сакс. В первом из них было 3,5 тысячи рабочих, а в трёх остальных, вместе взятых, – 2 тысячи.

Во время войны НКТ и ВСТ работали сообща, и наблюдалось два разных подхода к коллективизации кожевенно-обувной промышленности Эльды и её окрестностей. С одной стороны, в самой Эльде было 12 фабрик с 2,8 тысячами рабочих, которые были полностью коллективизированы. Каждой из них управлял комитет из шести человек, избранный общим собранием её рабочих. Профсоюз НКТ собирал статистику по этим 12 фабрикам и занимался распределением продукции. Эти фабрики работали, главным образом, по заказам Министерства обороны.

С другой стороны, остальные 80 обувных и кожевенных фабрик района с 12,5 рабочими внешне оставались в руках своих владельцев, и на каждой из них существовал контрольный комитет, наблюдавший за деятельностью руководства. Но эти фабрики 1 августа 1936 г. были объединены в Синдикат обувной промышленности Эльды и Петреля (СИСЭП). Он был

сформирован по инициативе частных владельцев, но профсоюзы НКТ и ВСТ вскоре потребовали для себя 60-процентного представительства в этой организации, и, согласно Гастону Левалю, в ней фактически стали преобладать рабочие.

СИСЭП координировал обувное производство Эльды и окрестностей, он приобретал и распределял сырьё, продавал продукцию, создав широкую сеть сбыта, не только в обоих сегментах лоялистской Испании, но также в Алжире и Французском Марокко. Его операции первоначально финансировались за счёт займов (под залог недвижимости частных фабрик), полученных в местных банках, и семимиллионного кредита, предоставленного сэнэтистом Хуаном Пейро, который тогда занимал пост министра промышленности²⁵.

Примерно таким же образом поступили обувщики и кожевники Валенсии, которых было около тысячи на 30 фабриках. Профсоюзы НКТ и ВСТ в этом городе не стали коллективизировать отрасль, а вместо этого провели интервенцию, создав Местный совет обувной и кожевенной промышленности. Совет координировал работу отрасли, отвечая за приобретение и распределение сырья, а также сбыт продукции, в то время как формально предприятия продолжали принадлежать частным владельцам.

Хотя в кожевенно-обувной промышленности Валенсии полная или частичная безработица приобрела значительные размеры, через 15 месяцев после начала войны сообщалось, что все рабочие были трудоустроены. Зарплата по сравнению с 19 июля повысилась в полтора раза, и условия труда были улучшены во многих отношениях, включая устройство душевых и шкафов для одежды²⁶.

Одна из обувных фабрик Валенсии была коллективизирована по соглашению между собственником и рабочими, и её прежний владелец, Эрнесто Феррер, стал советником при директивно-административном комитете коллектива. Позже он был включён в состав делегации, направленной фабричным комитетом с деловой целью в Париж, и, находясь там, сообщил остальным членам делегации, что не будет возвращаться в Испанию. После войны он, будучи уже функционером Фаланги, вернулся, однако не стал отдавать под суд или увольнять кого-либо из рабочих. Тем не менее он посоветовал некоторым из них, игравшим главную роль в коллективе, «затаиться», чтобы защитить себя. Когда какой-нибудь фалангист приходил на фабрику, интересуясь тем или иным работником, Феррер держал гостя у себя в кабинете, пока помощник «искал» этого человека, и всякий раз оказывалось, что в этот день он не вышел на работу²⁷.

Вскоре после начала Гражданской войны профсоюз кожевников НКТ в Барселоне на общем собрании решил полностью коллективизировать отрасль в городе, включая крупные, средние и мелкие предприятия. Работодателей собрали и проинформировали об этом решении. Это был первый коллектив, зарегистрированный в соответствии с каталонским декретом о коллективизации.

Рабочие решили слить мелкие мастерские в более крупные предприятия. Около 40 мелких предприятий было, таким образом, ликвидировано, и осталось 27 фабрик под контролем коллектива. Кроме того, имелось шесть складов для сырья и готовой продукции. Один из секторов коллектива отвечал за оптовую и розничную продажу, и была введена подробная

система бухгалтерского учёта, позволявшая отслеживать потребности в материалах и реализацию продукции коллектива.

На протяжении значительной части войны коллективу удавалось приобретать во Франции сырьё, которое дополняло то, что можно было найти в лоялистской Испании. Однако в конце концов правительство Негрина наложило на это запрет, следуя своей политике по разрушению коллективов²⁸.

Коллективное обувное предприятие гораздо меньшего размера находилось в каталонском городе Лерида. Сразу после начала войны группа рабочих, вместе с владельцем небольшой мастерской и его сыном, создала Коллектив сапожников Лериды. К концу 1937 г. в нём было 38 рабочих, большинство из которых работали в одном помещении. Коллективом управлял комитет из шести членов, трёх от НКТ и трёх от ФАИ, избранных собранием рабочих.

Перед войной практически вся работа выполнялась будущими членами коллектива вручную. Но к ноябрю 1937 г. коллектив имел уже 23 машинки, четыре из которых арендовались, а остальные принадлежали ему. Однажды в конце этого года коллектив за три недели изготовил около 500 пар обуви. Кроме того, бойко шёл ремонт обуви.

В начале ноября 1937 г. Лерида подверглась бомбардировке с воздуха. Это заставило закрыть фабрику на две недели, но рабочие в этот период продолжали получать зарплату.

Устанавливая размер заработной платы в леридском коллективе, анархисты не стали применять на практике свои эгалитарные идеи. Тарифная сетка предусматривала выплату 90 песет в неделю рабочим, от 45 до 65 песет работницам и 20 песет ученикам.

Большую часть продукции леридского коллектива составляли солдатские ботинки, которые покупало каталонское правительство. Однако, по словам Гастона Леваля, незадолго до исчезновения коллектива каталонский советник по экономике, сталинист Хуан Коморера, отказался заплатить за обувь, полученную правительством. Рабочие коллектива были вынуждены жить за счёт ограниченных продаж на гражданском рынке и продуктов со своих огородов. Вскоре после этого Франко захватил Лериду, что привело к окончательной ликвидации коллектива²⁹.

Судостроительный коллектив «Уньон Наваль де Леванте»

Верфь «Уньон Наваль де Леванте» занималась строительством и ремонтом кораблей в Валенсии, и на ней работало 1 400 человек, приблизительно поровну разделённых между НКТ и ВСТ. Она была конфискована рабочими вскоре после начала войны. Был избран комитет верфи, включавший по два представителя от каждой из 21 секций, на которые делилось предприятие. Этот орган выбрал рабочий комитет из семи человек, которые, наряду с двумя администраторами, отвечали за текущую работу «Уньон Наваль».

Во время конфискации верфи на ней строились три судна: мексиканская канонерская лодка и два нефтяных танкера для КАМПСА. Канонерка, которая была уже почти завершена, была передана мексиканским властям в августе 1936 г. Строительство танкеров было приостановлено, и верфь сосредоточилась на ремонте и на строительстве малых судов.

«Уньон Наваль» к тому времени, когда её захватили рабочие, несла значительные убытки. К концу второго полугодия рабочего контроля она приносила небольшую, но ощутимую прибыль. Кроме того, за этот период коллективу удалось заменить многие изношенные машины и другое оборудование.

Условия труда заметно улучшились, в частности, для рабочих были устроены душевые и гардеробы. Коллектив также открыл поликлинику с двумя докторами, где рабочие могли получить необходимое лечение, включая операционное³⁰.

Коллективизация торговли в Валенсии

Единый синдикат торговли НКТ коллективизировал немалую долю торговли в Валенсии. Профсоюз был разделён на секции, которые осуществляли продажу значительного числа различных товаров. Кроме того, Единый синдикат торговли, совместно с отделениями ВСТ, реорганизовал главный продовольственный рынок города.

Продовольственная секция синдиката, которая состояла преимущественно из владельцев небольших овощных магазинов, в большинстве своём не имевших наёмных работников, решила коллективизировать эти заведения. Через год после начала войны этот коллектив контролировал более 80% продуктовых магазинов. 70 магазинов были признаны антисанитарными и закрыты, но в то же время, с целью удовлетворения потребностей населения, коллектив открыл 29 новых торговых точек в разных частях города. Как свидетельствовала НКТ, новые магазины «не только отвечали всем нуждам, для которых они были предназначены, но и были оснащены всем современным оборудованием». Эта секция Единого синдиката включала 950 членов, все они получали зарплату от коллектива.

75 членов мясной секции профсоюза также сформировали коллектив. Источники НКТ подчёркивали, что, когда рабочие этой секции стали получать регулярную плату, у них убавилось желание обманывать своих покупателей. Другими группами, сформировавшими коллективы, были секция торговцев яйцами и курами и секция продавцов чеснока и лаймов³¹.

Важной секцией Единого синдиката торговли была угольная. Собрание её членов в конце сентября 1936 г. решило социализировать распределение и продажу угля в городе. Как и во многих других сферах деятельности, члены НКТ стремились рационализировать поставки угля. Во-первых, мелких торговцев, для которых продажа угля была второстепенным занятием, попросили выбрать, на каком деле они хотят сосредоточиться, и если это будет доставка угля – стать частью коллектива; если же что-то иное – передать коллективу свой угольный бизнес. Во-вторых, многие нерентабельные торговые пункты были закрыты, и на смену им пришли более крупные и, как предполагалось, более эффективные. Кроме того,

коллектив обратил особое внимание на доставку угля в отдалённые районы города, где она раньше была в лучшем случае эпизодической, используя для этого небольшой парк собственных транспортных средств.

Коллектив создал центральный распределительный пункт, на который первоначально поступал уголь. В разных концах города были обустроены помещения, где угольщики в рабочее время оставляли свою уличную одежду и где они могли помыться, когда была закончена их дневная смена на этой довольно грязной работе.

Спустя год с лишним после создания угольного коллектива наибольшую гордость у его участников вызывал тот факт, что цена на уголь, распространявшийся в Валенсии, не выросла за время войны. Это резко контрастировало с ситуацией в Барселоне, Мадриде и других больших лоялистских городах³².

Наконец, 1 февраля 1937 г. Федерация работников распределения (Federación de los Trabajadores de la Distribución) приняла под своё управление основной оптовый продовольственный рынок Валенсии. В этой новой федерации участвовали городские профсоюзы работников торговли и транспорта НКТ и ВСТ, а также региональные федерации сельского хозяйства обеих профорганизаций. Согласно источникам НКТ, рабочая администрация уделяла особое внимание борьбе с наценками розничных торговцев, приобретавших здесь товары, защите от общеизвестных методов мошенничества и поддержанию чистоты на рынке. НКТ утверждала, что цены на профсоюзном рынке оставались значительно ниже тех, что существовали на конкурирующем частном оптовом рынке, который был меньше по размеру, но всё ещё действовал.

Федерация работников распределения также улучшила условия труда для членов коллектива. Были построены новые и более современные конторы, установлены новые души и туалеты для работников³³.

Консервный коллектив Лорки

Одним из коллективов, которые анархисты приводили как образцовый пример рабочего контроля, было консервное предприятие в Лорки, посёлке примерно в 30 километрах от города Мурсия. Этот завод ранее принадлежал графу ла Сьерва, который прославился своими плохими отношениями с рабочими и реакционной политикой. В 1934 г. он закрыл предприятие из-за депрессии.

В начале войны рабочие из НКТ и ВСТ заняли завод и приступили к его восстановлению. В окрестностях выращивалось достаточное количество фруктов и овощей, а первоначальная нехватка сахара и консервных банок, по-видимому, была преодолена коллективом. К февралю 1938 г. завод выпустил 80 тысяч ящиков консервированных томатов и 40 тысяч ящиков апельсиновой мякоти и других фруктов.

Хотя правительство официально интервенировало этот завод, фактически он оставался под управлением контрольного комитета, избранного рабочими. Коллектив являлся совместным

предприятием НКТ и ВСТ34.

Коллективизация в издательском деле

По крайней мере некоторые издательства в Барселоне были захвачены рабочими. Так произошло, например, с «Графика Риэссе», принадлежавшим французу. Когда издательство было конфисковано, бывший владелец явился туда, одетый как рабочий. Однако новый контрольный комитет отказался признать его полномочия и отправил его обратно в Тулузу, где у него была другая типография. Контрольный комитет также уволил управляющего, который был непопулярен среди рабочих.

Одной из первых мер коллектива было резкое снижение зарплаты работникам администрации, и, как следовало ожидать, это не привлекло их симпатии на сторону революции. Коллектив решил сохранить неравенство в оплате труда мужчин и женщин, хотя Антония Фонтанильяс, дочь редактора анархической газеты «Рабочая солидарность», стала лидером работниц и добилась для них существенного повышения зарплаты. Далее, обсуждался вопрос о том, следует ли установить единую зарплату для всех рабочих, но в итоге этого не сделали, в частности сохранились различия в зависимости от стажа. Сеньорита Фонтанильяс, кроме того, стала представителем издательства в барселонском профсоюзе издательского дела НКТ.

В издательстве «Рабочей солидарности» после начала войны было решено ввести одинаковую зарплату для всех, от редактора до самого неквалифицированного рабочего. До войны зарплата редакторов и других административных работников была значительно выше, чем у обычных рабочих³⁵.

Парикмахерский коллектив Барселоны

В то время существовали коллективы, которые кто-то считал нелепыми, но которыми сама НКТ весьма гордилась, и одним из них был коллектив парикмахеров Барселоны. К 19 июля в городе было около 1 100 парикмахерских, многие из которых работали в антисанитарных условиях и очень мало платили своим работникам. Значительное число парикмахеров были безработными.

На общем собрании союза парикмахеров НКТ, прошедшем вскоре после начала войны, было решено коллективизировать парикмахерское дело. Мнения владельцев не спрашивали, и очевидно, некоторые из них были резко против. В то же время многие из них стали членами коллектива.

В отрасли была проведена рационализация. Число парикмахерских сократилось с 1 100 до 235, и принадлежности закрытых заведений были использованы для расширения обслуживания в оставшихся или для замены в них износившихся инструментов.

При новом режиме парикмахерские были открыты с восьми утра до девяти вечера и работали в две смены по шесть с половиной часов. В каждой парикмахерской были два делегата, которые относили дневную выручку в профсоюз и каждую субботу в полдень забирали зарплату для всех работников своего заведения.

Значительная экономия на арендной плате, освещении и других затратах, за счёт закрытых парикмахерских, позволила увеличить зарплату. Она была одинаковой для всех членов коллектива.

Коллектив ликвидировал безработицу среди барселонских парикмахеров. В его состав вошли не только бывшие наёмные работники, но также бывшие владельцы и вдовы членов профсоюза, которые получили работу в разных парикмахерских³⁶.

Британец Франк Еллинек в августе 1937 г. писал, что даже публичные дома в Барселоне были коллективизированы, ссылаясь на Эдуардо Барриоберо, адвоката НКТ, занимавшегося реорганизацией каталонской юстиции в первые недели Гражданской войны. Еллинек отмечал, что анархисты первым делом начали кампанию против проституции, которая включала в себя размещение «ужасающих антивенерических плакатов», изданных «Свободными женщинами». По его наблюдению, анархисты пытались подойти к проблеме с двух сторон: «преобразование общества, которое породило проституток и сделало их отверженными, и “психо-терапевтическое перевоспитание” самих проституток».

Однако далее Еллинек говорит: «Бордели фактически были коллективизированы. Эдуардо Барриоберо объяснил, как это произошло. Однажды ночью Хенералидад отправил к нему комиссию девушек, которые попросили его установить приемлемые расценки. “Любовь, – ответил он, – не может быть товаром, подлежащим оценке. Давайте поступим более практично. Давайте создадим профсоюз любви, и тогда вы сможете экспроприировать своё дело и выгнать мадам вон”. – “Как ни странно, – отмечает Барриоберо, – такие профсоюзы были организованы на полном серьёзе – Синдикатом устроителей банкетов!”»³⁷

Некоторые примеры коммунализации

В некоторых местах лоялистской Испании, особенно в небольших городах и посёлках, анархистам удалось не только коллективизировать отдельные отрасли, но и установить планирование и координацию всей местной экономики через организации трудящихся. В этих случаях им удавалось ближе, чем в крупных городах, подойти к своему идеалу: профсоюз как основа реорганизации экономики и местная коммуна как основа устройства революционного общества.

Неизвестно, сколько таких экспериментов было предпринято за время Гражданской войны. Однако, как я указывал в главе 13, они в первый год войны были довольно широко распространены в тех частях Арагона, которые контролировались анархистами. В данном разделе я рассмотрю один пример в Каталонии и два в Левантийском регионе.

В каталонском посёлке Росас коллективизация была всеобщей. Основным занятием жителей была рыбная ловля, и коллектив рыбаков был создан одним из первых. В него вошли как наёмные работники, так и собственники, последние – не всегда добровольно. На окраине посёлка располагался сельскохозяйственный коллектив, включавший в себя всех местных крестьян. И в рыболовном, и в сельскохозяйственном коллективе каждый член получал одинаковый базовый доход, с доплатой на каждого члена семьи, находящегося у него на содержании.

В дополнение к этим двум были созданы коллективы пекарей, механиков, плотников и другие. Все коллективы были представлены в экономическом совете, который координировал экономику всего посёлка и оказывал помощь финансово слабым коллективам на средства тех, что находились в лучших условиях.

Все коллективы были созданы членами НКТ. Представители НКТ и «Левых республиканцев Каталонии», единственных значимых политических групп в посёлке, составляли муниципальный совет, который отвечал за снабжение. Он закрыл все частные магазины и создал кооперативные распределительные пункты, где работники покупали товары за особые купоны. Часть зарплаты выдавалась в этих купонах, а часть – в деньгах³⁸.

Сходным образом развивались события в городе Вильена-де-Валенсия, с населением около 25–30 тысяч человек. Здесь была создана коммуна, охватывавшая целую комарку, центром которой была Вильена-де-Валенсия. Когда началась война, ВСТ преобладал среди местных сельских тружеников, а НКТ – среди городских рабочих.

Большинство помещиков бежали с началом войны, и на их землях были организованы коллективы, хотя мелких землевладельцев, которые остались на своих участках и не хотели вступать в коллективы, не принуждали к этому. Кроме сельскохозяйственных, согласно источникам, было организовано 14 городских коллективов. Они занимались обработкой дерева, металла, кожи, хлебопечением, изготовлением вина и алкогольных напитков и текстильным производством. Все коллективы были представлены в Регулирующем совете экономики (Consejo Regulador de Economía), совместно созданном НКТ и ВСТ. Этот орган контролировал всю местную экономику. Он имел исключительное право продавать за пределы комарки товары, произведённые в ней. Зарплата всем работникам во всех отраслях выплачивалась советом; вся прибыль передавалась совету.

Состояние экономики было выравнено. Совет использовал прибыль от тех отраслей, которые работали успешно, чтобы помочь тем, у кого дела шли плохо; зарплата для всех была одинаковой – вначале приравненная к жалованью солдата на фронте, позже она была значительно увеличена.

Значительное большинство предприятий в данном районе, как сообщалось, преуспевали в финансовом и экономическом отношении. В деревообрабатывающей промышленности, к примеру, все фирмы к началу войны испытывали трудности; у большинства из них были серьёзные долги. Коллектив погасил эти долги, и к концу войны все мастерские были в лучшем состоянии, чем на её начало.

В большинстве случаев бывшие собственники были включены в состав коллективов на правах работников. В той же деревообработке председателем коллектива был член НКТ, секретарём – бывший собственник, казначеем – член ВСТ, и было четверо других членов выборного исполнительного органа, три из которых являлись бывшими собственниками.

Собственник, который стал секретарём деревообрабатывающего коллектива, спустя годы рассказывал такую историю: у него была хилая кошка, которую кто-то украл. Вор хорошо откормил эту кошку, а потом вернул её. Он был благодарен за то, что кошка раздобрела, но всё же не мог забыть, что она была украдена. Под кошкой, естественно, подразумевалась его фирма.

В Вильена-де-Валенсии не предпринимались попытки рационализировать производство, как происходило во многих других местах. Тем не менее в местной текстильной отрасли, которая к началу войны имела небольшие объёмы, фабрики значительно увеличились в размере. Они изготавливали рубашки и нижнее бельё для армии³⁹.

Коммунизация, которой сторонники НКТ больше всего гордились и о которой они впоследствии много писали, произошла в Алькое, с населением 45 000, втором по размеру городе провинции Аликанте.

Хотя здесь существовали профсоюзы ВСТ, с общим числом членов около 3 000, в основном среди гражданских служащих и мелких торговцев, именно НКТ, с 6 500 членов, «контролировала самые существенные экономические функции, необходимые для общественной жизни». Профсоюзы НКТ включали в себя работников пищевой и бумажно-картонной промышленности, строительства (включая архитекторов), гигиены, транспорта, коммунальных служб, ремонта и чистки обуви, текстильного и швейного производства, металлургии, интеллектуального труда (учителя, художники, писатели) и овощеводов в окрестностях города.

Именно профсоюзы НКТ начали коллективизацию, каждый в своей отрасли местной экономики. Гастон Леваль подчёркивал анархо-синдикалистскую и антибюрократическую природу экономических организаций в Алькое в годы Гражданской войны: «Всё контролировалось синдикатами. Но не стоит исходя из этого предполагать, что несколько высших бюрократических комитетов принимали все решения, не советуясь с рядовыми членами профсоюза. Здесь также практиковалась либертарная демократия. Как и во всей НКТ, здесь существовала двойная взаимно-обратная связь: от основания, от масс рабочих, членов профсоюзов и активистов – вверх и в другом направлении – влияние федерации на эти местные единицы, идущее вниз через все уровни. От начала и обратно к началу...» На каждом уровне действовали администраторы, избранные соответствующим общим собранием трудящихся.

На вершине экономической структуры Алькоя находился Синдикальный административный комитет. Каждая отрасль имела в нём своих представителей. Леваль описывал его функции:

■

«Когда секция сбыта получала заказ, она передавала его в производственную секцию, в задачу которой входило решить, какие мастерские лучше всего оснащены для производства требуемых товаров. Уладив этот вопрос, она заказывала сырьё из соответствующей секции. Последняя передавала указания на склады, которые предоставляли материалы, и наконец, детали об операции приходили в секцию закупок, которая, таким образом, могла восполнить израсходованный материал»⁴⁰.

Городские коллективы в Астурии

О коллективах, созданных в Астурийском регионе, писали мало. Тем не менее очевидно, что в первые дни и недели Гражданской войны здесь в широком масштабе происходили захваты промышленных и торговых предприятий рабочими. НКТ предпочитала рассматривать этот процесс как временный, ожидая, что после успешного завершения войны будет принято окончательное решение.

Рональд Фрейзер отмечает:

“ «В... городе стали – Ла Фельгере, традиционном оплоте НКТ, анархо-синдикалисты не предпринимали попыток коллективизировать сталелитейную компанию “Дуро-Фельгера”, в которой работало около 4 000 человек. Как и в октябре 1934 г., был создан рабочий контрольный комитет, полностью состоявший из активистов НКТ, которые вскоре обнаружили, что производству препятствовала потеря инженеров, многие из которых бежали или скрывались. Двух политически надёжных инженеров компании отыскали на заводах Бильбао, и они вернулись, когда их попросили войти в рабочий комитет, который не осуществлял техническое руководство работами, но оказывал значительное влияние на тех, кто этим занимался»⁴¹.

Постфранкистская региональная газета НКТ «Либертарное действие» сообщила:

“ «НКТ стремилась подчинить профессиональной и экономической администрации синдиката те предприятия, которые первоначально были захвачены; она предложила, чтобы организация трудящихся позаботилась о промышленных предприятиях, магазинах, кафе, ресторанах и т.д. до конца боевых действий, отложив до этого момента решение проблемы в соответствии с законодательными нормами, установленными для всей страны»⁴².

Рамон Альварес отмечал, что «управление производством было централизовано в Департаменте промышленности, с Сегундо Бланко во главе»⁴³. Бланко отдал распоряжение объединить мелкие предприятия в более крупные и эффективные. Он рекомендовал, чтобы собственники, которых это затрагивало, включались в производственный процесс и им

предоставлялись те же права и средства к существованию, что и остальным работникам⁴⁴.

Региональный конгресс НКТ в мае 1937 г. призвал создать структуру локальных, региональных и национальных экономических советов, согласно принципам НКТ. Эти советы выполняли бы различные задачи по координации экономической деятельности в пределах своей компетенции: «В общих словах: развивать и поощрять все инициативы, обеспечивающие лучшее знание потребностей страны и рациональный контроль в обширной области производственных мероприятий»⁴⁵. Развязка войны наступила в Астурии всего через несколько месяцев после регионального конгресса НКТ, так что было мало шансов осуществить его резолюции.

Рамон Альварес кратко изложил организацию продовольственного дела во время войны:

“ «...Рабочий контроль раньше всего был установлен в рыбной промышленности, после того как она была конфискована и возвращена к работе; были заключены контракты, чтобы обеспечить снабжение изолированной зоны. Мы должны были организовать сеть распределительных пунктов в городских районах. Нами был создан Главный кооперативный совет и затем введены семейные карточки, которые предъявлялись на распределительных пунктах. Был создан Департамент торговли и рыболовства (я был его советником), который занимался снабжением гражданского населения и армии»⁴⁶.

В Астурийском регионе получила широкое распространение «синдикализация» отраслей. Лидер НКТ Сегундо Бланко, занимавший пост советника по промышленности в Межпровинциальном совете Астурии и Леона, издал декрет, гласивший:

“ «...Когда социальная революция восторжествует, все предприятия с их оборудованием будут переданы соответствующим синдикатам, которые будут управлять ими как собственностью рабочих». Официальная сталинистская история Гражданской войны утверждала: «Каждый синдикат делал предприятия, которые он контролировал, своей вотчиной и препятствовал попыткам установить общий план военного производства». Однако, в противоречие этому утверждению, то же издание отмечает: «...Основные металлургические заводы, “Трубия”, “Моредра”, “Лавиана”, “Металес Лугонес”, “Дуро-Фельгера” и другие, начали производить, хотя и в малых объёмах, артиллерийские снаряды, орудия и бронеавтомобили, а также наладили выпуск винтовочных патронов»⁴⁷.

Рыболовство, имевшее большое значение для Астурии, было коллективизировано по инициативе рыбацких профсоюзов. В этот коллектив также были включены консервные заводы и рыбные рынки. Согласно Хосе Пейратсу:

«В первые месяцы эксперимента деньги не имели хождения среди рыбаков. Семья обеспечивалась всем необходимым по предъявлении карточки производителя и потребителя. Рыбаки отдавали свой улов, получая взамен эти карточки»⁴⁸.

Очевидно, что многие предприятия не были конфискованы своими синдикатами. Для тех фирм, которые не были коллективизированы, была введена система рабочих контрольных комитетов. Они создавались совместно НКТ и ВСТ, и членами контрольных комитетов должны были быть те, кто состоял в той или иной профсоюзной организации до 19 июля 1936 г.

Роль контрольного комитета была определена в документе, изданном региональными отделениями НКТ и ВСТ в январе 1937 г.:

“ «Контрольный комитет – это именно контрольный комитет. НКТ и ВСТ обязуются популяризовать среди своих организаций миссию этих контрольных комитетов, которая заключается не в управлении или поглощении функций технических административных органов. Их основной задачей является сотрудничество с руководством: содействовать администрации в инициативах и предложениях любого рода; работать для точного выполнения планов производства, относительно организации которого они должны оставаться информированными; указывать администрации на аномалии и дефекты, чтобы устранить их и улучшить условия труда и производства. Дирекция, администрация и технические органы будут нести по отношению к контрольным комитетам те же самые обязательства»⁴⁹.

Заключение

Во время Гражданской войны в лоялистской Испании наблюдалось большое разнообразие экспериментов по рабочему контролю в различных секторах городской экономики. Инициатива обычно исходила от рабочих, состоявших в НКТ или, по крайней мере, испытавших влияние анархической пропаганды. Однако во многих случаях, особенно в Леванте и Астурии, рабочие ВСТ также принимали участие в этих экспериментах.

Чаще всего рабочий контроль был организован на основе отдельно взятых предприятий. Однако были случаи, когда определённый профсоюз стремился координировать все контролируемые рабочими фабрики и заводы в пределах своей юрисдикции. Наконец, было проведено неустановленное число экспериментов с профсоюзным регулированием всей местной экономики, несколько примеров которых мы видели. Лишь в Астурийском регионе, по-видимому, была предпринята попытка координировать коллективы в региональном масштабе, которая осуществлялась под эгидой двух членов НКТ, входивших в правительство Астурии.

22. Инициативы анархистов в образовании, здравоохранении и социальном обеспечении

В предыдущих главах мы отмечали, что анархические сельские коллективы времён войны имели обыкновение открывать или расширять школы в своих районах. Мы также видели, что для городских коллективов практически универсальной тенденцией было предоставлять своим членам медицинские услуги и пенсии по старости. В этой главе мы рассмотрим мероприятия более общего характера в образовании, медицине и связанных областях, которые проводились анархистами во время Гражданской войны и не относились к какому-либо отдельно взятому коллективу.

Традиционное отношение испанских анархистов к образованию

Для испанских анархистов было характерно двойственное отношение к образованию. Если говорить кратко, хотя, может быть, и упрощённо, они страстно верили в необходимость образования и в то же время были склонны с подозрением относиться к образованным.

Джеральд Бренан, говоря о первых десятилетиях двадцатого века, описывал тягу к образованию среди рядовых анархистов:

“ «Движение по созданию анархистских школ... набирало силу в разных частях страны. В Барселоне Франсиско Феррером была основана Современная школа (Escuela Moderna). В ней детей учили верить в свободу, социальное равенство и тому подобное и, прежде всего остального, ненавидеть церковь, проповедующую ложные и “извращённые” доктрины. Были также вечерние школы для взрослых и печатный станок, из-под которого непрерывным потоком выходили анархистские книги и брошюры... Другие школы были открыты в Андалусии. Там рабочих людей учили читать и отрекаться от религии, порока и алкоголизма...»¹

Гастон Леваль как-то подсчитал, что к началу Гражданской войны было от 50 до 60 таких анархических школ в разных частях Испании². В другом месте он указывает большее число – от 50 до 1003. «Чтобы поддержать эту школу, как я видел в одном селе в провинции Валенсия, крестьяне лишали себя единственного удовольствия, табака, чтобы сберечь дуру (пять песет) в месяц. Учителем всегда был товарищ-самоучка, который, несмотря на отсутствие диплома, был намного компетентнее, чем значительное большинство профессиональных учителей»⁴.

Даже некоторые критики анархистов отдавали должное их образовательным стремлениям. Например, Габриэль Прадель, который после войны был редактором эмигрантской газеты «El Socialista», отмечал, что большинство сэнэтистов были работниками физического труда, но многие из них по-настоящему желали учиться, были вдумчивыми, хотя и не всегда дисциплинированными читателями и имели познания во многих областях⁵.

Жерминаль Эсглеас, неофициальный муж Федерики Монсень и национальный секретарь НКТ в эмиграции, который много лет преподавал в анархической, или, как её называли, «рационалистической», школе, находившейся в Матаро, описал это учреждение. Он отметил различия между «рационалистической» школой и Современной школой Франсиско Феррера. В то время как школа Феррера стремилась привить своим ученикам идеи анархизма, рационалистическая школа принципиально отказывалась от индоктринации каких-либо идей. Вместо этого учителя пытались предоставить ученикам всю информацию и материалы, которые были нужны им для того, чтобы определиться со своими взглядами.

В школе, где преподавал Эсглеас, было пять учителей, и из них только один был учителем в государственной школе. Остальные четыре не имели официальной учительской квалификации. Они обучали от 250 до 300 детей в возрасте от шести до шестнадцати. Эсглеас говорил, что их школа была оборудована так же хорошо, как и государственные школы в их время. В ней преподавались такие общие дисциплины, как чтение, письмо, арифметика, география, история, литература, математика, вплоть до алгебры, которую изучали все ученики, а также другие, более сложные предметы для специально отобранных учеников.

Эсглеас говорил, что у НКТ были такие рационалистические школы в большинстве каталонских городов, где у неё было сколько-нибудь значительное число последователей. Их считали важными не только потому, что они способствовали развитию любознательности у молодёжи, но и из-за низкого качества преподавания в прочих школах, церковных и государственных⁶.

Другая сторона отношения анархистов к образованию подтверждается многими их лидерами, с которыми мы беседовали годы спустя после Гражданской войны. К примеру, Фидель Миро, во время войны возглавлявший «Либертарную молодёжь», отмечал, что последователи анархистов в Андалусии и Мурсии по большей части были неграмотными, но даже и в Каталонии, где неграмотность была распространена меньше, большинство рабочих-анархистов являлись самоучками и их представления были «несколько сумбурными». Он говорил, что многие из этих рабочих-самоучек были антиинтеллектуальными. С другой стороны, чрезвычайно развитый дух равенства

анархистов, выразившийся в использовании ими обращения «ты» (tu) вместо «вы» (usted) даже по отношению к незнакомым, задевал «достоинство» многих людей с университетским образованием.

Фидель Миро добавлял, что некоторых идеалистически настроенных интеллектуалов привлекало анархическое движение и они становились его частью. Однако он пришёл к выводу, что, за рядом важных исключений, анархистам не повезло с теми интеллектуалами, которые присоединились к их рядам⁷.

Хавьер Эльбайлье, лидер НКТ в эмиграции, также подчёркивал подозрительность анархистов в отношении интеллектуалов, считавшихся «буржуазией». Он отмечал, что одним из последствий этого стала нехватка в НКТ подготовленных кадров для административной работы, которая дала о себе знать, когда с началом Гражданской войны в руки анархо-синдикалистов перешла значительная часть экономики⁸.

Сальвадор Гурручарри, лидер «Либертарной молодёжи» в эмиграции, соглашался с такой оценкой. Однако он также отметил, что во время Гражданской войны «замечательная» группа интеллектуалов, которые никогда не состояли в организации, тесно сотрудничала с НКТ в различных аспектах её работы⁹.

Некоторые лидеры анархистов признавали тот недостаток, который представляла собой ограниченная численность интеллигенции в их рядах. Например, Габриэль Сесма, глава федерации металлистов Каталонии до и во время войны, предлагал, чтобы дети из семей анархистов отправлялись в университеты за счёт НКТ и получали там образование, которое будет полезным после революции. Это предложение было отклонено НКТ из опасения, что обученные таким образом молодые люди станут «буржуа». Сесма впоследствии отмечал, что во время войны в НКТ заметно ощущался недостаток людей, имевших необходимое образование¹⁰.

Подозрительность НКТ по отношению к людям с высшим образованием, возможно, нашла своё отражение в том факте, что организация всё ещё не имела национальной федерации учителей, когда Гражданская война уже была в самом разгаре. Только в июле 1937 г. была создана Национальная федерация преподавательских синдикатов (Federación Nacional de Sindicatos de la Enseñanza). Она была учреждена по инициативе союза учителей Мадрида, который ещё в сентябре 1936 г. предлагал образовать подобную организацию. Их предложение получило мощную поддержку со стороны учительских федераций в Валенсийском регионе и Каталонии. На момент создания национальная федерация включала в себя 22 300 членов, крупнейшим отделением было барселонское, с 9 228 членами, следом шёл Мадрид, с 2 284. Федерации в Леванте, Андалусии, Арагоне и Эстремадуре также вошли в состав национальной федерации. Согласно Ф. Кардоне Роселю, секретарю Региональной федерации преподавательских синдикатов Центра, мадридское отделение было лучше всего организованной группой национальной федерации, и его филиалы имелись в каждой провинции Кастилии¹¹.

Совет объединённой новой школы в Каталонии

Если не считать Арагона, который в первый год войны почти полностью контролировался анархистами, их влияние в области образования было наиболее заметным в Каталонии. 27 июля 1936 г., через неделю после подавления мятежа, был издан декрет о создании СЭНУ – Совета объединённой новой школы (Consejo de la Escuela Nueva Unificada), продолжавшего свою работу до окончания боевых действий в Каталонии.

Диего Абад де Сантьян следующим образом описывал достижения совета:

“ «Усилия СЭНУ принесли чудесные плоды, за несколько месяцев была проделана работа, которую Республике не удалось провести за пять лет её существования. Детей, посещавших официальные школы в Барселоне, до 19 июля было 34 000; через пять месяцев после начала революционного движения было 54 758 ходивших в школу. Создание школ проходило темпами, никогда ранее не виданными. Число школьников в Каталонии почти утроилось, не говоря уже об улучшении материалов и педагогической ориентации»¹².

Влияние анархистов в СЭНУ было огромным, хотя и не исключительным. Совет состоял из равного числа представителей НКТ и ВСТ, а также правительственных назначенцев¹³. Председательствовал в нём профессор-анархист Хуан Пуч Элиас, который, приступив к работе, немедленно организовал трёхмесячные курсы для подготовки учителей к новому школьному году. За шесть месяцев СЭНУ назначил 4 707 новых учителей¹⁴. Эмма Гольдман, русско-американская анархистка, писала Пучу Элиасу, что он является «одним из самых выдающихся современных педагогов в мире, человеком широкой культуры, глубоким психологом, понимающим жизнь ребёнка»¹⁵.

В совете относительно редкими были конфликты между сэнэтистами и их оппонентами. Единственным серьёзным противником анархистов была представительница ВСТ, некогда состоявшая в НКТ. Однако после майских событий 1937-го один из членов совета от ВСТ, который входил в ПОУМ, был убит сталинистами¹⁶.

Наряду с членами, представлявшими НКТ, ВСТ и каталонское правительство, в СЭНУ также входили представители Барселонского университета, Промышленного университета и региональной Комиссии изящных искусств¹⁷.

Мигель Кабра, во время войны бывший секретарём учительской секции Синдиката свободных профессий НКТ в Барселоне, отмечал, что, хотя совет стремился ввести общую программу для всех школ региона, одним из его основных принципов был широкий простор для экспериментов в методах преподавания. Ближайшей целью совета было обеспечить учебными помещениями и учителями всех каталонских детей школьного возраста к

октябрю, когда должен был начаться школьный год. Кабра говорил, что, хотя эта цель и не была достигнута по всему региону, её по большей части удалось осуществить в Барселоне. В конце 1936 г. в Барселоне было открыто восемьсот новых классов; из этой суммы следует вычесть закрытые церковные и частные школы¹⁸. Согласно Гастону Левалю, если до войны в Ospitalете лишь 4 из 8 тысяч детей школьного возраста посещали школу, то с началом 1936/37 академического года в классах занималось 6,5 тысяч¹⁹.

СЭНУ пополнял учительский состав из нескольких источников. Во-первых, трудоустроили всех безработных учителей, которых было немало. Кроме того, в школы совета были переведены преподаватели из частных школ, а также учителя-миряне из церковных школ. Учительницы-монахини, которые были готовы работать при новых условиях, также получили места, хотя, конечно же, им не разрешалось приходить на работу в своём монашеском облачении или преподавать основы религии.

Существующие анархические школы были включены в новую систему. К тому времени в Барселоне их было семь: Современная школа, основанная Франсиско Феррером и всё ещё работавшая под эгидой профсоюза фабричных рабочих НКТ, школа профсоюза металлистов, а также районные школы в баррио Ospitalет, Кармело, Барселонета, Санта-Колома и Сан-Андрес²⁰. Феликс Карраскер указывал, что за время войны 20 новых школ в Барселоне были организованы непосредственно анархистами²¹.

В рамках новой системы образования действовали некоторые специализированные учреждения. Было создано четыре или пять школ-интернатов для детей милиционеров, о которых не могли заботиться их семьи.

Детский дом Рибас также был включён в систему СЭНУ. До 19 июля его воспитанники должны были носить униформу, а их жизнь подчинялась строгому режиму. При Мигеле Кабре униформа была отменена; школа была разделена на начальную, которая находилась в здании детского дома, и старшую, которая разместилась неподалёку в конфискованной церкви. Учителя старались преодолеть конфликты между воспитанниками детского дома и детьми из близлежащего района, которые посещали как начальную, так и старшую школу.

Когда Кабра возглавил детский дом Рибас, в нём находилось 70 детей. Впоследствии численность учащихся увеличилась до 300 постоянно проживающих, 500 приходящих и 50 взрослых в вечерней школе²².

Вообще говоря, каталонские школы во время войны пытались удовлетворять потребности в образовании как детей младшего и старшего школьного возраста, так и взрослых, которые хотели учиться читать и писать или изучать более сложные предметы. Занятия для этих взрослых проводились по вечерам, когда дети уходили домой.

Феликс Карраскер, член Полуостровного комитета ФАИ, преподававший в одной из анархических школ, описывал применявшиеся в них методы. По его словам, эти школы были построены на либертарных принципах, и их основной идеей было то, что дети сами должны направлять своё обучение; оно не должно было навязываться. Их наследниками являются инициативные школы.

Карраскер говорил, что многие из принятых учеников уже умели читать и писать, и их поощряли читать хорошую литературу разного рода. В школах не было учебников, но у детей был широкий выбор доступных книг, которые они могли прочесть по своему желанию.

Если дети ещё не умели читать, учитель просил их сказать какую-нибудь простую фразу, первое, что приходило на ум, и затем записывал её на доске. Детям давали печатный шрифт, чтобы они подобрали буквы, а потом отводили их к молодому человеку, который управлял небольшим печатным станком, он печатал то, что они набрали, и они с гордостью относили это домой.

Даже арифметика, для которой требовался более структурированный подход, была привязана к обучению детей на их собственном опыте. Их поощряли самостоятельно задавать вопросы о сложении и вычитании, и учителя избегали принуждения.

Карраскер утверждал, что эта ориентация на добровольность обучения, основанная на желании детей узнавать, на их понимании необходимости знания, а не на принуждении их к чему-либо, отражалась и на отношениях самих учеников. Среди них, как он говорил, жил дух сотрудничества, а не соревнования, и среди детей никогда не было ссор; эгоизм, который является причиной ссор, не проявлялся в этих школах²³.

Вероятно, большее распространение, чем либертарный подход к образованию в анархических школах, получили некоторые другие реформы в системе образования, осуществлённые СЭНУ. Были открыты школы в посёлках и сёлах, удалённых от центров провинций, во многих из них – впервые. В каталонских школах повсеместно было введено совместное обучение. Прилагались усилия для того, что создать библиотеки в каждой школе, что до войны было сравнительно редко. Часто эти библиотеки складывались из книг, пожертвованных местными жителями²⁴.

В Барселоне и нескольких провинциальных городах также были организованы «народные университеты». Барселонский университет не мог нормально функционировать во время войны, и НКТ создала Народный университет в зданиях бывшей семинарии. В нём работали многие преподаватели из Барселонского университета, а также из школ, которыми до (и во время) войны руководили анархисты. Народный университет предлагал широкий набор курсов по естественным, общественным и гуманитарным наукам. Особый акцент делался на экономике.

Народные университеты не пытались пропагандировать анархизм. Хуан Пинтадо, который позднее стал лидером НКТ в эмиграции, вспоминал, что, будучи студентом в Народном университете Барселоны, он не слышал ни одной лекции по анархизму, хотя «слышал много разговоров о свободе». Был даже курс сравнительного религиоведения.

Посещать занятия в Народном университете Барселоны мог любой учащийся, рекомендованный преподавателем. За обучение не взималось никакой платы, более того, если посещение занятий создавало финансовые трудности для семьи студента, ему выплачивалась небольшая стипендия²⁵.

Специализированные школы

По инициативе анархистов во время войны были организованы различные специализированные школы. Одна из них была создана в родильном доме в Барселоне, директором которого в течение шести месяцев был анархист Феликс Карраскер. Он пригласил молодых мужчин и женщин – в основном, как он говорил, социалистов, – которые после обеда вели занятия для медсестёр и будущих (или уже нынешних) матерей, «посвящённые заботе о детях, природе революции, развитию войны и другим вещам».

Школа также готовила новых медсестёр. В учреждении проживала группа малолетних, которых называли «детьми палаты». Это были девочки, которые в десять лет вместо того, чтобы уйти в детский дом, остались в родильном доме помогать медсёстрам. Карраскер организовал курсы для подготовки этих девочек к работе медсестёр, и хотя он покинул учреждение до того, как их обучение было закончено, ему сообщили, что все слушательницы курсов стали медсёстрами.

Карраскер также участвовал в работе ещё одной специальной школы, которая была открыта в Бинефаре, Арагон. Это учебное заведение было организовано им для НКТ, «чтобы готовить людей с адекватной социальной этикой на должности администраторов коллективов, в которых была большая необходимость, и секретарей муниципалитетов...» Школа вначале обслуживала только комарку Бинефара, но впоследствии была повышена до регионального учреждения НКТ и охватила весь республиканский Арагон. Каждое местное сообщество посылало в школу двух или трёх молодых людей в возрасте от 15 лет.

Каждый день проходило три или четыре теоретических урока, которые давал сам Карраскер, поскольку «молодёжь ничего не знала из грамматики, почти ничего из арифметики и ничего из географии, истории или счетоводства». Кроме того, три часа в день ученики работали в пришкольном хозяйстве, которое давало основную часть денег для содержания школы.

Карраскер находился под сильным влиянием идей Джона Дьюи и Селестена Френе. Следуя рекомендациям последнего, Карраскер сформировал добровольные группы учащихся, изучавшие физику, агрохимию, социологию и фотографию. В школе была библиотека. Учащиеся занимались в группах самостоятельно, Карраскер выступал в роли консультанта, если они сталкивались с проблемами, которые не могли решить.

Карраскер говорил Виктору Альбе, что молодёжь очень положительно реагировала на учебную программу, которую предлагала школа. По его словам, после зачисления большинство из них «были больше настроены на драки и болтовню, чем на учёбу, но, оказавшись в школе нового типа, они ответили таким энтузиазмом, что в десять вечера мне приходилось весьма настойчиво просить их идти спать».

Через восемь месяцев школа начала выпускать секретарей коллективов и муниципалитетов. Однако, когда был объявлен военный призыв для молодёжи, многих учащихся забрали в армию.

Когда Совет Арагона был распущен правительством Негрина и на арагонские коллективы двинулись войска коммунистов, новый губернатор Арагона, Мантекон, распорядился закрыть школу. Однако фактически она была переведена в район Каспе, где негласно продолжала работать, пока Арагон не был захвачен войсками Франко в 1938 г. После этого она переехала в Каталонию и действовала ещё несколько месяцев, пока этот регион также не оказался под контролем Франко²⁶.

Местная федерация единых синдикатов Барселоны НКТ открыла техническую школу, необходимость в которой возникла после прихода на фабрики и заводы множества женщин, так как мужчин всё чаще призывали на военную службу. Она называлась Школой профессиональной адаптации для женщин, и её целью было позволить «работницам получить необходимую подготовку, чтобы быть в состоянии заменить тех, кто, продолжая дело пролетариата, сменил своё орудие, чтобы дать решительный бой фашизму». Организация этой школы и управление ею возлагались на «Свободных женщин».

Когда влияние сталинистов в каталонском правительстве стало преобладающим, Хенералидад решил создать Институт профессиональной адаптации, чтобы выполнять практически ту же самую работу. НКТ заявила, что у неё нет возражений против этой идеи, но для достижения цели, поставленной каталонским правительством, достаточно всего лишь включить представителей ВСТ в руководство школы, которая уже работает под эгидой «Свободных женщин»²⁷.

Одна из специализированных школ, созданных НКТ во время войны, школа для подготовки активистов Конфедерации, по словам Хуана Гарсии Оливера, потерпела неудачу, хотя он не говорит в подробностях, в чём выражалась эта неудача. Школа была создана в региональной штаб-квартире НКТ в Барселоне во время существования Комитета милиции и имела обширный учебный план, включавший как теоретические, так и практические занятия.

Среди предметов, вошедших в этот план, были: изучение различных школ интерпретации истории; эволюция профсоюзного движения от средневековых гильдий до «революционного синдикализма»; ораторское искусство; теории социализма, как анархические, так и марксистские; развитие анархических идей; структура и функционирование НКТ и её профсоюзов²⁸. Эта школа подготовки активистов, очевидно, не получила широкой известности, и причины и обстоятельства её закрытия остаются неясными.

НКТ и ФАИ Каталонии провели 8 октября 1936 г. совместную конференцию, посвящённую вопросам и проблемам образования²⁹.

Врачи и другой медицинский персонал в анархическом движении

Наряду с развитием образовательных учреждений анархисты во время войны также активно занимались расширением медицинского обслуживания. Среди интеллектуалов,

относившихся к анархическому движению перед Гражданской войной, было несколько выдающихся врачей. Гастон Леваль упоминает пятерых из них. Педро Вальина был, вероятно, самым выдающимся лидером анархистов в Андалусском регионе, и Леваль описывает его как «воплощение анархического апостола и героического бойца, чьё влияние распространялось на всю Андалусию». Исаак Пуэнте «пользовался огромным влиянием в регионах Арагона, Риохи и Наварры, будучи одной из активнейших личностей, журналистом в нашей прессе, автором превосходных научно-популярных брошюр и секретарём ФАИ». Ампаро Пок-и-Гаскон была «самой культурной женщиной нашего движения». Роберто Ремартинес описывается Левалем как «обладатель энциклопедической культуры, один из мэтров либертарного поколения, блиставшего во время революции». Наконец, Феликс Мартí Ибаньес был «лицом группы врачей-социологов, появившейся в те годы, гуманистом, специалистом в сексуальных и психоаналитических проблемах, превосходным писателем»³⁰.

В годы, предшествовавшие Гражданской войне, анархисты сами создали несколько организаций в области здравоохранения. Самой известной из них было Общество взаимной помощи Леванта (Sociedad de Socorros Mutuos de Levante). Согласно Левалю, в нём «было много врачей и специалистов. Это было больше чем общество взаимопомощи в традиционном понимании, это была ассоциация, распространявшаяся по всему Леванту...» (Общество пережило Гражданскую войну и всё ещё существовало в начале 1970-х³¹.)

Во время войны НКТ дала описание Общества взаимной помощи Леванта. В его распоряжении было 50 врачей. Проводилось специальное лечение при несчастных случаях, а также процедуры хирургии, рентгенологии, педиатрии, гинекологии и многих других направлений. Услуги «Мутуа» предоставлялись рабочим, входившим в него, и членам их семей³².

Тем не менее в области здравоохранения, как и во многих других, была очевидной незавершённость довоенной организационной структуры НКТ. В Барселоне – и, по-видимому, в других местах – не было даже отдельного профсоюза медицинских работников, а только секция Синдиката свободных профессий³³. Лишь в сентябре 1936 г. сэнэтистами был организован Синдикат здравоохранения, очевидно охватывавший всю Каталонию.

В феврале 1937 г. новый профсоюз насчитывал 7 000 членов, включая 1 020 врачей, 3 206 медсестёр, 330 акушеров, 603 дантиста, 220 ветеринаров и представителей других специальностей³⁴. Каталонский ВСТ также организовал профсоюз медицинских работников, но он был гораздо меньше профсоюза НКТ, и, по оценке Гастона Леваля, в его рядах было меньше 100 врачей³⁵.

Национальная федерация единых синдикатов здравоохранения НКТ (Federación Nacional de los Sindicatos Únicos de Sanidad) появилась лишь в феврале 1937 г. Она разрабатывала обширные планы, собираясь после окончания гражданской войны реорганизовать медицинскую службу по всей стране³⁶.

Реорганизация здравоохранения в Каталонии

В Каталонии бóльшую часть первого года Гражданской войны работа анархистов в области здравоохранения велась на двух уровнях: напрямую через профсоюзы и через региональное правительство. Когда анархисты в сентябре 1936 г. вошли в правительство Каталонии, они, помимо прочего, получили пост советника по здравоохранению, который занял Антонио Гарсия Бирлан, ещё один выдающийся врач в анархическом движении. Гарсия Бирлан назначил Феликса Марти Ибаньеса генеральным директором здравоохранения и социального обеспечения. С этих пор и до окончательного устранения анархистов из регионального правительства, через несколько месяцев после Майских дней, вопросами здравоохранения в правительстве Каталонии занимались анархисты³⁷.

Однако ещё до вхождения в каталонское правительство анархисты участвовали в управлении региональной системой здравоохранения и её расширении. Подобное вмешательство – как и создание промышленных и прочих коллективов – часто было результатом особенных обстоятельств, сложившихся в первые недели и месяцы Гражданской войны.

Одним из таких случаев был уже упоминавшийся барселонский родильный дом. Через несколько недель после начала войны Феликс Карраскер был срочно вызван сюда товарищами-анархистами, проживавшими поблизости, которые просили его о помощи.

Проблема заключалась в том, что каталонское правительство внезапно приказало монахиням, которые заведовали роддомом, покинуть заведение и прислало грузовик со штурмовыми гвардейцами, чтобы их выпроводить. Если бы это было исполнено, о женщинах и их детях некому было бы позаботиться. Прибыв на место с несколькими вооружёнными милиционерами, Карраскер приказал гвардейцам вернуться обратно, после того как попросил монахинь, которые уже сидели в грузовике, вернуться к своей работе.

Карраскер немедленно взял на себя руководство роддомом. Через несколько дней он был утверждён на этом посту барселонским местным комитетом НКТ, а каталонское правительство назначило его заместителем. Карраскер оставался директором роддома в течение шести месяцев.

Это учреждение принимало в основном женщин, не состоявших в браке. Обычно они выписывались через несколько дней после родов, часто оставляя здесь своих детей, которые воспитывались здесь до десяти лет, а потом отдавались в приют. Карраскер стремился изменить этот порядок. Он распорядился, чтобы ни одна мать не покидала роддом, пока её ребёнок не будет отнят от груди. Во время пребывания здесь женщины посещали занятия по заботе о детях, и в здании были созданы две мастерские, где женщины, как надеялись, могли изучить какую-либо профессию, в которой они смогут работать после выхода из учреждения.

Карраскер надеялся, что, получив опыт заботы о детях, матери не станут их оставлять, когда сами выйдут из роддома. Он говорил Виктору Альбе, что, действительно, ни одна мать не оставила своего ребёнка за те шесть месяцев, когда он руководил учреждением.

Монахиням Карраскер сказал, что им охотно позволят остаться, если же они хотят уйти, то они могут это сделать, но только когда им найдётся замена. Он ввёл программу обучения, чтобы ознакомить выросших в роддоме девочек с основами ухода за матерями и детьми, и со временем они заняли места большинства монахинь.

Карраскер во время пребывания в роддоме следовал своим эгалитарным анархическим принципам. Хотя было принято, чтобы директор ел вместе с докторами, которым подавали лучшую еду, чем медсёстрам, матерям и детям, он быстро отказался от этого. Он стал есть с детьми, чтобы самому видеть, как они питаются и как к ним относятся.

Кроме того, Карраскер, будучи директором, отказался получать какую-либо зарплату. Когда правительство прислало ему форму, где он должен был написать, какую зарплату он хочет получать, Карраскер ответил, что он не женат, живёт и питается в учреждении и поэтому не нуждается в зарплате³⁸.

Тем временем Синдикат здравоохранения НКТ реорганизовал и значительно расширил медицинскую службу по всей Каталонии. Регион был разделён на девять субрегионов, на втором уровне находилось ещё 26 центров. Гастон Леваль пишет: «Вместе взятые, эти 35 важнейших центров охватывали все четыре провинции, так что ни один город, ни одна деревня, затерянная в горах, или удалённая ферма, ни один мужчина, ни одна женщина, ни один ребёнок не были оставлены без заботы о здоровье, без медицинской помощи».

В каждом из центров действовали поликлиники, где оказывалась помощь в большинстве случаев. Интенсивная терапия и специализированное лечение предоставлялись в Барселоне, куда пациентов отвозили на санитарном автомобиле.

В первый год войны в Барселоне было открыто шесть новых больниц. Одновременно в других частях Каталонии было построено шесть санаториев. К июню 1937 г. в Барселоне под управлением Синдиката здравоохранения находились 18 больниц, включая шесть вновь открытых, а также 22 поликлиники, шесть психиатрических лечебниц, родильный дом и другие учреждения.

Те, кто занимал руководящие посты на разных уровнях системы, избирались соответствующими общими собраниями работников. Каждую неделю центральный комитет синдиката встречался с делегатами девяти подразделений первого уровня, чтобы скоординировать мероприятия.

Синдикат стремился преодолеть тенденцию к концентрации медицинского персонала в Барселоне и других крупных городах. Когда синдикат получал запрос о присылке доктора, центральный комитет, учитывая потребности населения и квалификацию персонала, находил подходящего врача и предлагал ему принять это место. Гастон Леваль замечает: «Чтобы отказаться от предложенной должности, выбранное лицо должно было иметь весьма веские основания».

Синдикат не имел собственных финансовых средств, чтобы поддерживать эту систему. Значительная часть денег поступала от муниципальных органов, которые обычно финансировали поликлиники в своих районах, и от правительства Каталонии.

Врачам, работавшим в системе, платили 500 песет в месяц при трёхчасовом рабочем дне – в сравнении с 350–400 песетами в месяц (при рабочем дне 8 часов), которые получал средний рабочий Каталонии в этот период. Частная медицинская практика не была отменена, но плата за услуги врачей, ведущих её, регулировалась синдикатом, и довольно строго³⁹.

Больницы, созданные анархистами

В различных частях лоялистской Испании анархистами во время войны были организованы новые больницы. Одной из них была Конфедеральная модельная больница, созданная федерацией железнодорожных рабочих НКТ, которая позднее стала военным госпиталем № 20.

Когда началась война, это учреждение существовало лишь в проекте. Однако профсоюз избрал ответственного, Педро Родригеса, и выделил ему несколько сотен тысяч песет, чтобы открыть и оборудовать больницу. За короткое время был приобретён широкий набор операционных и прочих инструментов, а палаты сделали светлыми и жизнерадостными, насколько это было возможно.

Согласно источникам НКТ-ФАИ, персонал больницы был исключительно предан своему делу. Многие из медсестёр и других работников были набраны из числа железнодорожных рабочих и членов их семей. Приводился пример доктора Франко, рентгенолога, который продолжал работать даже после того, как на нём начало сказываться негативное воздействие от облучения аппаратами.

Большинство пациентов, лежавших в этой больнице, были ранеными в ходе боевых действий, преимущественно в районе Мадрида. Однако она также лечила значительное число гражданских пациентов. Даже когда больница официально перешла в ведение вооружённых сил, железнодорожник Педро Родригес остался её руководителем⁴⁰.

Выводы о работе НКТ в здравоохранении во время войны

Доступная нам информация о работе анархистов в области медицины и здравоохранения в период Гражданской войны относится в основном к Каталонии. Однако Гастон Леваль пишет:

“ «Повсюду, где нам удалось изучить посёлки и небольшие города, преобразённые революцией, больницы, клиники, поликлиники и прочие

медицинские учреждения были муниципализированы, укрупнены, модернизированы, поставлены под защиту коллектива. А там, где их не было, они были устроены. Социализация медицины была работой на пользу всех. Она составляет одно из самых замечательных достижений испанской революции...»41

“ «Именно профсоюзы занялись – совместно со специалистами армии – организацией больниц экстренной помощи за линией фронта. Именно они заставляли фашистских и полуфашистских фармацевтов открывать свои аптеки или принимали их, когда собственники их бросали. Именно синдикаты НКТ, далее, организовали, совместно с соответствующими подразделениями военного аппарата, эвакуацию большого количества пожилых, женщин и детей, подвергавшихся опасности в боевых зонах. Именно они организовали бригады противохимической защиты и, в сотрудничестве с муниципалитетами, участвовали в строительстве бомбоубежищ. И мы знаем, хотя у нас нет статистики по данному вопросу, что благодаря им множество больниц, амбулаторий, клиник и домов инвалидов было создано в Леванте, Кастилии, Астурии и других местах»42.

Детские дома НКТ

Другим направлением социальной деятельности НКТ во время Гражданской войны было открытие приютов для детей, который были вынуждены бежать от надвигавшихся сил Франко. Подобных учреждений было много, но я располагаю информацией лишь о трёх из них.

Первым из них является колония для детей-беженцев «Спартак», созданная федерацией железнодорожников НКТ в Арнусе, в муниципалитете Архентона, в 30 километрах к северу от Барселоны. Колония разместилась в хорошо обустроенном поместье одного банкира, сеньора Гари, который бежал с началом войны, и финансировалась за счёт добровольных пожертвований железнодорожных рабочих со всей республиканской Испании.

Эта колония была создана в октябре 1936 г. для детей в возрасте от трёх до двенадцати лет, эвакуированных из Мадрида. Она была организована за десять дней, и железнодорожники изготовили мебель и другие необходимые для неё предметы.

Дети размещались в комнатах по шесть-десять кроватей в каждой. Имелись помещения для купания. В учреждении были своя столовая, различные мастерские и медпункт. Также работала школа с тремя учителями, и присутствовали воспитатели для детей дошкольного возраста. Работа всех сотрудников колонии оплачивалась43.

Другим аналогичным учреждением НКТ была школа-ферма в провинциальном каталонском городе Сабадель. Она была открыта местным Синдикатом свободных профессий НКТ и также предназначалась для размещения детей-беженцев, в особенности из Мадрида.

В сабадельском интернате работала рационалистическая школа, которая не только преподавала основные предметы, но и поощряла собственные исследования детей в интересующих их предметах и областях. Имелась библиотека с 500 книгами. Ученики также занимались различными видами спорта, включая футбол, плавание и теннис. Здесь были плотницкая и электротехническая мастерские, а также курятник и крольчатник, где дети «изучали это дело теоретически и практически: справляясь с книгами, обмениваясь идеями, готовя корм, изучая формулы, заботясь о животных, собирая яйца...»

Дети регулярно проходили медицинский осмотр. Большое внимание уделялось их физическому и психологическому состоянию⁴⁴.

Эмма Гольдман сообщала о своём визите в ещё один детский дом, созданный анархистами, – колонию имени Дуррути – Аскасо возле Фигераса, в Каталонии. По её словам, в колонии имелось всё необходимое для 200 детей, размещённых в ней, большинство из которых были беженцами из Мадрида. Питание она посчитала «обильным и полезным», а жилые помещения её «поразили своим пространством, воздухом и солнечным светом».

Анархисты организовали в детском доме школу, в соответствии со своими представлениями об образовании, и хотя, когда она посетила учреждение в декабре 1937 г., эта школа официально была включена в систему образования каталонского правительства, она говорила, что правительству «пока не удалось изменить великолепные учебные планы» анархистов. В школе работали только три учителя, но, как сообщала Эмма Гольдман, «самым отрадным было то, что дети чувствуют себя спокойно и непринуждённо и что у них нет раболепия перед старшими. Прекрасные дружеские отношения преобладали среди наших товарищей, возглавлявших колонию, учителей и детей...»⁴⁵

Заключение

Анархисты не только приняли в своё ведение значительную часть сельской и городской экономики республиканской Испании, они также оказывали большое влияние на систему образования и учреждения социального обеспечения лоялистской половины страны. В первый год Гражданской войны они направляли образовательные мероприятия каталонского правительства, при этом продолжая управлять школами, которые были организованы ими до войны, и открывая много новых школ под прямым контролем их профсоюзов. Даже после того, как сталинисты начали распространять свою власть по Испанской республике, анархистам удалось удержать существенную часть республиканской системы образования под своим контролем.

Подход анархистов к образованию довольно заметно отличался от подходов церковных и государственных школ до войны. Они находились под сильным влиянием учений Джона Дьюи и других реформаторов образования и проводили их идеи в жизнь, когда значительная часть системы образования оказалась в их руках.

Анархисты также сыграли важную роль в создании системы социальной защиты в лоялистской Испании. Их инициативы были наиболее заметными в Каталонии, где они

создали общерегиональную систему здравоохранения для всего населения. Однако, в более частном аспекте, они также взяли на себя здравоохранение и обеспечение пожилых людей в других частях контролируемой ими экономики.

Наконец, анархисты осуществили много специальных проектов для помощи тем элементам населения республиканской Испании, положение которых было наиболее тяжёлым и уязвимым. Особенно выдающейся была их забота о детях, ставших жертвами войны.

Многие из нововведений анархистов в образовательной и социальной сферах были вызваны необычностью той ситуации, с которой они столкнулись после краха правительственной и практически всей прочей власти с началом Гражданской войны. Однако то, что они сделали – за исключением их сотрудничества в восстановлении правительства, – в целом укладывалось в рамки их философии. Кроме того, на особом экономическом пленуме Национальной конфедерации труда в Валенсии в январе 1938 г. они попытались заложить основы более органической и долгосрочной структуры того общества, которое, как они надеялись, им удастся создать после окончания войны.

23. Экономический пленум НКТ

Анархические коллективы, как сельские, так и городские, созданные в начале Гражданской войны, практически во всех отношениях представляли собой стихийное явление. Их возникновение объяснялось рядом обстоятельств: бегством помещиков, владельцев заводов, торговых фирм и других предприятий в первые дни и недели войны; тем, что в значительной степени усилиями рабочих, в частности анархистов, были подавлены выступления регулярной армии; повсеместным крушением правительственной власти в республиканской Испании в начале войны.

Не было никакого централизованного руководства движением по созданию коллективов со стороны Национальной конфедерации труда. В ряде случаев местные профсоюзы брали на себя инициативу организации промышленности в своём районе, как было в текстильном производстве Бадалоны; в то же время в Алькое и некоторых других городах и посёлках местная НКТ организовывала всю экономическую деятельность в пределах своей юрисдикции.

Однако прошло полтора года с начала Гражданской войны, прежде чем НКТ разработала план общенациональной структуры тех частей экономики, которые перешли под её контроль. Это было сделано на Национальном экономическом пленуме организации, который прошёл в Валенсии в январе 1938 г.

Общая характеристика экономического пленума

Хосе Пейратс отмечал, что идея проведения национального пленума с целью координации экономической работы НКТ была выдвинута в конце 1937 г. Вначале он был намечен на начало января 1938 г., но затем отложен до середины месяца:

“ «Таким образом, предлагалось провести всестороннюю дискуссию по экономическим проблемам, относящимся к компетенции Конфедерации... Перед пленумом стоял ряд основных задач: продемонстрировать зрелость, достигнутую организацией за 18 месяцев благодаря конструктивному опыту в экономической области (производстве, технике и администрации) и решению, “точному, ясному и положительному”, возникших здесь проблем; показать, что рабочие способны решать проблемы, поставленные текущей

ситуацией, принося необходимые жертвы и преодолевая существующие лишения; ориентировать коллективные интересы рабочего класса на проблемы, которые затрагивают его существенным образом; изучить, независимо от политики и войны, экономическую ситуацию и наиболее подходящие и рациональные решения для неё»¹.

Этот пленум являлся ближайшим аналогом национального конгресса, проведённым НКТ во время Гражданской войны. Согласно Пейратсу, около 800 делегатов собралось в театре Серрано в Валенсии. Делегаты представляли местные и комаркальные федерации НКТ, а также региональные комитеты Каталонии, Центра, Андалусии, Леванта и Эстремадуры. Хосе Пейратс отмечал, что национальные отраслевые федерации не были напрямую представлены на этом пленуме².

Голоса делегатов были дифференцированными, в зависимости от размера организации, которую он или она представляли. С одной стороны, представитель организации, в которой было 500 или меньше членов, имел один голос; с другой стороны, делегат от группы с 200 тысячами членов имел 20 голосов.

Пейратс отметил одну особенность экономического пленума: Национальный комитет НКТ представил проекты резолюций по каждому из пунктов в повестке дня. На всех предшествующих форумах НКТ проекты резолюций разрабатывались комитетами в самом процессе работы³.

В данном случае все резолюции, кроме трёх, внесённые Национальным комитетом, были приняты практически единогласно. Одна была отклонена, и вместо неё было одобрено предложение, выдвинутое участниками пленума; другие две были приняты, но при заметной оппозиции⁴.

Экономический пленум отразил изменения, которые произошли за время войны в отношениях НКТ и национальной экономики, а также изменения в самой профессиональной организации анархистов. Была изложена программа реорганизации экономики под эгидой НКТ. Одним из наиболее примечательных признаков перемен в Конфедерации было почти полное отсутствие дискуссий об автономии её составных частей.

Резолюции, принятые экономическим пленумом, могут быть разделены на две категории. Первые относились к текущим проблемам, вызванным теми событиями, которые произошли с начала Гражданской войны. Вторые включали в себя наброски послевоенной и послереволюционной структуры национальной экономики, которую надеялись создать анархисты. Тем не менее между резолюциями этих двух видов существовала неизбежная взаимосвязь.

Опыт войны и революции в резолюциях пленума

Те решения экономического пленума, которые давали ответ на проблемы, возникшие в результате войны и революции, носили различный характер. Некоторые были вызваны кризисными ситуациями во время войны. Другие, хотя и вытекали из опыта НКТ после 19 июля 1936 г., имели долгосрочное значение, отражая как традиционную идеологию испанских анархистов, так и их взгляды в январе 1938-го на природу реорганизации испанского общества, которую они хотели осуществить

Две резолюции имели отчётливо политическую окраску. Одна из них передавала приветствие «антифашистским заключённым», находившимся тогда в тюрьмах Республики, и обещала, что НКТ сделает всё возможное для их освобождения⁵. В другой содержалось обращение к премьер-министру Хуану Негрину с требованием немедленного освобождения таких заключённых⁶.

К ним примыкали обращения, направленные различным иностранным профессиональным организациям, включая Международную федерацию профсоюзов (находившуюся под влиянием социалистов), британский Конгресс тред-юнионов и французскую Всеобщую конфедерацию труда. Анархо-синдикалистской Международной ассоциации трудящихся не было отправлено никаких обращений, хотя одно было адресовано САК – шведской секции МАТ⁷.

Две резолюции были, по крайней мере отчасти, продиктованы скорее войной, чем революцией. Они относились к созданию распределительных центров НКТ для потребительских товаров, с целью воспрепятствовать чёрному рынку и наценкам, и к сокращению количества публикаций НКТ.

Другие резолюции пленума основывались на опыте работы сельских и городских коллективов НКТ после 19 июля, а не на военной ситуации таковой. Сюда относились документы о создании системы трудовых инспекторов, об установлении дифференциальной системы оплаты труда, об обосновании и характере мер по поддержанию дисциплины среди работников коллективов, об учреждении Иберийского синдикального банка, о проблемах социальной защиты и страхования и несколько кратких постановлений о создании школ подготовки квалифицированных кадров для коллективов.

Наконец, обсуждался вопрос о том, сколько национальных отраслевых федераций должна иметь НКТ, по крайней мере на данный момент.

Резолюция о распределительных центрах НКТ

Ко времени проведения Национального экономического пленума ситуация в экономике республиканской Испании становилась всё более тяжёлой, росли инфляция, дефицит товаров, в частности продовольствия, и безработица. Чилийский посол Агустин Эдвардс в октябре 1937 г. сообщал президенту Артуру Алессандри о том, что, по словам лидера одного барселонского профсоюза, конфисковавшего британскую компанию, «в Барселоне уже три

месяца не было мяса; последнего мула съели давным-давно. Здесь нет хлеба ни одного сорта, и все поставки продовольствия свелись к небольшому количеству овощей с ферм Валенсии, рису и батату».

Тот же профсоюзный лидер говорил: «Каталонская промышленность умирает из-за отсутствия рынков; на всей территории, оккупированной генералом Франко, каталонские продукты, которые раньше продавались без каких-либо трудностей, были заменены немецкими и итальянскими товарами»⁸.

Хотя экономический пленум НКТ не мог ничего сделать с территориальными потерями, он принял резолюцию, призванную ввести более справедливое распределение продовольствия, имеющегося в лоялистской зоне: «Распределительные секции синдикатов совместно с местными и комаркальными организациями немедленно приступят к созданию во всех населённых центрах крупных товарных складов...» Каждый местный, комаркальный и региональный совет экономики НКТ должен был осуществить следующее: «Ежедневно собирать статистику о товарах, имеющихся на складах, для равномерного распределения между поселениями в соответствии с их нуждами... Вмешиваться в операции оптового рынка... Устанавливать, принимая во внимание общие издержки, транспорт и проч., и проч., отпускные цены, которые будут изменяться в соответствии с местом происхождения товаров и особенностями местности, в которой они продаются... При создании этих распределительных складов необходимо исходить из того, что эта служба будет предназначаться для народа в целом». Наконец, все заграничные закупки должны были осуществляться национальным органом НКТ⁹.

Сокращение публикаций НКТ

Удивительным решением экономического пленума НКТ стал призыв к резкому сокращению количества изданий самой НКТ и коллективов и других учреждений, находившихся под её контролем. У этого могли быть как политические, так и экономические основания.

В брошюре, излагавшей резолюции пленума, руководство НКТ отмечало, что с начала войны объёмы публикаций всех организаций и партий увеличились многократно, несмотря на трудность получения бумаги: «И здесь НКТ также выпадает честь поставить себя в авангарде и разработать план, которым она налагает на саму себя ограничения... Огромное количество публикаций исчезнет с принятием этого решения: десятки периодических изданий, множество бюллетеней, большое число обзоров, добровольно прекращённых, чтобы сохранить бумагу»¹⁰.

Фактически резолюция, призывавшая к сокращению изданий НКТ, указывала три причины для данной меры. Первой из них была нехватка бумаги. Второй – «необходимость поручить каждую публикацию товарищу совершенно надёжному, из числа старых борцов движения, и в то же время обладающему компетентностью, необходимой для качественного издания», и недостаток подобных людей.

В качестве третьей причины называлась «необходимость придать нашим публикациям однородную ориентацию – единственный способ получить результат от применения такого мощного оружия, каким является пресса. Необходимо положить конец открытым противоречиям в движении».

К началу 1938 г. в рядах анархистов начало проявляться значительное недовольство теми уступками, на которые пошла НКТ в отношении своих основных принципов, принятых до 19 июля 1936 г. Это недовольство спустя несколько месяцев привело к фактическому разрыву между лидерами НКТ и лидерами ФАИ. Следует полагать, что многие издания, которые осуждались в резолюции, были органами, критиковавшими линию Национального комитета НКТ.

Так или иначе, резолюция предписывала, что в Барселоне, Валенсии и Мадриде должно выходить по две анархических газеты, одна утром и одна вечером; другие ежедневные газеты должны были выпускаться в каталонских городах Хероне, Лериде, Таррагоне и в левантийских городах Кастельоне, Альбасете, Аликанте и Мурсии либо Картахене (с закрытием газеты в одной из них). В Андалусии газеты должны были издаваться в Альмерии и, на выбор, Убеде, Хаэне или Васе; в Эстремадуре – только в Кабеса-дель-Буэе; в Центре – только в Куэнке, Толедо и Сьюдад-Либре (бывшем Сьюдад-Реале). В Арагоне единственный ежедневник должен был выходить в Альканьисе.

Бюллетени всех видов также размножились после 19 июля. Резолюция гласила, что впредь они будут выпускаться только национальными отраслевыми федерациями и что «бюллетень будет предназначен для исключительного пользования синдикатов и вообще не будет затрагивать политических или военных вопросов, которые станут исключительной областью ежедневных газет».

Обозрения точно так же должны были выпускаться лишь национальными отраслевыми федерациями, и они должны были быть ежеквартальными, кроме издания Крестьянской федерации, которое должно было выходить каждый месяц. Резолюция гласила: «Обозрения ограничат своё содержание техническим исследованием и ориентацией, совершенно оставляя в стороне политическую и профсоюзную ориентацию, которая отныне входит в исключительную компетенцию прессы в первом случае и бюллетеней – во втором»¹¹.

Все признаки, казалось бы, говорили о том, что желание Национального комитета отстоять свою концепцию дисциплины в рядах организации сказалось на данной резолюции не меньше, чем нехватка бумаги. Но, как ни удивительно, этот проект не встретил возражений со стороны участников и был принят единогласно.

Энрике Марко Надаль, лидер НКТ в Валенсии во время Гражданской войны и одна из главных фигур в подпольном руководстве НКТ после Второй мировой войны, настаивал, что резолюция о публикациях была принята отнюдь не «с намерением устранить оппозицию, которая исходила от них по отношению к Национальному комитету... а чтобы прекратить смятение внутри организации, вызванное пропагандой личных точек зрения, которые можно было беспрепятственно выражать на общих собраниях, проводившихся после созыва каждого пленума или конгресса»¹².

Резолюция о создании системы трудовых инспекторов

Хотя имеющиеся источники не дают информации о том, что говорилось на дебатах по различным резолюциям экономического пленума, из голосования по предложению о создании трудовой инспекции можно заключить, что оппозиция этой идее была значительной. Предложение было принято 516 голосами при 120 против и 82 воздержавшихся¹³.

Вводный текст к этой резолюции, составленный Национальным комитетом НКТ, говорит о случившемся более красноречиво, чем сама резолюция. «Война заставляет нас рассматривать трудовой фронт как дополнение боевого фронта. Исходя из этого, дисциплина, обязательная в окопах, должна иметь своё продолжение в центрах производства».

Национальный комитет продолжал: «Нам отлично известно, что огромное большинство рабочих и активистов выполнило свой долг после 19 июля, всеми способами стараясь увеличить производство. Однако обнаружилось меньшинство, которое, будучи полностью безответственным и несознательным, не выдало в тылу той продукции, на которую следовало рассчитывать».

Поэтому Национальный комитет (а за ним и пленум) принял решение «ввести должности технических делегатов, которые будут инспектировать и ориентировать экономические единицы, находящиеся в их юрисдикции, и, если этого потребуют обстоятельства, будут подвергать наказаниям рабочих и советы предприятий или технико-административные советы, которые неспособны справиться с ситуацией и саботируют, из-за своего отсутствия опыта, неумения или нежелания, нормальный процесс производства»¹⁴.

Очевидно, что положения этой резолюции не были выполнены на практике. Энрике Марко Надаль отмечал: «Должности трудовых инспекторов в анархо-синдикалистских коллективах не были введены... поскольку считалось, что никто не мог осуществлять подобный надзор лучше, чем их управляющие комитеты, состоящие из представителей каждого цеха или секции фабрики...»¹⁵

Резолюция о дифференциации заработной платы

Ещё одна резолюция экономического пленума, которая существенно отличалась от традиционной позиции испанских анархистов, носила название «Форма вознаграждения за труд». Национальный комитет НКТ объяснял: «Безусловно важной была проблема, которая существовала и существует у испанского пролетариата в связи с оплатой труда. Разные

сетки, различающиеся типы, множественные системы. В одном виде работ и в одном населённом пункте присутствуют различия внутри специальностей»¹⁶.

Сама резолюция гласила, что пленум не собирается «отрицать основные принципы, на которых всегда стояла наша организация, и, признавая, что посемейный тип оплаты труда больше согласуется с этими принципами, мы предлагаем принять эту процедуру выплат, с процентным соотношением и формой, установленными настоящей резолюцией, в отраслях, национальных федерациях и проч., которые не могут применять другую систему посемейной оплаты на более широкой основе».

Далее резолюция определяла дифференциацию заработной платы, которая должна была являться стандартом для контролируемых НКТ предприятий. Независимо от того, каким был базовый размер зарплаты на предприятии или в отрасли, квалифицированные категории рабочих и управленческий персонал должны были получать надбавку от 20 до 100 процентов к минимуму.

Вместе с тем делались некоторые уступки анархическому принципу – платить рабочим в соответствии с размером семьи, находящейся у них на содержании. Резолюция гласила, что каждое предприятие НКТ должно создать фонды семейной компенсации и что каждая национальная отраслевая федерация должна решить, на какой основе будет происходить распределение средств из этих фондов между работниками¹⁷.

Очевидно, что данная резолюция представляла собой серьёзный компромисс по сравнению с идеей посемейной оплаты. Как мы видели в предыдущих главах, многие сельские и некоторые городские коллективы уже приняли этот принцип. Резолюция экономического пленума НКТ, казалось, была призвана прекратить эту практику, однако она вряд ли успела оказать значительное воздействие на существующие коллективы. Я не встречал ни одного случая, когда вышестоящая организация НКТ пыталась бы навязать эту систему коллективу.

Резолюция о дисциплине труда

Следующая резолюция экономического пленума, которая определённо не могла быть принята довоенной НКТ, была озаглавлена «Общие нормы труда» и фактически относилась к проблеме дисциплины. Она также прошла без возражений и отразила собой идейную эволюцию многих анархистов под влиянием войны и того обстоятельства, что на них фактически легла ответственность за управление значительной частью экономики Испании.

В своём объяснении по поводу резолюции Национальный комитет НКТ отмечал:

«НКТ ответственна за определение трудовых норм, за выработку предписаний, которые указывают каждому его права и обязанности. Совершенно ясно, что при установлении прав и обязанностей невозможно исключить санкции, поскольку все и каждый должны делать всё возможное для той совместной великой работы, в которой мы участвуем, ведя войну и восстанавливая экономику, разрушенную в результате конфликта...

[Однако] НКТ не продолжает применять старые буржуазные нормы, вместо этого санкции, согласно нашим принципам морального воздействия на индивида, рассчитаны на перевоспитание производителя или исправление его недостатков и пороков»¹⁸.

Читатели сами могут судить о том, насколько нормы НКТ отличались от норм буржуазного общества.

В довольно пространной преамбуле резолюции говорилось:

«Либертарное движение никогда не было врагом организации... Другие передовые школы стремились: одни – передать все богатства под контроль государства, чтобы через него, пользуясь его всепоглощающей природой, монополизировать средства производства и сбыта; а другие, отрицая всякую объединительную тенденцию, – предоставить импровизации и инстинкту общительности свободно распоряжаться ресурсами труда и обмена. Ни одна социологическая школа не сформулировала, какой должна быть организация управления, либо потому, что пролетариат представлялся ей неспособным к методическому созиданию и поэтому нуждающимся в единой направляющей мысли и голосе; либо потому, что она рассматривала это как поспешное воссоздание прежних норм, влекущее за собой тиранию, и считала необходимым оставить всё в хаосе, из которого, благодаря всевышней свободной воле революционных масс, волшебным образом родится порядок...

Либертарный идеал Конфедерации противопоставляет этим ложным системам... формулу ОТВЕТСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, действующей в каждый исторический период, в каждой стране, в соответствии с возможностями и с добровольно признаваемой и принимаемой дисциплиной. Эта концепция, которая является антигосударственной и враждебной всякому индивидуализму, представляет собой реальное применение демократии во всей общественной жизни людей».

Основная часть резолюции начиналась с положения, согласно которому технико-административные комитеты на каждом коллективизированном предприятии и экономические советы НКТ в населённых пунктах, регионах и национальных отраслевых федерациях «будут органами, отвечающими за ведение работы. Они будут планировать, устанавливать контакты, направлять и осуществлять работу, движение средств производства, приобретение материалов, финансовое управление и т.д., назначая и расширяя советы предприятий по соглашению с работниками производственных единиц».

В пределах каждого предприятия каждая профессиональная группа будет иметь своего «распределителя заданий», и этот человек «будет отвечать за объёмы и качество и за поведение рабочих». Над этими людьми на каждом предприятии должен был стоять сотрудник, ответственный перед технико-административным комитетом и «пользующийся властью, которая может быть ограничена только советом предприятия или контрольным комитетом синдиката».

На этих должностных лиц и возлагалось поддержание дисциплины труда. Вопреки порядку, принятому во многих городских коллективах, не было никаких упоминаний о том, что эти

лица должны избираться самими работниками.

Резолюция перечисляет множество нарушений трудовой дисциплины, которые могли послужить основанием для санкций. К ним относились «отсутствие без уважительной причины, постоянные опоздания, неспособность выполнять порученные производственные операции, проявление пораженческих настроений в форме конфронтации с распределителями заданий...» Дисциплинарная мера могла быть обжалована работником в местном профсоюзном комитете, к которому относился данный коллектив. Местный комитет, после консультации с технико-административным комитетом коллектива, должен был вынести окончательное решение.

Высшим наказанием за нарушение дисциплины, предусмотренным в резолюции, было увольнение. Однако, если работник подвергся наказанию в первый раз, местный профсоюзный комитет был обязан найти ему работу в другом коллективе муниципалитета. В случае повторного нарушения профсоюзный комитет должен был найти для работника место в другом населённом пункте. После третьего раза в трудовой книжке рабочего делалась запись о нарушении, и профсоюз мог по своему выбору временно отстранить его от работы либо окончательно уволить.

Вероятно, самым нехарактерным положением данной резолюции, с традиционной для анархистов точки зрения, было относящееся к ведению трудовых книжек. Оно гласило: «Поскольку о трудовой деятельности всего персонала будет сообщаться технико-административному совету синдиката, каждый работник будет иметь документ, в котором перечисляются главные профессиональные и социальные характеристики его личности. Техничко-административный совет будет получать персональную информацию от соответствующих секций синдиката, и они будут удостоверять моральные и профессиональные качества» работника.

Далее резолюция устанавливала, что на каждом предприятии должен существовать профсоюзный контрольный комитет. Согласно резолюции, он «будет содействовать совету предприятия и следить за точным выполнением работы. Он будет сотрудничать и постоянно стремиться помогать в совершенствовании методов работы, для количественного и качественного улучшения. Контрольный комитет будет держать синдикат в курсе всех событий на предприятии. Он будет способствовать раскрытию негативных элементов, осуждая выявленные случаи некомпетентности. Он будет стремиться улучшить материальные условия работника...»

Контрольному комитету и главному специалисту по труду вменялось в обязанности расследовать все несчастные случаи на производстве. Если они обнаруживали, что травма, полученная работником, в действительности является симуляцией или членовредительством, они должны были доложить об этом технико-административному комитету. В ином случае пострадавший работник должен был получить полную зарплату и необходимое лечение за счёт коллектива.

Заключительный параграф резолюции заявлял: «Конфедеральная организация во всех случаях наделяется абсолютными полномочиями по определению норм, санкций, изменений

всех видов и разрешению всех споров, возникающих между главными специалистами по труду, технико-административными советами и местными советами экономики»¹⁹.

Очевидно, что эта резолюция по большей части оставалась мёртвой буквой. Марко Надаль писал: «...Не было установлено никакой дисциплины труда... Это было бы оскорблением для тех, кто составлял рабочую силу каждой мастерской или фабрики; благодаря энтузиазму и серьёзности, с которыми все они выполняли свою работу, рабочий день у всех проходил так же, как и раньше, и то, что было установлено во времена буржуазии, не подвергалось изменению»²⁰.

Резолюция об Иберийском синдикальном банке

Одним из наиболее поразительных решений экономического пленума НКТ, знаменующих разрыв с прошлым, был проект создания собственного центрального банка, под названием «Банко Синдикаль Иберико». Резолюция, одобрявшая эту меру, очевидно, была одной из тех, что вызвали больше всего споров на заседаниях. Она также была одной из трёх резолюций, по которым проводился подсчёт голосов. В итоге она была принята голосами 581 делегата при 60 голосовавших против и 74 воздержавшихся²¹.

В прошлом испанские анархисты уделяли мало внимания банкам и проблеме кредита в целом. Перед Гражданской войной они определённо не видели для банков места в послереволюционном обществе, которое они надеялись создать; и если будет существовать необходимость в кредите, то, по их мнению, он будет осуществляться на основе солидарности между разными частями послереволюционной экономики.

Сесар Лоренсо отмечал это непонимание банковской системы, или безразличие к ней, существовавшее накануне Гражданской войны:

“ «Либертарии не понимали важности банковской системы и её долгосрочного воздействия на социализацию; поэтому они оставили без внимания этот фундаментальный сектор экономики».

Лоренсо приводит слова немецкого анархиста Сухи по тому же поводу:

“ «Коллективизация не должна была оставаться частичной, она должна была охватить всю экономическую жизнь. Процесс коллективизации можно было сравнить со строительством группы зданий: из разных мест приносились камни, и из них складывались небольшие отдельные дома. Благодаря коллективизации банков их строительство можно было бы осуществить в соответствии с общим архитектурным планом. К сожалению, по этому пути не пошли, и время было упущено»²².

Сесар Лоренсо также заметил, что, когда анархисты в сентябре 1936 г. вошли в каталонское правительство, они заняли большинство ключевых постов, но не пост советника по финансам:

“ «Факт важный, поскольку он свидетельствует о политической неискущённости людей из НКТ или, если угодно, их романтизме; чувствуя себя неуютно в низких денежных вопросах, они ставили на первое место революционную чистоту и не проявляли интереса к финансовой системе, контролировать которую им было бы трудно из-за отсутствия технического опыта (мы уже говорили, что банковские служащие, недружелюбные, если не враждебные к либертарным идеям, входили в состав ВСТ)»²³.

Однако после полутора лет гражданской войны лидеры анархистов получили отчётливое представление о значении банковского дела в национальной экономике и о той опасности, которую создавало для коллективов, в особенности городских, отсутствие у них какого-либо значимого влияния в этой сфере. Мы уже отмечали в предыдущих главах, что многие коллективы были вынуждены обращаться за финансовой помощью к каталонскому и республиканскому правительствам. Пока Хосе Таррадельяс был советником по финансам в Хенералидаде Каталонии, а Хуан Пейро – министром промышленности в правительстве Ларго Кабальеро, такая помощь оказывалась, по крайней мере в некоторых случаях, и условия оставались приемлемыми.

Однако, как только анархисты были вытеснены из каталонского и республиканского правительств, а заклятые враги коллективов, сталинистов, приобрели огромное, если не преобладающее влияние в обоих режимах, эта финансовая помощь прекратилась; более того, сталинисты и их союзники использовали задолженность многих из коллективов как предлог для передачи контроля над ними от рабочих государству.

Коллективы могли в незначительной степени решать эту проблему стихийным способом, когда финансово сильные предприятия оказывали помощь предприятиям, испытывавшим проблемы. Мы уже упоминали о ссуде, которую коллектив химической промышленности Бадалоны предоставил шахтёрскому коллективу Ла-Уньона. Но подобные сиюминутные решения далеко не являлись адекватным ответом на проблему. Выход должна была указать резолюция экономического пленума.

Национальный комитет объяснял её принятие следующими соображениями:

“ «Операции, которые сможет осуществлять ИСБ, станут эффективным стимулом для бесконечного множества предприятий, неустойчивое развитие которых ведёт к краху. Крестьянство также сможет в соответствующий момент получать через ИСБ займы, которые спасут его в трудные времена...

Если подвести итог, движение капитала, размещённого в ИСБ, не только обеспечит преимущества для синдикальных организаций, но и – что самое важное – позволит увеличить производство, поможет осуществить на

практике рациональное планирование промышленности; оно обеспечит поступательное развитие экономической реконструкции, предоставив на честных условиях экономические средства, которых коллективы и отрасли в настоящий момент лишены»²⁴.

Сама резолюция призывала к созданию Иберийского синдикального банка как совместного предприятия НКТ и ВСТ – но оговаривала, что участие ВСТ не является обязательным для открытия банка. Предусматривалось создание особой комиссии, которая назначала бы председателя, заместителя председателя и главного управляющего банка, а также определялся размер необходимого капитала и расписывалась роль, которую должны были играть в банке профсоюзы НКТ на всех уровнях, от местных отделений до национальной организации банка. Все эти решения должны были быть ратифицированы Национальным пленумом региональных организаций НКТ.

Особая комиссия должна была состоять из секретаря Национального комитета НКТ, который председательствовал в ней, экономического секретаря Национального комитета, секретаря банковской субсекции Национальной федерации работников банков, страхования и смежных профессий НКТ, секретаря Экономического комитета НКТ Барселоны и одного делегата от каждой из региональных конфедераций НКТ (Каталонии, Центра, Леванта, Андалусии, Арагона и Эстремадуры).

Наконец, резолюция предусматривала, что организации НКТ, действующие в тех местах, где должны быть созданы банк и его первые отделения, обязаны будут предоставить для них капитал²⁵. Это решение НКТ о создании собственного банка, безусловно, было принято слишком поздно для того, чтобы оказать какой-либо эффект. Потеря Арагона всего через несколько недель после экономического пленума, прорыв сил Франко к Средиземному морю, расколовший Республику на две части, последнее крупное наступление республиканцев на Эбро, ухудшающееся экономическое положение на лоялистской территории, растущее влияние сталинистов в режиме Негрина – всё ополчилось против планов по созданию банка НКТ для финансирования коллективов.

Резолюция о страховании

Страхование было ещё одним аспектом экономики, на который анархисты обращали мало внимания. Как и банковское дело, оно казалось им капиталистическим по своей сути и поэтому совершенно ненужным в той социально-экономической системе, которую они надеялись создать.

Тем не менее к январю 1938 г. военные условия и необходимость защитить анархические коллективы заставили НКТ всерьёз заинтересоваться проблемой страхования. Результатом этого стала следующая резолюция экономического пленума.

В предисловии к ней Национальный комитет НКТ говорил:

█

«Создание в нашей среде таких органов, выполняющих нелёгкую и весьма полезную работу по координации, инспектированию, ориентированию и, когда необходимо, контролю различных обществ взаимопомощи, созданных рабочими для защиты от рисков болезни, временной или постоянной нетрудоспособности вследствие несчастных случаев, старости или увольнения и т.п., нельзя откладывать, так как эти функции социальной защиты не могут осуществляться организациями, которые, несмотря на их благие намерения, не имеют необходимых средств и технического и административного обеспечения, без которых невозможно получить наилучшие результаты и поставить обслуживание на высочайший уровень...»²⁶

В этой длинной преамбуле отмечалось, что в прошлом НКТ не проявляла особого интереса к проблемам социальной защиты и страхования. Считалось само собой разумеющимся, что достигнутая в либертарном обществе «защищённость сделает страхование ненужным»²⁷.

Резолюция предусматривала создание Административного синдикального агентства страхования, которому поручалось множество различных задач.

Хотя большинство коллективов НКТ предоставляли своим членам гораздо более широкую социальную защиту, чем правительственные учреждения социального обеспечения, которые выдавали только скромные компенсации при несчастных случаях, уходе на пенсию или рождении ребёнка, на многие коллективы подавались иски за отказ выплачивать взносы на социальное страхование, предусмотренные законом. Таким образом, одной из главных задач нового агентства было проведение переговоров с правительством по поводу отзыва этих исков. Ему также было поручено добиться освобождения коллективов от действия правовых актов, вводящих государственное социальное страхование.

Предполагалось, что агентство постарается в максимально возможной степени стандартизировать услуги социального обеспечения в коллективах НКТ. Кроме того, через него следовало вести любые переговоры коллективов как с правительственными учреждениями социального обеспечения, так и с частными страховыми компаниями, чтобы добиться определённого единообразия в подобных соглашениях.

Резолюция о национальных отраслевых федерациях

Последняя резолюция пленума, относившаяся к специфическим проблемам, поставленным гражданской войной и революцией, устанавливала количество национальных отраслевых союзов, или федераций, которые должна была иметь НКТ. Это была ещё одна резолюция, по которой проводился подсчёт голосов.

И это был единственный случай, когда проект резолюции, внесённый Национальным комитетом НКТ, был отклонён пленумом. Альтернативная резолюция, внесённая участниками пленума, прошла при 352 голосах «за», 266 «против» и 115 воздержавшихся. Однако, поскольку она не получила абсолютного большинства, вопрос должен был быть передан на решение членов НКТ. У нас нет информации о том, был ли проведён подобный референдум, и если да, то каковы были его результаты.

Создание национальных отраслевых федераций долгое время было предметом разногласий внутри анархического движения. Впервые это предложение было внесено в начале 1920-х гг., но лишь на конгрессе НКТ 1931 г. эта идея была одобрена. Однако вскоре в НКТ произошёл раскол между фаистами и трейнтистами. Сторонники ФАИ, которые удержали контроль над большей частью организации, были настроены против национальных отраслевых федераций и предпринимали мало усилий для их создания. Сесар Лоренсо отмечает, что к началу Гражданской войны существовало лишь четыре отраслевых организации²⁸.

После того, как началась война, были созданы новые национальные отраслевые федерации. Согласно Хосе Пейратсу, всего ко времени проведения Национального экономического пленума их было тринадцать: сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия; чёрной металлургии; транспорта; здравоохранения и гигиены; строительства и деревообработки; воды, газа, электричества и топлива; общественных зрелищ; банковского и страхового дела; образования; связи; бумажной промышленности и графических искусств; химической промышленности; общественных, административных и судебных служащих.

Проект резолюции, вынесенный на пленум Национальным комитетом НКТ, предлагал создать ещё семь отраслевых федераций путём разделения уже существующих. Встречное предложение, выдвинутое региональными делегациями Каталонии и Центра, предусматривало сохранение тринадцати национальных федераций. Как мы уже сказали, обсуждение этого вопроса выявило расхождение во мнениях, и его решение следовало передать на референдум²⁹.

Резолюция об организации экономики, контролируемой НКТ

Резолюция экономического пленума, которая, если бы лоялисты выиграли Гражданскую войну, имела бы долгосрочное значение величайшей важности, излагала планы анархистов по организации той части республиканской экономики, которая находилась под их контролем. Предлагавшаяся структура должна была охватить не только те экономические учреждения и предприятия, над которыми анархисты осуществляли полный контроль, но и те, где они разделяли контроль с ВСТ.

Вероятно, наиболее поразительным в этом плане, утверждённом экономическим пленумом, было то, что он совершенно не был связан с резолюцией о послереволюционном устройстве общества, которая была принята на Сарагосском конгрессе НКТ за два с небольшим месяца

до начала Гражданской войны. События войны и революции, которые неожиданно обрушились на анархистов вскоре после возвращения их делегатов из Сарагосы, казалось, убедили их в утопичности принятых там предложений.

В главе 2 я кратко обрисовал некоторые идеи по реорганизации испанской экономики и общества, которые были выдвинуты в десятилетие, предшествовавшее Гражданской войне, испанскими анархическими мыслителями и Гастоном Левалем, французом, долгое время работавшим с НКТ. Определённые элементы их теорий вошли в документ, принятый экономическим пленумом. Безусловно, представление некоторых из них о ключевой роли национальных отраслевых федераций в послереволюционной экономике явно присутствует в валенсийском документе. Также заметен левалевский отход от традиционного акцента на преувеличенной автономии. Модель экономики, одобренная в Валенсии в январе 1938 г., кроме того, обнаруживает большое сходство с планом организации послереволюционной экономики, который был поколением ранее принят «Индустриальными рабочими мира» в США.

Предисловие Национального комитета НКТ к этому документу, приведённое в брошюре об экономическом пленуме, описывает исторический фон резолюции:

“ «Много было рабочих, которые 19 июля заняли свои производственные площадки в результате бегства своих прежних хозяев. И много среди них было тех, кто думал, что это было всего лишь изменение формы собственности. Так они и работали, когда предприятия были процветающими, пользуясь абсолютной независимостью...

Однако становилось необходимым и теперь ещё необходимо заставить их понять, что 19 июля победу одержали не единицы, а коллективные силы пролетариата, и поэтому недопустимо, чтобы все выгоды сосредотачивались вокруг небольшого ядра. Общее усилие для того, чтобы бороться и побеждать; общая выгода, которую приносит победа; выгода, позволяющая улучшить благосостояние народа. Кроме того, НКТ осознала, что не может быть процветающей, с коллективной точки зрения, экономики без контроля и централизованной координации административного характера»³⁰.

Основой плана НКТ была организация контролируемой ею части национальной экономики по образцу организационной структуры самой НКТ. Сюда входили группы рабочих на отдельных заводах; местные синдикаты, объединяющие рабочих определённой отрасли в одном населённом пункте; провинциальные, региональные и национальные отраслевые федерации. Также существовали местные федерации всех синдикатов НКТ в одном населённом пункте и аналогичные объединения на провинциальном и региональном уровне, с Национальной конфедерацией труда во главе. К этой базовой структуре следовало добавить некоторые новые институты, предусмотренные в данной резолюции экономического пленума.

Этот документ носил название «Административная централизация экономики НКТ», и его основное содержание описывалось следующим образом: «1. Экономические органы, которые

будет иметь национальная отраслевая федерации, и 2. Экономические советы».

На каждом уровне должны были создаваться технико-административные и статистические (ТАС) советы. На каждом предприятии общее собрание каждой профессиональной группы должно было избрать такой орган; в данном населённом пункте общее собрание каждой профессиональной группы работников всех предприятий данной отрасли также должно было избрать такой совет; и на общем собрании всех работников данной отрасли в населённом пункте также следовало избрать секретаря, казначея и техника, которые, вместе с представителями технико-административного и статистического совета каждой профессиональной группы в местной отрасли, составляли ТАС-совет местного синдиката.

Выше местного уровня должны были проводиться пленумы представителей ТАС-советов каждой зоны (очевидно, имелись в виду провинции), которые избирали бы членов зонального комитета, и то же самое происходило бы на региональном уровне. Пленум региональных представителей должен был избрать ТАС-совет национальной отраслевой федерации.

Функции этих технико-административных и статистических советов были не до конца ясными. Естественно, они должны были собирать статистику о работе коллективов на каждом уровне, но кроме того, они, по крайней мере на низших уровнях, должны были «направлять ход работы во всех аспектах» и «постоянно стремиться к хорошей технической ориентации».

Наряду с ними должны были действовать экономические советы. ТАС-советы каждой отрасли в населённом пункте, собравшись вместе, должны были избрать двух членов постоянной комиссии местного экономического совета. Они, вместе с двумя представителями от каждой местной отрасли и одним представителем от местной федерации отраслевых синдикатов, образовывали местный экономический совет. Данные органы должны были исполнять обязанности, «делегированные им вышестоящей организацией».

Такие же экономические советы следовало создать в каждом регионе: Каталонии, Леванте и т.д. И наконец, все национальные ТАС-советы должны были избрать по восемь делегатов каждый, и эти делегаты составили бы Национальный экономический совет НКТ. Он «будет осуществлять технико-административный и статистический контроль над всеми отраслями производства, центрами торговли и кооперативами, относящимися к НКТ, а также над банковскими учреждениями, Административным синдикальным агентством страхования, Фондом семейной компенсации» и прочими организациями, которые существовали или могли быть созданы в области экономики.

Резолюция оговаривала, что все члены постоянных комиссий должны были утверждаться профсоюзными федерациями на местном, региональном и национальном уровнях. Кроме того, «профсоюзные комитеты, параллельные местным, региональным и национальному экономическим органам, будут назначать товарища, который будет выполнять функции секретаря экономического совета»³¹.

С самого начала Гражданской войны НКТ призывала к созданию национального экономического совета с участием НКТ, ВСТ и соответствующих правительственных групп. Так, например, Хуан Фабрегас, первый анархический советник по экономике в каталонском правительстве, писал в начале апреля 1937 г.:

“ «...Если для того, чтобы победить в войне и революции, нас неустанно просят ввести военную мобилизацию и единое командование, то мы считаем, что для победы в нашей войне и нашей революции не менее важно мобилизовать тыл и установить единое руководство на экономическом фронте; иначе говоря, должны быть мозг, который обдумывает и решает, и другие, которые подчиняются и выполняют его директивы и лозунги с максимальной ответственностью... Без скоординированной работы, без обеих мобилизаций, проведенных одновременно, поражение будет неизбежно...»³²

Член Национального комитета НКТ М. Кардона Росель в своей речи, произнесённой в Барселоне в январе 1937 г., более подробно рассказал о том национальном экономическом совете, за создание которого выступала НКТ. Он описал его как орган, в котором НКТ и ВСТ вместе взятые будут иметь большинство, а остальные члены будут представлять различные экономические учреждения национального и региональных правительств. Он также обрисовал, каким образом этот совет должен был быть организован и функционировать³³.

Однако ни кабинет Ларго Кабальеро, ни кабинет Негрина не пошли на создание такого экономического совета, в котором две главных профсоюзных организации имели бы большинство голосов. Как следствие, НКТ на своём Национальном экономическом пленуме решила создать подобный орган для той части экономики, которая находилась под её контролем, и выработать общую форму организации, которой должен был следовать данный сектор экономики.

Общие выводы по Национальному экономическому пленуму

Некоторые уроки, вынесенные руководством НКТ из опыта полутора лет, прошедших после стихийного захвата рабочими крестьянами значительной части экономики, достаточно ясны. Оно, очевидно, пришло к выводу, что экономика НКТ нуждается в некотором общем управлении и планировании. Оно заключило, что необходимы финансовые учреждения, находящиеся под контролем НКТ, чтобы обеспечивать несколько тысяч коллективов необходимыми средствами. Оно посчитало, что во внутренней и внешней среде коллективов должны существовать инструменты для укрепления дисциплины труда. Оно решило, что необходимо стандартизировать нормы социальной защиты в системе коллективов, и, насколько это возможно, без вмешательства государства.

Из резолюций экономического пленума исчезли некоторые традиционные представления испанских анархистов. Исчезло настойчивое требование полной автономии для каждой единицы либертарной экономики. Исчезла вера в стихийную солидарность, и среди рабочих каждого коллектива, и между коллективами, как достаточную гарантию слаженной работы системы в целом.

Решения январского экономического пленума 1938 г., если бы Гражданская война была выиграна и анархисты получили возможность их осуществить, почти наверняка привели бы к определённой бюрократизации экономики, которая всегда вызывала у анархистов отвращение и которой они всегда пытались избежать в довоенной практике НКТ и входивших в её состав организаций. Можно лишь размышлять о том, являлись ли подобные изменения в анархической доктрине неизбежными при попытках управлять крупным сектором современной экономики или же они стали следствием того, что определённая группа людей впервые в жизни получила значительную власть и, привыкнув к ней, стремилась её расширить.